

Федеральное агентство по образованию

Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**IX Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Пенза, 2007

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ББК 60.5

IX Социологические чтения преподавателей, аспирантов и студентов: Межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, Пензенский гос. пед. ун-т. 2007. – 268 с.

В межвузовский сборник научных трудов включены материалы межвузовской научной конференции и статьи преподавателей, аспирантов и студентов, посвящённые актуальным проблемам социологии, социальной философии, социальной работы, пенсионного обеспечения и социальной лингвистики. Очередной выпуск «Социологических чтений» адресован научным работникам, преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам и всем интересующимся социологическими проблемами.

Ответственный редактор – **А. Б. Тугаров**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы

Редакционная коллегия: **Т. И. Лаврёнова**, кандидат философских наук, доцент;

Т. Г. Скороходова, кандидат исторических наук, доцент.

А. С. Дудкин, кандидат философских наук, доцент;

Рецензенты: **В. П. Воробьёв**, доктор социологических наук, профессор кафедры «Управление и социология» Института государственной службы и управления при Пензенском государственном университете

Л. Я. Плешакова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского.

ISBN 978-5-94321-098-3

© Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА И ЧТЕНИЯ

- Тугаров А. Б.**, В. О. Ключевский в русских социально-философских журналах (к Году русского языка в России) 5
- Быстрова Е.** Круг чтения современной студенческой молодёжи 8

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Рашковский Е. Б.** Дон Бенедетто и иже с ним: итальянская философская мысль XX столетия глазами российского историка ... 13
- Очкина А. В.** Гендерная дискриминация как момент социального неравенства 27
- Мясников А. Г.** Социально-философское осмысление проблемы нравственного воспитания российской молодёжи (попытка применения принципов практической философии И. Канта)..... 37
- Тугаров А. Б., Силантьева Г. А.** Теоретические модели профилактической деятельности в социальной работе 43
- Дудкин А. С.** Альтернативные формы социальной помощи 46
- Антипов М. А.** Гуманизм социальной помощи терминальным больным 51
- Чекарев М. Н.** Социальная справедливость как актуальная социально-философская проблема 54
- Першина Ю.** Социальная работа и культурно-религиозные традиции современного общества 58
- Баткаева А. Р.** Экзистенциальное воздействие средств массовой информации. (Социально-философский анализ)..... 61
- Ишимская Е. В.** Духовные основы военно-профессиональной деятельности 65

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Козина Г. Ю.** Физическая активность как детерминанта здоровья студенческой молодёжи 75
- Данилина Е. С.** Студенты Пензенского государственного университета архитектуры и строительства о проблемах открытия собственного бизнеса: результаты социологического исследования .. 86
- Сухов С.** Проблемы современного профессионального спорта в России 90
- Тугарова Э.** Штрихи к социологическому портрету молодых посетителей музея-усадьбы «Тарханы» 93
- Алюшева А.** Молодежь в системе социальной стратификации 95

Тараканова Л. В. Интернет и политическая рекламная коммуникация	99
Муравлёв В. Н. Некоторые особенности партийного строительства в современной России.....	105
Киреева Л. В. Развитие системы дистанционного обучения как показатель информационной адаптации человека	110

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ

Успенская Е. Н. К вопросу о соотношении индуизма и кастовой идеологии	116
Пахомов С. В. Генезис индуистского тантризма	126
Скорородова Т. Г. Социально-философское содержание религиозного учения Рамакришны Парамахансы	141
Мартынов Д. Е. Социологические представления китайских мыслителей начала XX века	157

ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Тугаров А. Б., Голодяевская Т. В. Учебная дисциплина «Антропология» в структуре профессиональной подготовки специалиста по социальной работе	166
Лаврёнова Т. И. Методологические вопросы преподавания социологии культуры	185
Попов А. С. Первый учебник социологии в России.....	191
Викторова Е. В. Опыт исследования эмоционально-нравственного воздействия изобразительного искусства на подростков	202
Волков А. В. Социально-педагогические аспекты деятельности сельскохозяйственных учебных заведений России в конце XIX – начале XX века.....	211
Плешакова О. В. Исследование рефлексивных способностей студентов- социальных работников	216

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Долотов В. А. Значение и роль информационного обеспечения пенсионной реформы (подготовка общества к реформе)	224
Полежаева М. Н. Проблемы сбалансированности доходов и расходов обязательного пенсионного страхования	234
Павлова И. А. Актуарная оценка системы досрочного пенсионного обеспечения в Пензенской области	248
Долотов В. А. Состояние информированности общества о пенсионной реформе.....	258

ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА И ЧТЕНИЯ

А. Б. Тугаров

ПГПУ им. В. Г. Белинского

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ В РУССКИХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ЖУРНАЛАХ (К ГОДУ РУССКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ)

В творчестве историка В. О. Ключевского большое место занимают публикации в философских журналах, издававшихся в России. Ключевский входил в число наиболее активных сотрудников журнала «Вопросы философии и психологии», который за годы своего существования (1889–1918) сформировался в элитарное философское издание, предъявлявшее к своим авторам высокие научные требования. (1) Ключевский так же был автором публикаций журнала «Русская мысль» (1880-1918), постоянно печатавшего философские статьи.

Данный журнал, редактором-издателем которого в 1890-е годы был В. М. Лавров, представлял себя как «литературно-политическое издание». По мнению исследователей особо интересной стала философская часть журнала (её возглавил С. Л. Франк), после того, как редактором его стал с 1910 года П. Б. Струве. (2) Вместе с тем публикации Ключевского более раннего периода представляют интерес и социально-философским характером тематики, и социологичностью их содержания.

Обратимся к двум публикациям Ключевского в «Русской мысли»: первая – лекция, «читана на заседании Общества любителей русской словесности» 1 февраля 1887 года под названием «Евгений Онегин и его предки», другая представляет собой текст публичной лекции историка 1 февраля 1893 года в пользу Московского комитета грамотности и называется «Два воспитания».

При всех различиях их содержания удаётся выделить общий момент. Он заключается в суждениях Ключевского относительно круга чтения представителей определённого социокультурного слоя; их интересов, определяемых содержанием прочитанного; использования конкретных лексических форм в социокультурном контексте. Обращают на себя внимание и моменты детализации самих публикаций. Обе представляют собой тексты лекций, прочитанных в один и тот же день с интервалом в шесть лет в двух организациях, имевших отношение к вопросам русского языка и чтения в российском обществе последней четверти XIX века.

Попытаемся понять, насколько актуальны идеи Ключевского о грамотности и русской словесности с точки зрения целей и задач, обсуждаемой в современном российском обществе национальной программы чтения (3).

Как во времена Ключевского, так и в настоящее время широко обсуждаемым оказывается вопрос о том, что должно прививать ребёнку любовь к

чтению – семья или школа? В публикации «Два воспитания» Ключевский, выясняя социально-педагогическую роль семьи и школы, обращает внимание на сложившиеся настроения по этому вопросу в среде просвещенного российского общества. «Мы всегда несколько волнуемся, когда в наших беседах встречается семья и школа. Мы чувствуем, что в их взаимных отношениях у нас есть какое-то недоразумение, стоит какой-то вопрос, которого мы не в силах разрешить и даже не умеем хорошенько поставить». (4, с. 80)

Ключевский даёт оценку существовавшему мнению о разграничении педагогических задач: семье принадлежит воспитание, школе – обучение. Подчёркивая, что «образование составляется из воспитания и обучения», он считает, что «эти составные образовательные процессы легче разграничиваются в психологическом анализе, чем в педагогической практике» (4, с. 81).

Другая публикация Ключевского – «Евгений Онегин и его предки» – представляет интерес содержащимися в ней социолого-историческими зарисовками. Первая такая зарисовка касается роли русского языка в формировании умонастроений представителей конкретного социального слоя российского общества. Автор называет их «отцами Онегина», доживавших свой век при Александре I, т.е. в первой четверти XIX века, и характеризует их мыслительную деятельность. «Когда наступала пора серьёзно подумать об окружающем, они начинали размышлять о нём на чужом языке, переводя туземные русские понятия на иностранные речения. . . Когда же русские понятия с такой оговоркою и с большей или меньшей филологической удачей были переложены на иностранные речения, в голове переводчика получался круг представлений, не соответствовавших ни русским, ни иностранным явлением» (5, с. 301).

Результатом таких лингвистических процедур становилось то, что такой, по выражению Ключевского, «русский мыслитель» «никакого житейского явления не умел ни назвать его настоящим именем, ни представить его, как оно есть, именно потому, что не умел назвать его как следует» (5, с. 301).

Другая социологическая зарисовка относится к кругу чтения социального слоя «отцов Онегиных». Суждения Ключевского возвращают нас к вопросу о том, насколько важен для современного россиянина не только сам факт чтения, но также круг чтения, содержание читаемого и мотивация читателя. «Русский мыслитель удобно устроился. . . между двумя мирами, пользуясь благами обоих, получая крепостные доходы – с одной стороны, умственные и эстетические подаяния – с другой. . . Оставаясь гуманистом в душе, шёл в конюшню расправляться с досадившим ему холопом. . . с увлечением читал и перечитывал страницы о правах человека рядом с русской крепостной девицей. . .» (5, с. 302).

Ключевский создаёт не только образный, но и социологически точный протрет такого «отца Онегина» — русского дворянина: покинув службу в гвардии, он занял административную должность, но не мог привыкнуть к

делам; переехал в свою губернию, задумав «служить по выборам», был избран в дворянские заседатели совестного суда, но соскучился, дожидаясь дел; пробовал заняться сельским хозяйством, но только сбил с толку управляющего и старосту; махнул на всё рукой и окончательно переселился в деревню, изолировав себя от русской действительности. Ключевский замечает: «С книжкой в руках где-нибудь в глуши Тульской или Пензенской губернии он представлял собой очень странное явление» (5, с.300).

Вопрос о круге и содержании чтения неотделим в рассматриваемых публикациях Ключевского от вопроса о роли чтения в жизненной позиции человека, прежде всего молодого. В публикации «Два воспитания» на первый взгляд неожиданно и в известной мере пессимистично звучит мысль о том, что «жизненный путь наших детей» по выходу из школы не будет «скудно усыпан печалью». Ключевский объясняет основание такого предположения: «У нашей молодёжи того и другого пола много сердца, а было бы сердце – печали найдутся» (4, с. 99).

Скорее всего, под «печалью» следует понимать равнодушие, обеспокоенное отношение молодёжи к судьбе страны, к происходящему в ней. Сложность и противоречивость социальной жизни следует считать причиной того состояния молодежи, которое Ключевский определил как «печаль». В такой ситуации и раскрывается роль чтения в жизни людей, шире – роль знания.

Ключевский подчёркивает: «Когда исчезает из глаз тропа, по которой мы шли, прежде всего, мы оглядываемся назад, чтобы по направлению пройденного угадать, куда идти дальше. Двигаясь ощупью в потёмках, мы видим перед собой полосу света, падающего на наш дальнейший путь от кого-то сзади нас. Это проводница наша – история с её светочем, с уроками и опытами, которые она отбирает у убегающего от нас прошедшего» (4, с. 81)

Актуальность слов знаменитого историка заключена в том, что и для учёного-исследователя, и для любого человека, размышляющего о происходящем в нашем обществе, история Отечества становится «проводницей» во многом благодаря и русской исторической литературе, и русской словесности.

Библиографический список

1. Абрамов А.И. «Вопросы философии и психологии» // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995, с.95.
2. Половинкин С.М. «Философские журналы» // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 1995, с.574.
3. Шигин Б. С годом чтения! // Сура. Журнал современной литературы, культуры и общественной мысли. 2006, №6, с.3,5.
4. Ключевский В.О. Два воспитания // Русская мысль, 1893, кн.3.
5. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Русская мысль, 1887, кн.2.

КРУГ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

С целью выяснить, характерна ли тенденция снижения интереса к чтению среди современных студентов, нами было проведено разведывательное социологическое исследование. Перед началом опроса мы сформулировали несколько гипотез. Главная гипотеза заключается в том, что современные студенты читают в основном произведения, недавно экранизированные и находящиеся «на слуху», следуя при этом модным тенденциям на книжном рынке.

В качестве опросного метода было выбрано анкетирование как самый информативный, объективный и распространенный способ социального измерения. В число опрошенных вошли 200 студентов 2–4 курсов факультетов русского языка и литературы, начального и специального образования, социологии и социальной работы, психологии, иностранных языков, экономики и менеджмента, института истории и права Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Анкета включала открытые, закрытые и полужакрытые вопросы. Закрытые вопросы позволили точно разделить мнения респондентов по заранее предполагаемым группам. С помощью открытых вопросов удалось получить дополнительную информацию о литературных предпочтениях современных студентов.

Первый вопрос анкеты был направлен на выяснение того, любят ли студенты читать. Подавляющее большинство респондентов – 81 %, (161 чел.) указали, что читать они любят. На вопрос «Почему Вы любите читать?» 37 % (73 чел.) ответили: «Потому что это полезное времяпрепровождение». На втором месте находится ответ: «Это великолепный способ расслабиться», – так ответили 43 респондента (22 %). Третье место поделили ответы: «Это одна из моих насущных потребностей» и «Приучен читать с детства» (14 % (27 чел.)). Как выяснилось в ходе исследования, большинство респондентов 77 % (153 чел.) отдают предпочтение книгам, 34 % (68 чел.) – журналам, 17 % (33 чел.) – газетам. Наиболее популярным литературным жанром среди студентов оказались классические и современные романы отечественных и зарубежных авторов (49 % – 98 чел.). На втором месте находится историческая литература (30 % – 59 чел.), на третьем – любовные романы (27 % – 53 чел.). Довольно часто назывались такие жанры, как приключенческая литература (25 % (49 чел.)), популярная литература по психологии (21 % – 41 чел.), стихи классиков и современных поэтов (20 % – 39 чел.), научно-популярная литература (18 % – 36 чел.).

Если рассмотреть каждый факультет в отдельности, то на каждом можно выделить жанр литературы, пользующийся наибольшей популярностью. На факультете русского языка и литературы студенты отдают предпочтение классическим и современным романам (60 % респондентов – 14 чел.). Видимо, такие читательские приоритеты сформировались под влиянием специфики факультета и получаемой специальности. На факультете экономики студенты читают классику и научно-популярную литературу (36 % – 9 чел. и 25 % – 7 чел. соответственно). На факультете психологии среди студентов популярностью пользуется литература по психологии (52 % – 13 чел.), что объясняется спецификой профессиональной подготовки. На историческом факультете самым читаемым жанром является историческая литература (73 % – 25 чел.), а также 55 % – 19 чел. студентов увлекаются классической литературой. На факультете иностранных языков 75 % – 15 чел. респондентов также читают классические и современные романы. Студенты факультета начального и специального образования увлекаются чтением классики и любовных романов (по 45 % опрошенных – 9 чел.), а 35 % – 7 чел. отдадут предпочтение исторической литературе. На факультете социологии и социальной работы читательские предпочтения студентов более разнообразны. Так, 36 % (20 чел.) опрошенных читают классику и современные романы, 34 % (19 чел.) – любовные романы, а 25 % (по 14 чел.) предпочитают литературу по психологии и приключенческую литературу.

Таким образом, можно заключить, что студенты названных факультетов читают наряду с классическими романами литературу, непосредственно связанную с их профессиональной подготовкой.

Наиболее популярными писателями среди современных студентов являются М. А. Булгаков (31 человек), А. С. Пушкин (27 человек), Ф. М. Достоевский (17 человек), Лермонтов (15 человек). Среди современных писателей XX века чаще всего упоминали М. Шолохова, В. Пикуля, П. Коэльо, М. Митчелл.

Основная цель, которую преследуют студенты, читая книги – это «быть информированным и расширить кругозор», (так ответили 44 % – 87 чел.). На втором месте находится ответ «чтобы быть образованным и интересным собеседником» (30 % – 59 чел.), на третьем месте – «читаю в процессе учебы» (26 % – 51 чел.).

Современные студенты, судя по данным нашего опроса, уделяют чтению в среднем 2 часа в день. Этот относительно малый промежуток времени, выделяемый студентами на чтение, скорее всего можно объяснить тем, что у современных студентов в настоящее время появилось множество разнообразных способов проведения свободного от учебы времени. Это может быть общение с друзьями, занятие спортом, просмотр телевизионных программ, участие в общественной жизни университета, работа и др.

В ходе исследования также выяснилось, что любовь к чтению передается студентам от родителей. В большинстве своем студенты, родители которых являются книголюбями, тоже с удовольствием читают книги.

Если посмотреть на литературные жанры, которые предпочитают родители (по словам студентов) то на первом месте находятся любовные романы (38 % – 75 чел.) и классические романы (37 % – 74 чел.), на втором месте – современные детективы и историческая литература – по 29 % – (58 чел) и на третьем месте – научно-популярная литература (20 % – 39 чел). Как выяснилось в ходе исследования, у большинства студентов имеется домашняя библиотека. 43 % респондентов (85 чел) ответили, что домашняя библиотека у них небольшая, а 40 % (80 чел) указали, что «довольно большая».

В ходе исследования выяснилось, что студенты иногда посещают книжные магазины (54 % – 107 чел.), для того чтобы ознакомиться с книжными новинками (38 % – 75 чел.), пополнить домашнюю библиотеку (33 % – 66 чел.) или купить учебную литературу (31 % – 61 чел.). Но студенты лишь иногда покупают книги из-за их известной дороговизны, и не каждый студент может позволить себе эту покупку.

Если сравнить результаты данного исследования с результатами исследования, проведенного А. Л. Андреевым, то можно найти много общего. А. Л. Андреев в 2003 исследовал культурный уровень современной молодежи, и как один из его аспектов, затронул читательские интересы студенчества [1]. Один из вопросов, который ставил перед собой ученый, заключался в следующем: «Что же и кто оказывает влияние на вкусы и интересы студенческой молодежи, на их культурные ориентации предпочтения?» (Табл.)

В свободное от учебы время Вы предпочитаете:	%
1. Читать книги	51,8
2. Читать газеты, журналы	22,0
3. Смотреть телевизор	36,9
4. Смотреть видео	13,3
5. «Общаться» с компьютером	40,8
6. Слушать радио	20,5
7. Заниматься спортом	36,4
8. Заниматься туризмом	6,2
9. Посещать театры	11,3
10. Посещать музеи, выставки	11,3
11. Посещать концерты	11,4
12. Посещать развлекательные заведения	25,6
13. Повышать свой образовательный уровень (занятия на курсах, получение второго образования, самообразование)	20,3
14. Совершать путешествия, экскурсии	17,8
15. Общаться (встречаться) с друзьями	72,9
16. Работать, зарабатывать деньги	26,8
17. Заниматься домашним хозяйством	10,7
18. Другое	4,9

Судя по полученным в ходе исследования ответам, основным источником информации в данной сфере являются средства массовой информации и книги.

Как утверждает А. Л. Андреев, приведенные в этой таблице данные почти не нуждаются в каких-то специальных комментариях. Приведенные данные показывают, что, несмотря на мощное воздействие «электронной революции», учащаяся молодежь в России сохраняет живой интерес к чтению, которое, если судить по частотному распределению ответов, занимает в досуговых предпочтениях студентов наивысшую ранговую позицию после общения с друзьями. До того индикатора популярности, которую имеет чтение (свыше половины опрошенных), довольно много недотянул даже такой «современный» и «полезный» вид занятий, как общение с компьютером.

Полученные А. Л. Андреевым результаты оказались достаточно оптимистическими. Самыми предпочтительными для опрошенных студентов оказались научно-популярные издания (около 28 % опрошенных), а также классическая литература (чуть менее четверти полученных нами ответов). Современную художественную литературу выбирают для чтения около 15 % студентов — примерно столько же, сколько ежедневные и еженедельные газеты. Приключения, детективы, фантастика, юмор пользуются спросом, но заметно отстают от научно-популярного жанра и классики. Таким образом, читательские предпочтения студентов Андреев охарактеризовал как развивающие.

Но А. Л. Андреев отмечает тот факт, что студенты сегодня практически не читают общественно-политическую литературу. Стало быть, понимание общественных проблем приходит к ним в основном в «облегченном» виде — с экранов телевидения и из газет.

Как пишет А. Л. Андреев, самым известным и широко читаемым в студенческой среде писателем является М. А. Булгаков.

Анализ читательских мотиваций показывает, что в основном они связаны со стремлением узнать что-то новое о человеческих отношениях и сопряженным с соответствующим феномену сопереживания глубоким эмоциональным откликом.

Вместе с тем социолог обращает внимание на тот факт, что сама по себе художественная ценность литературного произведения привлекает не так уж много студентов (менее чем каждого десятого опрошенного). Речь идет о нарастающей весьма негативной тенденции воспринимать литературное произведение как информацию. То, что не воспринимается как информация отбрасывается. Сегодня «познакомиться с произведением» для молодого человека все чаще и чаще означает просто узнать, «о чем там говорится». Как именно говорится — уже не важно.

А. Л. Андреев считает, что литературе как предмету преподавания надо заново определять свое место в современном информационном мире с таким расчетом, чтобы погасить наметившиеся тенденции к нивелировке ее специфики и добиться восстановления своего общекультурного значения. Первоочередной представляется необходимость возрождения интереса к анализу собственно художественной ткани литературного произведения.

Таким образом, по результатам нашего социологического исследования и данным профессора А. Л. Андреева мы пришли к следующим выводам.

Студенты любят читать – и это, несомненно, положительный факт. Но если рассмотреть структуру читательских предпочтений, можно заметить уклон в сторону развлекательного чтения. В большинстве случаев список читательских предпочтений можно сверить по телепрограмме: если читают Булгакова, то именно «Мастера и Маргариту», если Шолохова – то «Тихий Дон». Внимание студентов привлекают весьма «раскрученные» в СМИ произведения, например Д. Браун «Код Да Винчи», П. Козльо «Алхимик», М. Митчелл «Унесенные ветром», «Дозоры» А. Лукьяненко и т. д. Но если учесть специфику опрошенных факультетов, то неудивительно, что среди студентов популярностью пользуются такие классики, как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.

Книга для студентов – это один из способов расслабиться и провести досуг. Студенты, которые не любят читать книги, отдают предпочтение журналам и газетам. Так, девушки больше читают «Cosmopolitan», «Mini», «Glamour» и другие глянцевого журналы. Молодые люди предпочитают спортивные журналы, журналы об автомобилях и компьютерах. Но даже студенты, которые не любят читать, отмечают своих любимых авторов и произведения.

В целом ситуация не столь удручающая, на мой взгляд, как отмечают писатели, психологи, социологи и другие ученые. Зафиксирована тенденция, что читательская аудитория молодеет.

Библиографический список

1. А. Л. Андреев. Молодежь и культура // Трибуна русской мысли, 2003, № 2

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Е. Б. Рашковский

Институт мировой экономики
и международных отношений РАН, Москва

ДОН БЕНЕДЕТТО И ИЖЕ С НИМ: ИТАЛЬЯНСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ XX СТОЛЕТИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА

*...Уроков и советов
Они нам не несут,
И от судьбы наветов
Они нас не спасут.*

*Но силу их мы чуем,
Их слышим благодать,
И меньше мы тоскуем,
И легче нам дышать.*
Федор Тютчев

Познавательные парадоксы

Нынешняя российская историография, а с нею и историческая мысль и – шире – историческое сознание, переживают неизбежную, мучительную, но, на мой взгляд, не вполне продуктивную парадигмальную ломку: от догматической теории «формаций» мы решительно и во многих отношениях бездумно перешли к столь же догматически трактуемым «цивилизационным» концептам [1]. Действительно, одна из воистину варварских черт нашей казенной – советской, равно и постсоветской – социогуманитарии связана с тем, что наводящие и условные историологические понятия (прежде «формации», нынче – «цивилизации») мы трактуем как безусловные принципы исторической онтологии, под каковые стремимся подверстать всё богатство культурно-исторической жизни.

Однако даже в самом первом внимательном приближении к проблематике мировых цивилизаций мы сталкиваемся, по крайней мере, с тремя познавательными парадоксами.

Парадокс 1. Мир Нового и Новейшего времени есть мир воистину многоцивилизационный или – цивилизационно «многополярный», но в то же самое время – это мир в значительной мере европоцентричный, насквозь пронизанный элементами евро-североамериканского (не побоюсь даже сказать – евро-североамерикано-российского) социоэкономичес-

кого, политико-идеологического, научного, технологического, эстетического и отчасти даже правового опыта.

Парадокс 2. Цивилизационная проблематика, цивилизационная парадигматика исторического знания, в конечном счете, имеет не так уж много общего с реальными проблемами зарождения, становления и нынешних обстоятельств истории европейских народов. Истории, весьма глубоко, хотя, разумеется, и недостаточно, изученной и тематизированной. Европейистике тесно и душно в жестких цивилизационных концептах. Последние могут быть бесполезной и подчас даже необходимой частью эвристики европейской истории; они и были таковыми во времена Гизо, Бокля или даже Тойнби; они остаются элементами нынешней пан-европейской политической риторики и прагматики. Но живая проблематика гуманитарного знания, равно требующая и проблемно-концептуальных («номотетических»), и описательных («идиографических») подходов, а главное, и умения сочетать эти подходы, – перерастает полунаучную догматику.

Парадокс 3. История российская, как тысячелетняя история [2] сочетающего в себе преемственность и постоянные внутренние переменны полиэтнического, поликонфессионального и поликультурного и не вполне гармонизированного на своих огромных пространствах человеческого сообщества, – как бы вопиет против догматических притязаний идеологов-«цивилизационщиков». Да и цивилизационные отношения России с многочисленными и не вполне друг на друга похожими народами Европы и Северной Америки весьма сложны и неоднозначны. Если иные цивилизации мы, российские исследователи, можем обсуждать как особый, в той или иной степени объективированный предмет своих научных занятий, то здесь, по словам серьезного ученого-русиста В. Г. Хороса, мы сталкиваемся с некоей непреложной познавательной трудностью: «Европейская цивилизация *глубоко вошла в нас самих*» [3].

Европейско-российские коррективы к цивилизационному дискурсу

Как мне кажется, история итальянской философской мысли прошлого столетия, почти что избегшая «цивилизационного» дискурса [4], дает нам особо ценные наводящие идеи для познания духовно-исторической «материи» Европы, в особенности – Европы последних веков: не только пост-наполеоновской, но и пост-тоталитарной. А через Европу – прямо или косвенно – и для познания столь динамичной и, казалось бы, столь неустойчивой духовно-исторической «материи» нашего собственного Отечества.

Лично я не являюсь исследователем истории итальянской мысли. Я лишь непритязательный читатель, подобный гоголевскому персонажу: «прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен»

[5]. Однако это чтение «пяти или шести книг» и десятка-другого статей на темы итальянской философской историографии – вещь, стимулирующая историческую мысль, да и для души целительная.

И вот в этой самой связи позволю себе (именно вдохновившись трудами итальянских мыслителей) предложить читателю – опять-таки три! – соображения по части цивилизационной «материи» Европы.

Соображение первое. Цивилизация есть всегда предмет междисциплинарного изучения, а иной возможности не дано. И так важно, повинувшись идеям и интуициям итальянских философов, призадуматься о лингвистических предпосылках культурно-исторического лика Европы: об извечной открытости европейских пространств языковым, этнокультурным и духовным потокам из Евразии и Африки; об аналитическом характере господствующих на Европейском континенте индоевропейских языков; о латыни как о языке культурного, научного и юридического формообразования Европы Средних веков и раннего Нового времени; об итальянском языке как о первой лингвистической лаборатории становления религиозной, художественной, экономической, научной и технологической мысли Нового времени; о французском языке как о языке основных европейских культурных конвенций (литературных, эстетических, дипломатических, светских, революционных) на протяжении XVIII – начала XX в.; о выдвинувшемся после Первой мировой войны на первый цивилизационный план английском языке с его особой логичностью и техно-логичностью, с его особым категориальным богатством, но одновременно – и с его особой способностью к слэнговым упрощениям.

Соображение второе. На мой взгляд, едва ли удовлетворительно разработан и даже поставлен столь важный для российской мысли вопрос о *славистической составляющей* Европейской цивилизации.

Действительно, каков статус Славяно-балканского мира в Европе: Европа ли он вообще, периферийная ли Европа [6] или одна из необходимых структурных и содержательных составляющих европейского цивилизационного многоединства? Сам я как историк-славист по ранней моей научной специализации склоняюсь к третьему подходу.

Кстати, здесь был бы уместен и вопрос об итальянских влияниях на историю славянских народов – от городов средневековой Адриатики и московского круга великой княгини Софии Палеолог до итальянских марксистских исканий и неореалистического кинематографа XX века...

Соображение третье. Мы не вполне оцениваем важность изучения непрерывно взаимодействующих между собой национальных вкладов в этот сложный, а подчас дисгармоничный «европейский концерт». Точнее, в интеллектуально-духовный «концерт» Европы. Причем каждый из этих вкладов может быть описан как один из необходимых, хотя и

недостаточных «ключей» для осмысления цивилизационного лика Европы. А может быть, в дальнейшем – для переосмысления всего цивилизационного дискурса, особенно если речь идет об исторических реалиях последних двух-трех веков [7].

Разговор по существу

Так вот, на мой взгляд, одним из таких теоретически насыщенных «ключей» к осмыслению духовно-исторической динамики Европы является итальянское философское наследие прошлого, XX, столетия. В это наследие входят труды мыслителей друг другу противоречивших, мыслители несхожих мировоззрений, несхожих политических и религиозных убеждений. Однако всё это наследие центрировано трудами дона Бенедетто Кроче (1866-1952) и его учением об истории как об *истории свободы*, т. е. учением об уникальной соотнесенности человека с самим собой, с другими и с миром как о неотъемлемом конструкте исторической реальности в ее событийном ходе и самосознании. В этом смысле, согласно неаполитанскому философу, свобода и есть основная объяснительная категория, основной объяснительный принцип истории [8]. Согласно коренному убеждению Кроче, свобода, как, скажем, поэзия или творчество, не определима извне и не сводима ни к биографиям тех или иных исторических деятелей, ни к психологическим состояниям индивидов и масс, ни к их конкретным социально-историческим обидам. Свобода порождается глубинной историей человеческого духа, сопричаствует ей и в конце концов становится ею. [9]

Два слова о background'e дона Бенедетто. Кроче – выходец из аристократической интеллигенции в ту эпоху аграрного, но затронутого необратимыми влияниями буржуазной модернизации Итальянского Юга (Mezzogiorno). Либерально-консервативный оппортунист по своему политическому темпераменту, по темпераменту же философскому он был бесспорным наследником просветительских и романтических идей итальянского Рисорджименто, да к тому же еще обогащенных философскими и научными познаниями и историческим опытом конца XIX – первой половины XX века. Сама философская судьба дона Бенедетто – подтверждение его тезиса о несводимости человеческого духа к «биографическим» предпосылкам.

Всю эту плеяду мыслителей, всех этих *иже с ним*, – от убитого по тайному приказу Муссолини юного философа Пьеро Гобетти (1901–1926) [10] до недавно ушедшего из жизни Норберто Боббио (1909–2004) – роднит некая и притом в высшей степени европейская, да и бесполезная для нас на Святой Руси идея: подлинная внутренняя солидарность человеческих общностей и свобода достижимы лишь при нами же выстроенных и в нас же самих укорененных *культурных гарантиях*. «Душить» глубокие социально-революционные движения невозможно, да и едва ли разумно. Но

возможно другое: стараться сдерживать их варварские и разрушительные тенденции, в частности и посредством «охлаждения» развратительных и воспаляющих людские мозги и сердца революционных мифологий [11].

Неотъемлемая часть такого рода трудов – стараться преодолевать заведомую дисгармонию, несоотнесенность наших знаний о несопадающих и конфликтующих одна с другой областях человеческой реальности. Но такие насущные труды по соотнесению несхожих и внутренне конфликтующих гуманитарных знаний – труды очень тонкие, ибо всякое философское (оно же во многих отношениях и историографическое) творчество есть не «методология», не «систематика», но прежде всего поиски смыслов и сути [12].

Все эти мыслители едины в том, что никакого свободного и достойного общежития нельзя построить на культурном нигилизме, на глумлении над духовным наследием или эстетическим наследием (для итальянцев этот момент особо существен) тех или иных народов, равно как и собственного народа. Каждый из этих мыслителей – отталкиваясь от своих собственных философских посылок, от трудностей своего собственного опыта веры или неверия, – каждый на свой лад приходит к идее, что Европа так или иначе выстрадала христианский образ человека. Соображения такого рода можно найти в трудах Кроче [13], Гобетти [14], в философской историографии Николо Аббаньяно (1901–1990) [15], не говоря уже о трудах мыслителей католического направления.

Но удивительно и то, что аналогичные соображения можно отыскать и в «Тюремных тетрадах» Антонио Грамши, кстати сказать, испытавшего сильнейшее влияние католической духовности в детстве и отрочестве, а в юности – влияние крочеанства. Индивидуация и свобода трактуется этим итальянским марксистом как неотъемлемые моменты совокупной человеческой природы [16]. Не случайно же Грамши *во мраке заточенья* фашистской тюрьмы предсказывал «угасание» фатализма и механицизма в лоне марксистской традиции, верность которой сохранил до конца своих дней [17].

Все эти мыслители едины и еще в одной, чрезвычайно важной с точки зрения познания Европы, а также с точки зрения познания российской и универсальной истории идее. Чуждые палеомарксистской или тоталитаристской ненависти к рыночной проблематике, они тем не менее едины в том воззрении, что свобода в современном обществе коренится не только и даже не столько в рынке, сколько в труде. Обладатели материальных и финансовых благ, объективно заинтересованные в развитии рыночных структур, всё же – ради приобщения к власти – могут легко предавать ценности права, достоинства и свободы, что, кстати сказать, было во всеуслышание удостоверено итальянской историей первой половины

прошлого века [18]. Но в ценностях права, достоинства и свободы более всего заинтересованы те, по существу, малоимущие, для которых не власть, но мысль, мастерство и неподневольное общение – неперемные условия каждодневного существования и осмысленного пребывания в мире. Причем касается это не только профессиональных «высококолых», но и креативной части рабочего класса, клерков, фермерства, третичного сектора... Они – «либералы» не по деньгам, но по внутреннему духовному складу. Проще говоря – «либералы» не по кошельку, а по душе. Как пишет Аббаньяно, сам процесс служения мысли, в конечном счете, присуждает к свободе и, стало быть, к вольной или невольной защите тех институтов, которые призваны ее – свободу – защищать [19].

И правы были в этом смысле Пьеро Гобетти и Карло Росселли: без уважения к либеральным принципам политической организации все разговоры о «свободе», «справедливости», «трудящихся» да «пролетариате» рискуют обернуться лишь тоталитаристской фикцией [20]. О чем, собственно, и свидетельствовал европейский и российский опыт первой половины прошлого века.

Другое дело, что в нынешних пост-модернистских условиях сложились такие системы производства и управления, которые обрекают значительную часть населения оставаться в статусе тупеющей и более или менее сытой, одетой-обутой и приобщенной к дарам поп-культуры (этого пролеткульта, или, если угодно, люмпенпролеткульта сегодняшних времен) полупраздной массы.

Но это – уже в своем роде – некий негативный венец коллективизма, ибо именно в массовой психологии, в психологии омассовленного и податливого на любой экстремистский сигнал «народонаселения», подлинный дар Небес человеку – *мышление* (*pensiero*), обедняясь, преобразуется в клише, в полумыслительные, полуобразные и эмоционально перегруженные *представления* (*immagine*) [21].

Однако, если концентрация масс духовного люмпен-пролетариата (масс, если вспомнить терминологию господина-товарища Проханова, «духовной оппозиции») – еще не последнее слово цивилизационного развития Европы, то в таком случае торопиться на отпевание европейского культурно-исторического наследия, равно как и наследия российского, – дело несколько преждевременное.

Но что важно: в своих подходах к многозначным процессам трансформации либеральной культуры мыслители Италии прошлого века поставили одну крайне важную для нынешней России – страны отчасти сорвавшейся модернизации и безусловно победившего постмодерна [22] – проблему, которую я формулирую отчасти благодаря публикациям А. С. Кустарева [23].

Уже в 20-е годы прошлого века Италия столкнулась с недостаточностью, можно даже сказать, с частичной исчерпанностью того демократического дискурса, который строился на идеях преодоления традиционного прошлого и построения самодовлеющего, этнически однородного национально-либерального государства. В итальянских условиях именно таков и был определяющий дискурс Рисорджименто.

Но упадок тех или иных дискурсивных форм не означает исчерпания самой проблематики современного свободного (по-итальянски – *libero, liberale*) общежития. И вот, итальянские мыслители – каждый на свой лад – открыли для себя и попытались сформулировать важнейшую макроисторическую проблему: сердцевина общественной свободы – не национал-либеральный этатизм, но глубокая внутренняя культура человеческого общежития. Иными словами – та мера тонкости и упорядоченности человеческих отношений, когда люди становятся способными понимать себя и друг друга и воплощать это понимание в навыках и институтах социальной жизни.

Утопия? – Но не только. Скорее, непреложный жизненный вектор.

Конкретизацией этой проблемы мы займемся в нашей следующей и заключительной главке.

Востоковедные, славистические и многие другие сюжеты

Востоковедами и славистами Италию XX века Бог, что называется, не обидел.

Можно было бы сказать еще категоричнее: один из монументальных трудов мировой историографии XX столетия – двухтомник Франко Вентури «Русское народничество» [24], опираясь на огромную источниковедческую базу, описал одну из важнейших социолькультурных предпосылок политической истории народов Восточной Европы и западных ареалов позапрошлого и прошлого веков: сочетание вековых крестьянских чаяний уравнивания и покровительства с активизмом маргинализованных слоев интеллигенции [25].

Однако, в отличие от мыслителей континентальной Европы и Англосаксонского мира (не говоря уж об их коллегах из Латинской Америки и Востока) интерес итальянских мыслителей к сравнительно-историческим и цивилизационным исследованиям был не особо велик. Почему так?

Скорее всего потому, что межкультурные и межцивилизационные сюжеты исстари входили в самую материю итальянской культуры. Процесс ее осознанного становления происходил на фоне взаимодействия римского наследия с элементами раннеевропейского варварства, византизма и ориентализма [26]; вклад ренессансной итальянской научной мысли и нави-

гационных технологий в генезис Великих географических открытий и, следовательно, в процессы выхода Европы из статуса малого евразийского аппендикса был особо значителен [27]; Апеннинский полуостров всегда был лакомым куском для европейских держав, но не было худа без добра: несходство культурных обликов и военно-политических стратегий европейских соседей оказывалось неотъемлемой частью научной, философской и художественной рефлексии итальянцев; наконец, региональная раздробленность [28], пестрота социально-экономических укладов и политических субкультур самой Италии давали пищу не только для разного рода сопоставлений, но и для поисков сквозных смыслов самой национальной, а через нее – и общечеловеческой реальности. Великая фреска Рафаэля – «Афинская школа» – не была ли она памятником осознания этого противоречивого смыслового единства Бытия религиозно-философским и художественным гением Италии? И вся культура итальянского Ренессанса и последующего периода свидетельствовала об этих поисках: литература, философия, даже оперная драматургия, не говоря уже о музыке...

Так что для итальянской культуры особо важны были не «жизненные циклы» конкретных человеческих общностей, но осмысленные (о-смысленные!) эстафеты жизни национальной и общечеловеческой.

В этой связи было бы небесполезно впервые опубликованную по-английски в разгар Второй мировой войны ядовитую полемику Кроче против шпенглеризма, внесшего немалый вклад в национал-социалистическое перерождение (или, точнее, вырождение) германской культуры первой половины прошлого века.

Итак, согласно Кроче, идея непреложных «жизненных циклов» цивилизаций, столь существенная для германской философской традиции, связана с сугубо натуралистическим (если не сказать – материалистическим) и романтическим культом молодости и обращена против «дряхлеющих» рас, в том числе и против «латинской расы», которая, – по крайней мере, в лице самого дона Бенедетто, – вовсе не собирается интеллектуально и духовно «дряхлеть» [29].

Ныне, из XXI века, остается только удивляться остроте философско-исторического зрения неаполитанского мыслителя: многие человеческие «расы», приговоренные в германских ученых и административных кабинетах к вытеснению из истории или даже к физическому уничтожению, продолжают демонстрировать редкую жизненность и творческую историческую адаптивность...

Кстати сказать, Кроче всегда настаивал, что при всей их важности для человеческого духа, теоретические абстракции не могут и не в праве подменять собою ни Бытие, ни дух, ни историю: их призвание и удел в человеческом сознании – *обозначать*, а не замещать реальность. А уж

абстракции псевдотеоретические, идеологические, нацеленные именно на замещение реальности, могут быть особо опасны и вредоносны [30].

Вот почему столь важен разговор о том, как трактовали философы Италии проблематику сквозных исторических смыслов и прежде всего – проблематику свободы, в которой они усматривали (об этом писалось выше) один из стержневых моментов человеческой истории.

Согласно Кроче, развитие человеческого духа в истории во многом определяется процессом взаимодействия трех духовно-исторических стадий, или, точнее, духовно-исторических состояний. Причем стадии эти даются не в жесткой хронологической, но, скорее, в смысловой последовательности и далеко не в чистом виде. Их вычленение в истории – условный акт теоретической абстракции, акт исторической эвристики. Но без таковой эвристики всё наше историческое понимание, весь наш исторический праксис обречены на слепоту. Кроче дает этим условным теоретическим стадиям следующие имена: «сервильность» (*servilismo*) – «декларативная освободительность» (*liberismo*) – «либерализм».

На первый взгляд, здесь нетрудно обнаружить зависимость от тройственной схемы духовно-исторических стадий, обоснованной Гегелем на страницах «Феноменологии духа»: «неопосредованность» (*Unmittelbarkeit*), т. е. состояние погруженности человеческой личности в некоторую духовную уравнивательность традиционно-патерналистского коллектива [31], – «образование», «образованность» (*Bildung*), т. е. состояние выстроенного на рациональных силлогизмах революционно-лозунгового протеста против «неопосредованности» и связанной с ней человеческой обделенности и обезлички, – чаемая, диалектически-синтезная стадия собирания личности и народа на основе внутренней, непринужденной солидарности и правогражденной свободы [32].

Умудренный горьким опытом народных разочарований в либеральной монархии единой Италии, не говоря уже о войнах и массовых движениях первой половины XX века и их криминальном перерождении, дон Бенедетто как бы воспроизводит эту гегелевскую триаду, но – с рядом существенных уточнений.

«Сервильное», т. е. авторитарное общество традиционного прошлого (т. е., по существу, рабского или полурабского состояния людей) может легко воспроизводиться на новых социальных и технологических основаниях, причем воспроизводиться не без посредства и не без участия декларативно-освободительных движений и декларативно-освободительных идеологий, непонимающих то обстоятельство, что свобода коренится не только и даже не столько в массовых чаяниях и властных решениях, сколько в глубоких и внутренних процессах переживания человеком своего мира и самого себя [33].

Так что «либеризм» – стадия временная и нестойкая, зачастую пре-
вращающаяся «сервильное» перерождение чаяний свободы. «Воистину,
если свет, который в тебе, – тьма, то какова же тьма?» [34] Подлинными
историческими антагонистами – на десятилетия и века человеческой исто-
рии – могут выступать лишь «сервизм» и «либерализм», которые,
по самому существу крочеанских текстов, в конечном счете выступают
понятийными псевдонимами рабства и свободы [35].

Эти рассуждения увидели свет в фашистской Италии, в подцензур-
ном издании 1931 г. [36] А вот Карло Росселли, находясь в антифашист-
ской эмиграции, мог позволить себе более откровенное истолкование
этого круга идей неаполитанского философа. Согласно Росселли, один
из печальных моментов становления фашизма в Италии связан с тем, что
последнему удалось срастить две параллельные освободительные рито-
рики – две риторики «либеризма», сложившегося в период Рисорджи-
менто и ранних стадий государственного строительства воссоединен-
ной Италии: риторику социально-революционного освобождения [37]
и риторику освобождения национального; обе риторики, да еще помно-
женные на цезаристские и патерналистские чаяния полутрадиционного
(«сервильного», если вспомнить труды Кроче!) общества, и обеспечили
идейный генезис фашизма [38].

Воистину, «либеризм» несет на себе печать «сервильности» и сам
готовит себе погружение в ее новые и подчас особо жестокие формы, о
чем – устами одного из бесноватых своих персонажей – предупреждал
еще Достоевский: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю без-
граничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что, кроме моего разре-
шения общественной формулы, не может быть никакого» [39].

Но что интересно: на взгляд дона Бенедетто, фашизм, оседлавший
страну, оказался объективным отречением именно от национальных
традиций итальянской культуры. Ибо, по мысли Кроче, глубокого исто-
рика итальянской мысли, искусства и словесности, – для итальянской
культуры оказалась в корне неприемлемой столь важная для фашизма
идея замороженности безличной судьбой – идея *amoris fati*. Т.е. идея без-
условной самоотдачи человека безличным императивам и импульсам
судьбы: самоотдачи, не проверенной собственным рассудком, разумени-
ем и совестью [40]. Самоотдачи, ведущей во тьму нового «сервизма».
Ведь на такой резиньяции перед *силою безличного* во многом построены
философские дискурсы и Ницше, и Шпенглера, и Хайдеггера.

Так что поставленный итальянскими мыслителями вопрос о таящихся
под взвинченными страстями этнического национализма антинациональ-
ности, о дурной «интернациональности» фашизма – вопрос универсальный
и к нашей отечественной истории имеющий отношение самое существен-

ное. Равно как и вопрос о несводимости человеческой души и культуры к тому, что Шигалев из «Бесов» назвал «общественной формулой».

Во многом именно благодаря заботам неаполитанского философа стремление уберечь национально-креативное и вселенски-креативное (кафолически-креативное!) в личности и культуре от порабощения «общественной формулой», уберечь от «правой» или «левой» дегенерации к «сервиллизму» во многом составило доминанту итальянской философской культуры XX столетия.

Как писал во многом вольно или невольно отталкивавшийся от идей Кроче Николо Аббаньяно, история, понимаемая как история взаимного поедания и насилия, не несет в себе никакого глубокого человеческого содержания. И, следовательно, никакой внутренней универсализации. Это – как бы история наизусть. О «всеобщности» истории – включая прежде всего историю мысли, веры, культуры, отчасти и историю институтов, – можно говорить лишь тогда, когда в ней усматриваются некая о-смысленность, некая ценностная преемственность и некоторое бережение этой преемственности.

...Такой взгляд легко обвинить в профессорском прекраснотворении и во всяческих иных смертных грехах.

Только вот, думается, не так уж наивны были дон Бенедетто *и иже с ним*. Не даром же были они не только философами и эстетиками, но и государственными деятелями, активными политиками, политологами. И речь в их трудах шла вовсе не о забвении «силовых» факторов истории. Речь, скорее, о другом: о попытке понять некоторые иерархические отношения среди определяющих факторов и структур истории. А также – об умении мыслить мир не только сиюминутными временными отрезками, но и десятилетиями и веками...

Что же касается почти что повсеместно возобладавших на исходе XX столетия нигилистических трактовок истории Европы и попыток отыскать в истории иных цивилизаций – в обход их глубинно-духовного опыта – скороспелую рецептуру национальных, классовых, сексуальных и иных «освобождений» – то, по мысли Аббаньяно, всё это чревато лишь очередными пароксизмами насилия и порабощения. Эти пароксизмы в нынешнем мире повсеместны, не исключая маргинально-экстремистских и части верхушечно-бюрократических сообществ на самом Западе [41] ...

Как востоковед и славист, я могу лишь подписаться под этими сообщениями Аббаньяно, однако – с двумя уточнениями, впрочем, едва ли нарушающими общий склад мысли итальянского философа.

Уточнение первое. Традиции «сервилистского» перерождения свободы могут исходить не только из маргинально-экстремистских или верхушечных групп, но и из недр того «серого» общественного и бю-

рократического центризма, из недр «серого» большинства, для которого представления о власти, благосостоянии и «стабильности» выглядят самоцелью.

Уточнение второе. Многовековые духовные и эстетические наработки народов восточных и славянских ареалов, включая и Россию, – если к этим наработкам обращаются не в видах дележеских и властных, но ради поисков их креативно-человеческого содержания, – наряду с наследием Запада, также являются неотъемлемой частью всегда ускользающей от поверхностного взора, но всегда непреложной и насущной общечеловеческой проблематики свободы.

Примечания

1. См.: Шнирельман В. А.. Расизм вчера и сегодня // “Pro et contra”. – М., 2005, № 2 (29), с. 50–51. Об опасности бездумного обращения к цивилизационным концептам, не скорректированным духовными ценностями и гуманистическими воззрениями, я предупреждал еще в подцензурной советской литературе более трех десятков лет назад. – См.: Рашковский Е. Б.. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби (опыт критического анализа). – М.: Наука, ГРВЛ, 1976.

2. О веках и веках предистории России, включающей в себя историю народов Ближнего Востока, Византии, славянских, германских, угро-финских, тюркских, иранских и кавказских племен – я уж не говорю... Здесь возможна лишь отсылка к трудам В. Я. Петрухина и Д. С. Раевского.

3. Цит. по: Рашковский Е. Б.. Европа: внутренний облик и глобально-историческая динамика. // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 12. – С. 59.

4. Она в нем особо и не нуждалась, имея за плечами «Новую науку» Джамбаттисты Вико (1668-1744), а в период Рисорджименто и первых десятилетий независимого национально-государственного существования – мощнейшую гегелианскую выучку.

5. Н. В. Гоголь. Характеры и костюмы. Замечания для господ актеров // Собр. соч. в шести томах. Т. 4. – М.: ГИХЛ, 1952, С. 10.

6. Одно из самых интересных и фактографически насыщенных исследований на сей счет – написанная в 1994 г. книга Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (М.: НЛЮ, 2003). Жаль только, что этой книге, во-первых, не хватает глубокого востоковедного горизонта, а во-вторых, она несет на себе отпечаток того духа постмодернистской западной «левой» историографии, для которой был характерен мотив заискивания перед Третьим миром. Мотив, ставший вопиющим анахронизмом после теракта 11 сентября 2001 г.

7. См. в этой связи: Рашковский Е. Б.. Научное знание, институты науки и интеллигенция в социокультурной динамике Европы, России и «Третьего мира»: XVIII-XX века. Дисс. в виде научного доклада... – М.: ИМЭМО РАН, 1997.

8. См.: Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер., сост. и комм. Св. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999. – С. 208-235.

9. См. там же, с. 331-332. Если вспомнить в этой связи труды некоторых российских популяционных генетиков (Н. В. Тимофеева-Ресовского, В. П. Эфроимсона, Н. Н. Воронцова, Ж. А. Медведева), то свобода как почти что неопишное определение человека и человечности прорастает из динамики космоисторических процессов и становится одним из определяющих факторов креативного человеческого сознания (см.: Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим с письмами, фотографиями и документами. – М.: Согласие, 2000. – С. 388-398).

10. Десять лет спустя аналогичным образом погиб и создатель современной теории социал-либерализма Карло Росселли (1899-1936). Именно Росселли был одним из первых мыслителей, обосновавших понятие тоталитаризма как одно из важнейших объяснительных понятий истории первой половины прошлого столетия. Это обоснование было дано им в 1929 г., исходя из сопоставления не только морфологического, но и духовного сходства диктатур Муссолини и Сталина (см.: Комолова Н. П. Введение // Карло Росселли и левые в Европе. К 100-летию со дня рождения. – М.: ИВИ РАН, 1999. С. 7-8).

11. Кроче Б. Антология..., с. 274, 275.

12. См.: Croce B. Filosofia come scienza dello spirito. IV – Teoria e storia della storiografia / 6 ed. riv. – Bari: Laterza & Figli, 1948, p. 129-138.

13. См.: Кроче Б. Антология..., с. 278-282.

14. См.: Gobetti. P. Scritti attuali. – Roma: Capriotti, 1945, p. 108-110.

15. См.: Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. Пер. А. Л. Зорина. – СПб.: Алетейя, 1998. Аббаньяно – мыслитель, чуть ли не полжизни положивший на экзистенциалистское оппонирование трудам дона Бенедетто. Действительно, если у Кроче проблема свободы ставится и решается через анализ структур мысли-в-истории и истории-в-мысли, в трудах Аббаньяно эта же самая гегелевско-крочеанская проблема ставится и решается через анализ экзистенции-в-истории и истории-в-экзистенции. Хотя, согласно данным нынешней российской исследовательницы, весьма интересные экзистенциальные подходы к истории можно отыскать и у Кроче (см.: Овсянникова И. А. Либеральная философия Бенедетто Кроче. – Изд. Омского гос. технич. унив., 1998. – С. 133-134).

16. См.: Грамши А. Избр. произведения в трех томах. Т. 3 – Тюремные тетради. – М.: ИЛ, 1959. С. 52-53. С точки зрения Грамши, отстаиваемый доном Бенедетто принцип интеллектуального достоинства как неотъемлемая часть универсальной человеческой природы есть одна из непреложных (хотя и не всеобъемлющих) предпосылок человеческой истории именно как истории свободы (см. там же, С. 48-49).

17. См. там же, С. 34.

18. Анализ постановки этой проблемы в творчестве замечательного русского историка Бориса Рэмовича Лопухова см.: Рашковский Е. Б. Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 148-152.

19. См.: Аббаньяно Н. Воспоминания философа. Пер. А. Л. Зорина. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 189-190.

20. См.: Росселли К. Либеральный социализм. Предисл. Б. Кракси. (Roma: Mondo operaio, 1989).

21. Sciacca M. F.. Cultura e anticultura // «Giornale di metafisica», Torino, 1969, anno 24, # 1, p. 36–37.

22. См.: Рашковский Е. Б.. Апология отрешенных пространств, или История российской через призму постмодерна // Современные трансформации российской культуры. Отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005.

23. См., напр.: Кустарев А.С. Рец. на кн.: / Е. Ясин. Приживется ли демократия в России... // “Pro et contra”. – М., 2005. – № 2 (29).

24. F. Venturi. Il populismo russo. Vv. 1-2. – Torino: Einaudi, 1952.

25. См. рецензию на английский перевод книги Вентури: Sir I. Berlin. Russian Populism. – “Encounter”, L., 1960.– V. 15, # 1, P. 13-28. В отечественной историографии последних лет этот взгляд нашел особо основательное документальное подтверждение в трудах В. М. Лаврова по истории эсерства.

26. Nota bene: средневековые итальянские записки о путешествиях и паломничествах на Восток лежат у истоков европейской востоковедной науки.

27. См.: Петров А. М.. Запад-Восток. (Из истории идей и вещей). – М.: ВЛ, 1996, с. 69–112.

28. Итальянский Юг, Mezzogiorno, был и отчасти поныне остается внутренним «Югом» и «Востоком» Италии.

29. См.: Croce B.. Germany and Europe. A Spiritual Dissention / Transl. a. with an Introd. by I. Sheean. – N. Y.: Random House, 1944. – p.30-33.

30. Здесь – одна из центральных теоретических точек, определивших постоянную вражду Кроче с философом-гегельянцем Джованни Джентиле (1875-1944), ставшим одним из приспешников Муссолини и разделившим его участь. А предпосылкою трагической судьбы этого одаренного философа и явилось как раз его слишком серьезное отношение к конвенциональной области теоретических абстракций.

31. Густав Густавович Шпет, русский переводчик «Феноменологии духа», переводит эту гегелевскую категорию как «субстанциальность».

32. Анализ этой гегелевской духовно-исторической триады и, в частности, многозначного и искусительного характера третьей, чаемой стадии см. в моей книге: Рашковский Е. Б. Осознанная свобода. Материалы к истории мысли и культуры XVIII – XX столетий. – М.: Новый хронограф, 2005. С. 52–60.

33. Можно вспомнить на сей предмет один из поучительнейших эпизодов культурной истории России: каким только высокомерным одергиваниям и «распеканиям» не подвергались мысль и труды Льва Толстого в публицистике Михайловского и Лаврова, Плеханова и Ленина!..

34. Мф. 6:23.

35. См.: Кроче Б.. Антология..., С. 248.

36. В терминологии раннего итальянского фашизма категория либерализма не была запретной и безусловно отрицательной.

37. В данном случае отсылаю читателя к историческим исследованиям Ц. И. Кин и Б. Р. Лопухова.

38. См.: Росселли К.. Либеральный социализм..., С. 72, 144–145, 174–176.

39. «Бесы», ч. 2, гл. 7. – Достоевский Ф. М.. Полн. собр. соч. Т. 10. – М.: Наука, 1974, с. 311.

40. См.: Croce В.. Germany and Europe...; см. также: Аббаньяно Н.. Мудрость философии..., С. 101–102. О различии трактовок понятия судьбы в разных языках Европы, в частности, итальянского “fortuna” и немецкого “Schicksal” см.: Вежбицка А.. Судьба и предопределение.// Путь, М., 1994, № 5.

41. См.: Аббаньяно Н.. Мудрость философии..., С. 64; Воспоминания..., С. 183–185.

А. В. Очкина

ПГПУ им. В. Г. Белинского

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК МОМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Тема гендерной дискриминации давно и прочно популярна как предмет политических, научных и общественных дискуссий. Однако тема эта относится к разряду «несчастных тем», которые поднимаются достаточно часто для того, чтобы всем надоест, но недостаточно глубоко для того, чтобы эти дискуссии привели к действительно позитивному результату. Безусловно, положительные последствия борьбы за равноправия женщин сочетаются как с относительно устойчивыми гендерными стереотипами относительно «женских» и «мужских» ролей, так и с многочисленными фактами скрытой или явной дискриминации по гендерному признаку и, как это ни парадоксально, с крайне негативными последствиями с таким трудом завоеванного равноправия.

Советская власть предоставила женщинам равные политические права с мужчинами, в годы советской власти женщины практически поголовно были вовлечены в общественное производство. Однако эта стремительная и отчасти принудительная эмансипация способствовала также и консервации в общественном сознании советского и постсоветского общества патриархальных стереотипов о «муже-кормильце» и «жене-домохозяйке». Этому во многом способствовало то, что наиболее масштабное вовлечение женщин в общественное производство в СССР произошло в крайне тяжелые военные и послевоенные годы и было связано для них с непосильным трудом и одиночеством. В послевоенные годы трудовая занятость женщин стала обычным явлением, они получали образование, делали карьеру, однако распределение внутрисемейных ролей оставалось в основном традиционным, наблюдалась и трудовая сегрегация, которой не мешало требование определенного «женского процента» в партии, руководстве и т. д. Следствием сохранения традиционного разделения внутрисемейных ролей стала так называемая «двойная занятость» советских

женщин, которая сохранилась для большинства и в новой России, усугубляясь снижением жизненного уровня и доступности бытовых услуг, качества и доступности детских учреждений. Характерной чертой общественного сознания позднесоветского периода как раз является распространение традиционного, патриархального стереотипа об «исконно женском» и «исконном мужском» предназначении. Этот стереотип стал на время лейтмотивом гендерных отношений и в России в период реформ.

С первых же шагов рыночных преобразований стало ясно, что они не могут быть гендерно нейтральными уже хотя бы потому, что происходило крупномасштабное свертывание социальных программ, которое затрагивало в первую очередь наименее защищенные слои населения, в том числе и женщин. Женщины были (да и есть) наиболее активными «потребителями» социальных программ: они нуждаются в отпуске по беременности и уходу за ребенком, в пособиях, им положены льготы в режиме и условиях труда, связанные с беременностью и уходом за детьми. Такие работники в эпоху первоначального разграбления в России стали крайне невыгодными работодателям. Это не значит, что женщины ушли с рынка труда. Они остались на нем, но в еще более проигрышной позиции, чем раньше. Принудительность же занятости для значительного слоя женщин пропала, и на этом фоне стереотип «мужских» и «женских» ролей, «исконного предназначения женщины» широко распространился в массовом сознании.

Гендерные стереотипы работодателей на рынке труда складываются отнюдь не в пользу женщин. В большинстве объявлений о приеме на работу, если речь идет о заработной плате выше средней или о руководящей должности, заранее указывается, что требуется мужчина. Причины таких стереотипов в основном две. Первая – непривлекательность женщины как работника, для большинства наших социально не ориентированных работодателей связанная с определенным количеством полагающихся ей льгот, ее загруженностью в семье и т. п. Вторая – устойчивые представления о том, что есть мужские и женские профессии, точнее – устойчивые стереотипы о содержании этих профессий. Существует еще одна причина гендерной сегрегации на рынке труда, выявляемая в специальных социологических исследованиях. В силу социально-психологических особенностей женщины предпочитают, как правило, избегать конкуренции: ситуация острой и постоянной конкурентной борьбы труднее переживается именно женщинами. Кроме того, помимо «материальных» обязанностей в женщина выполняются, как правило, целый ряд эмоциональных обязанностей в семье и даже шире – в определенной системе социальных связей, что не позволяет ей полностью сфокусироваться на работе.

У российских женщин в среднем выше уровень образования, чем у мужчин (54 % женщин против 46 % мужчин имеют высшее образование среди занятых.) Тем не менее, по мере возрастания должностной позиции в любой отрасли доля женщин среди занятых падает. Так, например, среди ректоров вузов 7 % женщин и 93 % мужчин, а среди старших преподавателей 68% женщин и 32 % мужчин. Тоже самое наблюдается во всех учреждениях образования и культуры. Среди предпринимателей только 35 % женщин. Есть явные признаки гендерной дискриминации и в неформальной экономике. Женщины (согласно обследованию Госкомстата в 2001 г.) составляют 47 % занятых в этой сфере, однако занятые в этой сфере также выстраиваются в «гендерную пирамиду», в основании которой находятся женщины. Есть особенности мужской и женской безработицы. Процент безработных несколько выше среди мужчин (8,3 против 7,5), но женщины дольше ищут работу, среди безработных женщин выше процент имеющих высшее профессиональное образование. Женская безработица – квалифицированная безработица.

Гендерная асимметрия занятости привела к тому, что в России произошла и происходит феминизация бедности. В 2003 году отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляло 64 %. Ниже общей средней заработной платы получают 32 % мужчин и 58 % женщин. Как показывает практика, в феминизированных отраслях низкие заработки удерживать легче, так как женщины имеют меньше выбора на рынке труда и они часто не единственные кормильцы в семье. Большинство бюджетных отраслей (здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение), наиболее пострадавших от рыночных реформ, давно феминизированы, и поэтому среди наименее оплаченных работников (причем среди наименее оплачиваемых *квалифицированных* работников) оказалось большинство женщин. Гендерная дискриминация в заработной плате отражается в гендерной дискриминации пенсии, женская пенсия на 10 % – 20% ниже мужской. Среди пожилых людей женщин почти в три раза больше, чем мужчин. Кроме того, среди неполных семей в России 99 % – это материнские семьи, а неполных семей при большом количестве разводов и относительно высоком проценте внебрачной рождаемости в стране немало. При этом, согласно статистическим и социологическим исследованиям, в бюджете средней российской семьи зарплата жены составляет 40 %. Сопоставив эти цифры со структурой мужской и женской занятости, можно сделать вывод, что чем беднее семья, тем больше загружена женщина и на работе, и дома, учитывая дороговизну бытового обслуживания.

Вместе с тем устойчиво развивается и социокультурная дискриминация, которая отражается даже в карикатурном праздновании 8-го

Марта как «праздника женственности», когда этот праздник лишился совершенно своего политического смысла, само упоминание о его подлинном значении стало чем-то не совсем приличным. Сохраняются гендерные стереотипы в семейном и школьном воспитании, даже в обсуждении проблем материнства, детства, репродуктивного труда и здоровья, женской занятости и т. п., которые обсуждаются преимущественно женщинами же и воспринимаются обществом как чисто женские. Ряд общезначимых проблем, таких как непомерно высокое число аборт, высокое число неполных семей, внутрисемейное насилие, обсуждать в смешанной аудитории не принято. Школа и во многом семья по-прежнему воспитывает «добытчиков» и «домохозяек», хранительниц очага, явно или неявно, распределением ли уроков труда – для девочек отдельно, для мальчиков отдельно, – распределением ролей между отцом и матерью в семье или дифференциацией гендерного поведения детей по степени социальной одобряемости.

Тем временем гендерная дискриминация в России касается отнюдь не только женщин. В такой же степени она направлена и на мужчин. В Советском Союзе сохранялось, как я уже говорила, традиционное распределение внутрисемейных ролей, однако в это время был существенно изменен стереотип успеха, мужчину отчасти перестал преследовать буржуазный образ неудачника. В советском обществе, даже в позднем его периоде, существовало определенное внутреннее сопротивление нарастающим потребительским настроениям. Это выражалось, кроме всего прочего, в выработке альтернативных денежным и статусным измерителям жизненного успеха. Начавшиеся рыночные реформы обрушили на российских мужчин весь груз требований маскулинности, что соединилось с распространившимися к этому времени патриархальными гендерными стереотипами. Последствия оказались весьма трагическими. Сверхсмертность мужчин в возрасте 35–55 лет, огромный процент смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, от убийств и самоубийств. То, что происходит с российской армией, тоже вполне можно рассматривать как гендерную дискриминацию. Вообще стереотип маскулинности в сочетании с пугающим образом неудачника и денежными критериями успеха, разрушают мужскую жизнь так же успешно, как стереотипы феминности – женскую. Тот же стереотип буржуазного успеха понуждает некоторых женщин реализовывать свое естественное преимущество – свою сексуальную привлекательность – как товар, компенсируя свою уязвимую позицию на рынке труда.

Все эти проблемы гораздо сложнее, чем проблемы правовой дискриминации, которые так или иначе преодолеваются изменением законодательства. В первую очередь нужно подчеркнуть, что, говоря о равнопра-

вии женщин, ни в коем случае нельзя говорить о том, что женщина должна во всем стать такой же, как мужчина, играть на равных по *мужским* правилам. Это означает дискриминацию пусть другого рода, но ничуть не менее жесткую, это означает дискриминацию женской сущности так же, как отстранение женщины от общественно полезного труда означало дискриминацию ее человеческих творческих возможностей.

В России стереотип маскулинности и его современная трансформация, определяемая в литературе как кризис, распространяясь на уровне повседневного бытия, пока в полной мере не осваивается теоретически и идеологически. Это объясняется, как мне кажется, слабостью феминистских настроений и феминистского движения в России, практическим отсутствием стереотипов гендерного соперничества. На Западе, особенно в США, успех феминизма и повсеместное утверждение новых гендерных образцов вызвали стремление осмыслить кризис маскулинности в идеологии и в теории. Здесь уместно вспомнить распространившиеся на Западе мужские движения, которые декларируют необходимость защиты исконной мужской сущности от экспансии женщин. Вспомним хотя бы такие организации, как «Движение за права мужчин», «Коалиция для свободных мужчин», «Мужские права» и т. д. В отличие от организации «Национальная организация мужчин против сексизма», идеология которой поддерживает феминизм и направлена на преодоление гендерных стереотипов жизни и поведения, названные выше движения считают феминизм идеологией, разрушающей не только полоролевые стереотипы, но саму мужскую природу, диктуя мужчинам неподобающее поведение. В частности, идеолог «Движения за права мужчин» Уоррен Фаррел утверждает, что никакой мужской власти в США не существует, господство мужчин – миф, придуманный женщинами. Мужчины вынуждены зарабатывать деньги, тратят которые преимущественно женщины, мужчины умирают раньше, оставляя свое имущество опять-таки женщинам. Фаррел утверждал также, что женщины блокируют мужскую сексуальность под видом борьбы против сексуальных домогательств и насилия, при разводе отцы, как правило, бывают поражены в правах на общение с детьми, на работе и в семье мужчины угнетены больше, чем женщины, которым везде дают преимущества.

Антифеминистская идеология часто смыкается с лозунгами защиты традиционных ценностей: семьи, супружеской верности, родительской любви и т. д. Так, например, возникшее в начале 1990-х годов по инициативе бывшего футбольного тренера Колорадского университета Билла МакАртни движение «Верных слову» воинственно выступает против «феминизации» и «гомосексуализации» общества. «Верные слову» считают естественной и неизбежной мужскую агрессивность, незыблемыми

– стереотипы мужественности и женственности. Вопрос, по их мнению, заключается только в форме проявления истинных мужских и женских черт. Идеологи движения заявляют, что мужчина по определению (как созданный по образу и подобию Бога) является лидером, и проблема заключается в том, чтобы сделать его ответственным лидером. Мужчина, по мнению «Верных слову», должен быть верным и заботливым мужем и отцом, трудолюбивым и ответственным членом общества. Лозунг движения: «Держи свое слово, данное жене и детям, будь человеком слова!».

Развитие социальных движений и соответствующих идеологий, связанных с гендерными противоречиями, нельзя, однако, представлять как «войну полов», как противостояние мужчин и женщин. И теоретически, и по участию в движениях представителей обоих полов, развитие феминистской и антифеминистской идеологий, различная критика гендерных стереотипов и дискриминации отражает более глубокие социальные процессы, чем раздел власти и влияния между полами. Консервативные движения с идеологией, близкой идеологии «Верных слову», привлекают не только мужчин, но и женщин, причем ориентированных не только на сохранение патриархальных форм семейных отношений, но и весьма прогрессивных, озабоченных развитием деструктивных тенденций в обществе, которые они связывают с пренебрежением традиционными ценностями. Провозглашая традиционную семью хранительницей общественной нравственности, сторонники консервативного решения гендерного вопроса автоматически объявляют все трансформации традиционных семейных и сексуальных отношений, даже и вполне объективно заданные, разрушением базовых ценностей и причиной всех бед и пороков современного общества.

Напротив, в декларации NOMAS («Национальная организация мужчин против сексизма», сменившая в 1991 году «Национальную организацию для меняющихся мужчин», возникшую в США в 1970-х годах) сказано: «Мужчины могут жить более счастливой и полноценной жизнью, бросив вызов старомодным правилам маскулинности, предполагающим принцип мужского верховенства». В этой же декларации провозглашаются три главных принципа организации, такие как положительное отношение к мужчинам, поддержка феминистского движения и защита прав геев. Разновидностью этого движения стал социалистический мужской феминизм, утверждающий, что освобождение мужчин от давления социальных стереотипов возможно только одновременно с развитием подлинного равноправия, что неизбежно заставляет мужчин придерживаться феминистских принципов.

Нужно заметить, однако, что акцент в идеологии этой организации делается преимущественно на необходимости изменения условий ин-

дивидуальной социализации, а не на выявлении социальных факторов гендерной дискриминации. Известный российский философ, социолог и сексолог Игорь Кон, анализируя социальные движения, связанные с кризисом маскулинности, отмечает «По своему характеру, это, как правило, «мягкие» мужчины, чей телесный и психический облик порой не отвечает стереотипному образу «настоящего мужчины» – сильного и агрессивного мачо. Мнение, что это преимущественно геи, не соответствует истине (геи и бисексуалы составляют по разным подсчетам от 10 до 30 %). Однако интерес к мужским проблемам часто стимулируется личными трудностями (отсутствие отца, непопулярность среди мальчиков в классе, неудачный брак, трудности отцовства и т. п.) Для многих из этих мужчин общественно-политическая деятельность психологически компенсаторна. Среди обычных мужчин интерес к проблемам маскулинности невысок. В некоторых университетах США уже больше десяти лет преподается курс «Мужчины и маскулинность». Казалось бы, он должен интересовать юношей. Но 80–90 % его слушателей – женщины, а среди немногих мужчин преобладают представители этнических и/или сексуальных меньшинств. Причина этого не в том, что молодые мужчины не имеют проблем (книги на эти темы хорошо раскупаются), а в том, что они стесняются признаться в этом». (2)

На мой взгляд, так называемые мужские движения не имеют социальной и политической перспективы, аналогичной той, которую имел в свое время феминизм. Мужские движения не могут выдвинуть внятной политической и социальной альтернативы, касающейся разрешения полоролевых противоречий, как это было сделано в свое время в рамках либерального и культурного крыла феминизма. Не могут они и вплести свою специфическую программу в более широкое социально-политическое движение, как это произошло с марксистским и черным феминизмом. Причина прежде всего в том, что социально-политические альтернативы гендерных отношений уже более или менее определились в эпоху возникновения и развития феминистского движения, именно поэтому мужские движения обречены на вторичность, на определение своего места в координатах поддержки феминизма или сопротивления ему. Не случайно поэтому, что подобные инициативы не распространяются широко, они совершенно не популярны в России, хотя полоролевые противоречия здесь не менее остры, чем, например, в США. Социально-психологические проблемы, связанные с ломкой стереотипов семейной жизни, сексуального поведения и распределения ролей между полами, провоцируют противопоставление в социальных дискуссиях патриархальных и современных ценностей. Однако это противопоставление без соответствующего социально-политического оформления бессмысленно. Принятие традиционной семьи и свя-

занных с ней стереотипов поведения как безусловной ценности и образца неисторично и не имеет перспектив в качестве социальной программы. Однако и некритическое приветствие любых трансформаций в гендерных отношениях как современных и потому прогрессивных также не разумно. Единственным перспективным подходом к проблеме может быть рассмотрение гендерных отношений и противоречий в широком контексте социальных отношений.

Гендерные противоречия проявляют себя во всех сферах жизни, идеологическое оформление этих противоречий осуществляется прежде всего на основе формирования соответствующей социальной и политической концепции, которая представляет собой нечто более сложное, чем простое оправдание своего пола. Гендерная дискриминация в основе своей не есть несправедливое поведение мужчин и женщин по отношению друг к другу. Это система отношений, при которой человек оказывается поражен в правах по половому признаку, причем как в правах общечеловеческих, так и в специфических правах человека определенного пола. Именно поэтому Энгельс высоко ценил мысль Фурье о том, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации. Действительно, поражение женщины в правах на протяжении большей части человеческой истории сделало вопрос о женском равноправии вопросом о возможности реализации человеческих прав вообще: в профессиональной и семейной сферах, в политике и творчестве. Достижение женщинами определенного уровня юридического равноправия поставило вопрос о причинах сохранения гендерной дискриминации, о механизмах обеспечения подлинного равноправия, о формах и даже о самой возможности этого равноправия. Гендерная проблема, таким образом, вышла на новый уровень теоретического и общественного обсуждения и стала неотъемлемой частью дискуссии о границах социального равенства в современном обществе, об идеале социальной справедливости и его конкретном воплощении. Попытки локального разрешения гендерных противоречий приводят только к тому, что последние меняют форму, теряют остроту на какой-то период, а затем воспроизводятся в новом качестве.

Устранение гендерной дискриминации на уровне законодательства приводит к ее возрождению и развитию на уровне стереотипов общественного сознания, что проявляется, например, в России в отношении общества к одиноким женщинам или к женщинам в политике, в гендерной асимметрии занятости и безработицы (См., например 1, 3, 4). Решение же гендерных проблем в духе культурной парадигмы феминизма на уровне индивидуальной социализации вызывает противоречия другой природы, которые отражаются в появлении патриархальных настро-

ний, оформляемых, как в США, в социальных движениях, или господствующих на уровне обыденного сознания, как в России. Неразрешенные противоречия проявляются и как своего рода социальный стресс, испытываемый как мужчинами, так и женщинами. Выше говорилось о кризисе маскулинности и давлении образа успеха, негативно отражающихся на эмоциональном состоянии мужчин. Отсутствие в России широкой дискуссии и социально организованных движений, связанных с эмоциональными проблемами мужчин и гендерными противоречиями, не означает отсутствия соответствующих социальных феноменов, вызывающих разнообразные негативные последствия.

Социальный стресс, связанный с противоречивостью гендерных стереотипов переживают и женщины. Ольга Здравомыслова говорит, например, о своеобразной «вине перед обществом», которую испытывают незамужние и бездетные женщины. «Общественное мнение по-прежнему репрессивно по отношению к незамужним женщинам. Оно склонно поддерживать исключительно «нормальный», семейный образ жизни. (1) В России формируется два типа женщины-работника, один ориентирован больше на семью, другой – на работу, но при этом рано говорить о сформированности типа профессионально ориентированной женщины. Исследователь подчеркивает, что «женщина-работник» все сложнее справляется с меняющейся действительностью, утверждение стереотипов «работающей матери» или «семейного профессионала» и сложились, и формируются в новых условиях как исходно противоречивые и стрессогенные.

В проведенном О. Здравомысловой исследовании 14 % опрошенных российских женщин признались, что им совершенно не удается поддерживать баланс между семьей и профессией. В других странах, нужно отметить, доля ответивших также женщин составляет от 0,4 до 4 %. Тем не менее, именно эти стереотипы остаются доминирующими, причем чаще всего в средне или малообеспеченных слоях населения. Таким образом, наибольшей остроты противоречия гендерных стереотипов достигают именно там, где шансов их благополучного разрешения меньше всего. Иначе говоря, наиболее тяжелым процесс гендерной самоидентификации оказывается именно там, где в сложившихся социальных условиях у женщины нет выбора – дом или семья, она просто обязана справляться с двойной нагрузкой, которую ей не на кого переложить, а часто и разделить не с кем, разве что с родителями.

Социальную иерархию имеют и эмоциональные проблемы мужчин, связанные с давлением гендерных стереотипов. Они также острее всего в тех слоях, где нет ни государственных программ защиты для бедных, ни возможности привлекать значительные финансовые средства для ре-

шения профессиональных и семейных проблем. Работа по 50–70 часов в неделю для обеспечения относительного благополучия семьи есть в определенном смысле ущемление «эмоциональных прав» мужчины. Это означает и насилие над личностью, ее глубинными психологическими особенностями. Говоря о равных правах, весьма полезно вспомнить слова Маркса из «Критики Готской программы» о том, что так называемое «равное право по своему содержанию есть право неравенства как всякое право». Равная мера, применяемая к неравным индивидам, есть признание и закрепление неравенства. «Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным». И Маркс также замечает: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества». (5) Это не означает, что права женщин не нужно отстаивать. Их необходимо отстаивать, но не как права быть такими же как мужчины и не как особые женские права, а как естественное право личности на самоопределение, которое можно эффективно защитить только в рамках целостного левого проекта. Запереть борьбу за права женщин в рамки «женских движений» означает эту борьбу дискредитировать и свести к фарсу.

Неплохо бы прислушаться и к другим емким словам еще молодого Маркса. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он писал: «Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. ... В этом отношении *проявляется в чувственном виде, в виде наглядного факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о степени общей культуры человека...

Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере другой человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии является вместе с тем общественным существом». (6).

Хочется подчеркнуть, что преодоление гендерной дискриминации во всех областях жизни есть не борьба полов, не борьба женщин против угнетающих их мужчин, не борьба даже за социальную политику в области занятости, материнства и детства. Защита эмоциональных прав

мужчин также не сводится к возвращению патриархальных традиций или, напротив, не означает отказа от самих понятий мужественности и женственности. Разрешение гендерных проблем и противоречий возможно только в рамках такой социальной программы, которая предоставляет человеку быть в полном смысле человеком, в том числе и в своем естественном, родовом отношении.

Библиографический список

1. Здравомыслова О. Две карьеры российских женщин // <http://www.owl.ru/win/womplus/1997/olga.htm>
2. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в меняющемся мире // <http://sublimation.msk.ru/st-716.html>
3. Кочкина Е. В. «Представленность женщин в российских органах власти» // <http://www.owl.ru/win/books/policy/kochkina.htm>
4. Лысенко Т. П. «Женщина в управлении» // <http://www.a-z.ru/women/texts/lysenr.htm>
5. Маркс К. «Критика Готской программы» // Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. – 2 изд. Т. 19. С. 19.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. 2 изд., – Т. 42. С. 115–116.

А. Г. Мясников

ПГПУ им. В.Г. Белинского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПОПЫТКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА)

ТЕЗИС: Нравственное воспитание современной молодежи должно опираться на формирование правосознания, включающего в себя активную гражданскую позицию и законопослушность. Это есть необходимое требование развития буржуазно-демократического общества.

Обоснование:

А. Основная задача правового буржуазно-демократического государства заключается не в том, чтобы формировать личные убеждения граждан авторитарными и идеологическими средствами, а в том, чтобы гарантировать обеспечение прав и свобод каждого гражданина, создавая при этом систему экономических и правовых условий для их законопослушного и добродетельного поведения. Уже в XVIII веке немецкий философ Иммануил Кант подверг радикальной критике патерналистские амбиции государственных властей и используемые ими неэкономические способы принуждения своих подданных.

«Человеку должна быть предоставлена возможность для действия на свой страх и риск, для проб и опытных выводов, ошибок и перерешений, падений и возрождений. Каждый гражданин волен послать подальше сколь угодно высокого самозванного наставника, сующего нос в такие его дела, которые не наносят ущерба другим согражданам». (Э. Соловьёв Личность и право. С. 420.) Вопрос заключается в приоритете интересов и прав личности либо интересов и прав государства. В России долгое время господствовал приоритет общих, государственных интересов, ради которых миллионы людей приносились в жертву. До сих пор сохраняется принципиальное недоверие к воле отдельного гражданина и его индивидуальному правомочию. По мнению Э. Соловьёва, первооснова индивидуальных правомочий – это неподопечность, или статус практической личной независимости.

Демократическое государство запрещает себе вмешиваться в такие действия подданных, которые относятся только к их собственному сохранению и счастью и только им могут нанести ущерб. И государству, и частным лицам запрещается диктовать индивиду, как ему следует быть благоразумным. Гражданину должна быть предоставлена возможность воздействовать на власть и на законодательное творчество. А это предполагает публичное признание его самостоятельной разумной личностью, заинтересованной в собственном счастье и благополучии и способной их достигать собственными средствами.

К сожалению, образ милостивого и справедливого «царя-батюшки» сохраняется и поддерживается в российском общественном сознании, тем самым консервируя его традиционные (барски–деспотические) устои и общественные настроения.

В условиях экономической и культурной глобализации сохранение патерналистской системы управления страной является не просто очевидным пережитком деспотического прошлого, но и серьёзнейшим препятствием для общественно-экономического развития страны.

Вместе с тем большая часть населения страны, особенно проживающая в сельской местности и занятая тяжелейшим крестьянским трудом, имеет родовое – мифологическое – сознание (я называю его «маточным» сознанием), сформированное многими столетиями рабства, холопства и родо-племенным типом хозяйствования. Потому многие люди имеют очень заниженный уровень потребностей и морально-правовых притязаний. Уже тот факт, что наши соотечественники боятся любого судебного разбирательства, свидетельствует о до-гражданском состоянии общественного сознания. Поистине народ заслуживает той власти и благополучия, которые имеет.

Пробуждение национального самосознания и становление экономической самостоятельности части российского общества привело в

девяностые годы прошлого века к усилению национальных и территориальных суверенитетов и связанных с ними сепаратистских движений. Такова неизбежная логика буржуазно-демократических реформ, ориентированных на соблюдение основных прав человека и гарантию достойного способа существования каждого гражданина страны. Когда же размер средней пенсии ниже прожиточного уровня, то это является свидетельством ненужности пенсионеров для такого государства, так как они уже перестали быть рабочей силой (по сути, рабочим скотом), а значит, должны побыстрее готовиться к переходу в мир иной. Такое отношение к пенсионерам ещё раз подтверждает деспотический и полуфеодалный характер российской власти, признающей за собой абсолютность и даже богоизбранность. При этом народы России по-прежнему рассматриваются и используются как средства (например, как «пушечное мясо») для достижения больших имперских проектов.

По этому поводу, следует вспомнить категорический императив Иммануила Канта, требующий от каждого разумного существа не использовать другого человека лишь как средство для собственных целей. Человек есть самоцель, содержащая в себе безусловную ценность, достоинство. Но в последнее время понятие человеческого достоинства приобрело значение не политкорректного термина, с помощью которого можно призвать людей на митинги и демонстрации. Упоминание о чести и достоинстве оказывается политически опасным, почти дестабилизирующим политическую ситуацию в стране. Социологам и психологам осталось только выяснить, каков крайний предел терпения народа, за которым начинается осознание собственной униженности и оскорблённости, ведущее к политическим действиям.

Именно экономическое принуждение через честную конкуренцию должно способствовать нравственно-правовому развитию личности, так как только экономически самостоятельный субъект может быть полноценным активным гражданином, заинтересованным в экономическом и моральном совершенствовании общественной жизни. Честная конкуренция предполагает правовое регулирование и вместе с тем воспитывает моральные качества хозяйствующих лиц, их добросовестность и ответственность за произведенные товары, ценности и совершённые договоры, сделки. Таким образом, сохраняющаяся монополизация российской экономики и господство различных видов рэкета оказывается существенным препятствием как для развития экономической инициативы и заинтересованности производителей, так и для развития и совершенствования морального состояния самих граждан.

Б. Мечтательное упование наших современников на обретение чистой нравственности противоречит повседневному опыту и позволяет боль-

шинству ответственных лиц (руководителей, чиновников разного уровня) быть неискренними. Особую опасность в этой связи представляют претензии Русской Православной церкви на владение божественной святостью и на правомочие присваивать некоторым людям статус «святых», так как «святость» становится похожей на католические индульгенции, гарантирующие божественную милость и райское благополучие в мире ином. Просто трагикомичными представляется мне, например, приобщение к лику святых «кровавого» Николая II, а также попытки многих государственных деятелей заслужить у Церкви божественную милость с помощью строительства храмов на деньги, добытые преступным путём.

Вслед за Кантом, я прихожу к убеждению, что святых людей быть не может. Кроме того, за годы реформ многие сограждане стали «нравственными калеками». В этой сложнейшей исторической ситуации не следует усиливать их внутреннюю (душевную) разорванность провозглашением ложных лозунгов о достижимости нравственного совершенства или «святости». Достаточно того, чтобы гражданин хорошо выполнял свои служебные и гражданские обязанности.

Кант не случайно различает два уровня выполнения человеком своих обязанностей – «легальность» (право) и «моральность» (нравственность). Это две нормативные системы, предназначенные дополнять друг друга, но при этом большей общественной значимостью все же обладает «легальность», которая должна препятствовать (пресекать) самые опасные и грубые проявления человеческой дикости или асоциальности (например, насилие, воровство и др.). Нравственные требования относятся к более утончённым проявлениям человеческой социальности и предполагают постепенное совершенствование культуры отдельных лиц и всего общества.

Каждый человек имеет разные недостатки и патологические склонности, которые не должен выставлять напоказ, но если своим морально несовершенным поведением он не нарушает права и свободы других лиц, то в этом нет ничего страшного. Законопослушность (или легальность поведения) граждан служит надёжной гарантией от произвола и ущемления прав других лиц.

Профессионализм и законопослушность – это два фундамента для постепенного внутреннего развития нравственной культуры российского общества.

В. Нравственное развитие гражданина Российской Федерации не должно противоречить конституционному праву на свободу совести и вероисповедания. Свобода совести предполагает самостоятельное определение человеком своих убеждений, ценностей и жизненных целей; граница этого самоопределения может быть задана только уголовным и гражданским кодексами, соответствующими естественному праву или

правам разума. Свобода вероисповедания предполагает, что в современном обществе религия является одним из способов самопознания человеком себя и мира в целом, а потому ни одна из существующих конфессий не имеет преимущественного права на формирование нравственного сознания человека. Человек имеет право самостоятельно выбирать свои религиозные предпочтения, а традиционные конфессии оказываются в ситуации конкурентной борьбы за эти предпочтения.

Мы можем даже предположить, что в ближайшем будущем наше общество станет трансрелигиозным, т. е. мыслящий человек будет осваивать разные религиозные учения и культы, переходя из одной веры в другую, в поисках собственного смысла жизни. Каждое из вероучений будет заинтересовано в том, чтобы дать ищущему человеку не просто набор знаний о своем вероучении, а в том, чтобы помочь ему разобраться в самом себе, найти свои жизненные принципы и мировоззренческие ориентиры. И конечно, нельзя исключать того, что многие люди будут приходить к научному философскому мировоззрению, разоблачающему магические культы и всякого рода догматизм.

Очень опасным мне представляется попытка ускоренно ввести курс «Основ православной культуры» в систему среднего и высшего образования. История России показывает, что всеобщее обязательное изучение закона Божия в начале XX века не спасло страну от кровавой революции и братоубийственной гражданской войны. Кроме того, навязывание православных конфессиональных ценностей категорически запрещено действующей Конституцией РФ. Апелляция представителей церкви к тому, что православная культура может стать фундаментом общественной морали и объединения российского общества является просто необоснованной в условиях светского, многоконфессионального российского общества. Если часть общества нуждается в религиозном воспитании, то эта потребность должна быть удовлетворена в частном порядке. Например, путем предоставления возможности студентам посещать факультативы по православному или мусульманскому богословию. Однако обязательное изучение основ той или иной религиозной культуры противоречит принципам демократического государственного устройства и нарушает общепринятые права и свободы человека.

Г. Правосознание молодого человека – это самосознание гражданина, имеющего право участвовать в законодательной деятельности и контроле за исполнением принятых законов. Активная гражданская позиция заключается в желании и практической реализации своей политической воли, связанной как с личными интересами, так и с интересами какой-либо политической партии. Способность к политическому самоопределению является важным условием гражданской зрелости личности. По-

этому борьба за политические интересы молодёжи оказывается первоочередной задачей политических партий.

Конституционное требование законопослушности является в России серьёзнейшей общественной проблемой, которая, конечно, не может быть разрешена в ближайшее время, но без её постановки и хотя бы начального решения ситуация будет катастрофичной. Уважение к закону и уважение к другим лицам должно формироваться прежде всего личным примером должностных лиц, начиная с президента РФ и заканчивая мелкими чиновниками городской администрации. Личный пример руководителя является в нашей ситуации главным условием изменения правосознания граждан и прежде всего, молодежи, которая обычно копирует или подражает известным лицам и руководителям. Например, если начальник ворует или позволяет себе публичные оскорбления, то для подчиненных это будет примером для подражания. «Рыба гниет с головы», – гласит народная мудрость, и не прислушаться к ней было бы, по меньшей мере, легкомысленно и для самих представителей власти, и для новых подрастающих поколений.

Д. Состояние нравственной культуры молодёжи является соответствующим мультикультурному состоянию российского общества и всего глобализированного человечества. Для большинства российских городов характерно, с одной стороны, взаимовлияние городской и сельской культуры, а с другой – разделение элитарной и люмпенской культуры, которое обостряется распространением уголовного жаргона и манер. Социально-культурная дифференциация современного общества во многом обусловлена продолжающимся экономическим кризисом и разрушением традиционных норм и правил поведения. Перед каждым взрослым гражданином стоит задача – выработать собственную систему ценностей и создать свой жизненный мир, соответствующий его интересам и уровню мыслительной деятельности. А это очень сложное дело, требующее многих знаний и интеллектуально-волевых усилий. Не способность к такому самоопределению приводит к ранней смертности среди мужчин и ослабеванию института семьи.

Подводя итог обоснованию предложенного тезиса, хочется заметить, что опыт западноевропейской цивилизации показывает огромную роль религиозной Реформации в становлении правового сознания европейских обществ. Без морально-правовой мотивации религиозных убеждений процесс формирования европейского буржуазного общества в XVI–XVII веках был бы существенно замедлен, но в российской цивилизации, по моему мнению, христианство не играет прогрессивной исторической роли, оставаясь в полной зависимости от государства. Поэтому формирование правового сознания граждан в современной России может происходить

прежде всего через систему образования и с помощью непосредственного участия граждан в местном самоуправлении и выборах государственных органов власти, а также через участие в деятельности различных неправительственных общественных организациях и объединениях.

Таким образом, именно реальное функционирование институтов гражданского общества может стать условием развития правового сознания и правовой культуры наших сограждан, а это в свою очередь будет способствовать развитию общей нравственной культуры в России.

А. Б. Тугаров, Г. А. Силантьева
ПГПУ им. В. Г. Белинского

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

В современной научной литературе сложилось понимание профилактики в социальной работе как комплекса мер, направленного на предупреждение или минимизацию последствий социально опасных явлений, а так же закрепление образца поведения, одобряемого большей частью общества. Говоря о профилактике, предполагается, например, формирование у детей здорового образа жизни и позитивного социального поведения, направленного на преодоление жизненных трудностей. (1)

Можно говорить о профилактике нежелательного явления в принципе, т. е. предотвращения его проявления; о профилактике негативных последствий того или иного образа действия, явления или события, которые уже имеют место; о профилактике рецидива, повторения нежелательного события, поступка, явления. Основываясь на объективно заданном многообразии профилактической деятельности, в типологизации различается первичная, вторичная и третичная профилактика. (2)

Существует так называемая концепция «минимизации последствий», которая отдает предпочтение вторичной и третичной профилактике, аргументируя это соображениями рациональности. Поскольку, с точки зрения сторонников данной концепции, избежать негативного явления (например, употребления алкоголя, развития наркотической зависимости) невозможно, то остается минимизировать последствия негативных явлений как для субъектов девиантного поведения, так и для общества в целом. Прямо значение первичной профилактики в этой концепции не отрицается, подчеркивается лишь, что эффект от профилактических мероприятий практически непредсказуем, их эффективность не поддается рациональному измерению. (3)

Прямо противоположная точка зрения предполагает сосредоточение на первичной профилактике и прекращение борьбы с данным явлением мето-

дами социальной работы. Причем часто первичная профилактика предполагается как по возможности красочное, вызывающее негативные эмоции (страх, отвращение) описание последствий нежелательного действия, применяется тактика «запугивания». При всей силе возможного эффекта такая практика имеет и негативные стороны, что можно проследить на примере профилактики наркотической зависимости. С одной стороны, оказавшись в плену у наркотиков, человек чувствует себя вне общества, осознает, что у него нет надежды, нет пути назад, отказывается от борьбы. С другой стороны, может возникнуть и обратный эффект. Не почувствовав сразу тех разрушительных воздействий наркотиков, которые предсказывались в литературе, видеороликах, на уроках в школе, молодой человек считает себя обманутым полностью и теряет всякий страх перед наркотиками.

Обе модели имеют право на существование, применяются с той или иной долей успеха в практике социальной работы различных стран. Так, наиболее последовательно первичная профилактика наркотической зависимости под лозунгом «Просто скажи НЕТ» применяется в США, концепция минимизации последствий популярна в Англии, Нидерландах. Тем не менее, проблема наркотической зависимости детей и подростков крайне актуальна для этих стран. Применение программы «Просто Скажи НЕТ» по данным некоторых исследований дает лишь краткосрочный эффект. Концепция минимизации последствий не приводит в принципе к снижению доли молодых людей, принимающих наркотики. Нам представляется, что неверен сам принцип противопоставления различных методов профилактической деятельности.

Как показывает практика борьбы с негативными явлениями вообще и наркотической зависимостью в частности, профилактика дает наибольший эффект как комплексное, систематическое воздействие и непрерывная поддержка. Принцип непрерывности особенно важен для закрепления эффекта от всего комплекса профилактических мероприятий.

Однако при всей важности профилактической работы в целом предпочтение должно отдаваться первичной профилактике как ведущему виду профилактической деятельности, так как именно в этом случае предполагается воздействие на объект до возникновения негативного явления. Другие виды профилактического воздействия являются необходимыми, но дополняющими. Подчеркнем, что речи о второстепенности, меньшей важности какого-либо вида профилактики быть не может.

Однако оценка практической деятельности в области профилактики наркотической зависимости, а также анализ соответствующей литературы позволяют сделать выводы, что приоритеты большинства специалистов расставлены иначе. Все чаще в качестве профилактических мероприятий выступают усилия по вторичной профилактике, которая

является вторым звеном в вышеупомянутом комплексе мер. Так, во всех законодательных актах объектом профилактики большинства негативных социальных явлений выступают подростки. (4) Однако статистика свидетельствует, что в подростковом возрасте происходит закрепление наркотической зависимости. Естественно предположить, что сама готовность к употреблению наркотиков, определенные представления об их роли сформировались раньше, в детском возрасте. (5) Имеет место опаснейшее сочетание: детская наивность, неспособность к оценке сложного явления, склонность к мифотворчеству. Ожидание чуда и подростковый негативизм, эмоциональная неустойчивость, отрицание привычных авторитетов.

В таком случае профилактические меры методом запугивания могут вообще иметь обратное действие. Таким образом, выбирая объектом воздействия подростков, специалисты вынуждены обращаться к методам в основном вторичной профилактики.

Профилактическая деятельность эффективна при соблюдении следующих принципов: систематическое воздействие на объект на всех стадиях развития негативного явления, непрерывность поддержки, комплексность мероприятий, адекватность содержания мероприятий объекту. Возникновение такой системы профилактических мер может дать дополнительный положительный эффект, связанный с тем, что проблеме на всех этапах развития обеспечивается устойчивое общественное внимание. Последовательное проведение подобной программы может привести к эффекту саморазвития и самосовершенствования системы профилактической деятельности в социальной работе.

Библиографический список

1. Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам. – Женева, ВОЗ, 1996. 80 с.; Социальная работа: теория и практика: Учеб. пособие / Отв. ред. Е. И. Холостова, А. С. Сорвина. – М.: ИНФРА-М, 2001. и др.
2. Соломзес Д. А., Чебурсон В., Соколовский Г. Наркотики и общество. М.: Иллойн, 1998. — С. 5–17
3. Петракова Т. И. Руководство по профилактике наркомании среди детей и подростков. М., Инфра, 2004. — С. 67-69.
4. ФЦП «Комплексные меры противодействия злоупотребления наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 годы» от 13 сентября 2005 г. № 561; Уголовный кодекс Российской Федерации. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ; О наркотических средствах и психотропных веществах. Федеральный закон. Принят Государственной Думой 10 декабря 1997.
5. Шереги Ф. Э. Социология девиации: прикладные исследования. – М.: Центр социального прогнозирования, 2004. – С 139–145.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

В современном обществе, основанном на эксплуатации наемного труда, именно государство определяет ту долю произведенного продукта, которую капиталист отдает в форме налога в пользу людей, выставленных наличной общественно-экономической системой на грань выживания. Однако, являясь инструментом классового господства, государство никогда не станет всеобщим благодетелем народа, ибо оно есть лишь орган, обособившийся от общества и получивший всю полноту власти над ним. Решение социальных проблем общества есть дело самого общества.

Поэтому какими бы идеологическими лозунгами ни прикрывались чиновники министерств и ведомств социальной защиты, помощь нуждающимся не перестает быть делом самих нуждающихся. С развитием производительных сил общества, с увеличением доли свободного времени по отношению к рабочему, добровольное объединение нуждающихся в помощи и тех, кто хочет предотвратить свое попадание в разряд нуждающихся, становится процессом все более масштабным и целенаправленным.

Тем временем, пока правительство всеми своими движениями и стараниями пытается совершенствовать рынок, фактически укрепляя частную собственность, утверждая ее как основу единственно верного пути развития, пока правительство пытается найти сбалансированный компромисс между интересами капитала, широких масс трудящихся и своими собственными, государственными интересами, десятки миллионов людей в каждой отдельной стране сталкиваются с ситуациями, требующими сформированных демократических социальных институтов. Однако, как отмечает Н. Хомский, «невозможно быть сторонником представительной демократии и в то же время отстаивать капитализм или какое-нибудь иное общество, разделенное на классы». [1]

В современном мире инициатива по формированию социальной политики и ее механизмов принадлежит государству, которое стремится достигнуть стабильности в обществе через создание таких условий, в которых бедствия и нужда как бы сглаживаются оказываемой социальной помощью. Средства массовой информации при этом обеспечивают (во всяком случае в России) принятие гражданами мер, которые вполне могут не соответствовать их интересам.

Коснемся, например, прошедшей в России реформы монетизации льгот. Доктор экономических наук, председатель президиума – научный руководитель Института проблем глобализации М. Делягин так оценивает ее сущность: «Реальная цель реформы – повышение эффективности

системы социальной защиты, но не для людей, а для бюджета. Несвершенная, порождающая чудовищные злоупотребления (например, при распределении бесплатных лекарств) система распределения льгот остается практически без изменений, а вот бюджет существенно сокращает свои расходы и, что особенно важно, обязательства». [2]

Государственный неолиберализм в социальной политике, который на сегодняшний день превалирует во внутренней политике российского (и не только российского) государства есть ничто иное, как сбрасывание обязанностей по обеспечению количества социальной помощи. В такой ситуации возрастает роль негосударственных объединений граждан, возникающих с целью взаимного содействия в преодолении трудных жизненных ситуаций.

Несмотря на то, что основные жизненно важные области социального регулирования – пенсионное, медицинское и социальное страхование, социальное обслуживание находятся под преимущественным контролем государственных органов и правительства, некоммерческий сектор социальной помощи как своеобразный институт на сегодняшний день представляет собой сложную, активно развивающуюся общественную практику. Согласно узкой трактовке, институт некоммерческого сектора – это сектор негосударственных некоммерческих общественных организаций, деятельность которых направлена на решение социально-значимых проблем индивида, различных социальных групп общества. Согласно широкой трактовке – это совокупность государственных и негосударственных некоммерческих организаций всех направлений деятельности. [3]

В контексте нашего исследования под “третьим сектором” мы будем подразумевать именно его узкую трактовку, так как нас интересует специфика организации социальной помощи, идущей снизу, от самих людей, и не зависящей в известном спектре решений и действий от государства.

Во всем мире некоммерческие негосударственные объединения граждан вносят существенный вклад в гуманизацию социальной жизни. Особенно актуальной социальная помощь третьего общественного сектора становится тогда, когда количество нуждающихся в помощи начинает по тем или иным причинам резко расти. При этом качество заботы некоммерческих организаций о страждущих, как правило, всегда отличается от качества услуг государственных служб тем, что гражданские объединения используют инновационные технологии и альтернативные идеологии помощи. Так, гуманистическая концепция независимой жизни инвалидов [4] уверенно внедряемая сейчас на постсоветском пространстве различными общественными организациями, [5] рассматривает инвалидность не как частную проблему отдельных больных людей, а как проблему социальную, как результат социальных отношений.

Патология инвалидности – не в болезни или увечии, а в ненормальном общественном мнении по отношению к людям с ограниченными возможностями, – полагают сторонники данной концепции.

Хорошую теоретическую наглядность альтернативного подхода к индивидуальным проблемам человека, детерминированным общественными отношениями, обеспечивает схема, предложенная Л. Шульманом, в которой личность взаимодействует с разного рода близкими ей «системами»: семьей, друзьями, окружающими людьми. [6] Связи между человеком и его «системой», то есть обществом, близкой ему социальной группой, семьей, подвергаются истощению, в результате чего он не может реализоваться, у него возникают проблемы социального функционирования. Регулятором связей между клиентами, пациентами, одним словом, нуждающимися и их «системой» сегодня наряду с государственной системой социальной защиты населения выступают и разного рода общественные организации.

Конкретизация установленных ориентиров данного сектора социальной помощи должна выливаться во что-то ясное и понятное, свободное от доктринерства и формализма. Это бесспорное обстоятельство нацеливает субъектов социальной помощи на выявление тех особенностей социальной ситуации, которые могут иметь непосредственное значение для достижения цели социальной работы.

В современном нам мире, где отчуждение «пронизывает отношение человека к своей работе, к вещам, которые он потребляет, к государству, к другому человеку и к самому себе». [7], в котором «общество потребления потребляет самого человека», [8] социальная работа, содержанием которой является оказание помощи, довольно часто становится чуждой нуждающемуся.

Вместо реализации способностей и задатков личности помощь нередко вырабатывает негативную зависимость, унижение, чувство неполноценности и одиночества. Помощь, не принимающая в расчет потребность человека быть свободным в выборе приоритетов своей жизни, не дает человеку освобождения от власти тревожащих его бед и несчастий.

Отталкиваясь от этого, можно утверждать: альтернативность помощи состоит не в том, кто именно выступает ее субъектом, а в том, делает ли она человека способным самому оказывать помощь, воспроизводит ли она себя в личности определенным образом. Мы имеем в виду в первую очередь естественную социальную солидарность, ту самую, о которой в свое время писал П. Кропоткин: «Любовь, симпатия и самопожертвование, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитии наших нравственных чувств. Но общество, в человечестве, зиждется вовсе не на

любви и даже не на симпатии. Оно зиждится на сознании, хотя бы инстинктивном, человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех...». [9]

Именно так: зависимость счастья каждого от счастья всех остальных представляет собой альтернативу современной ценностной установке капитализма, согласно которой счастье всех зависит от индивидуального благополучия каждого.

Огромный интерес в этом плане представляет собой теоретическая подоплека практической деятельности определенного рода общественных организаций и объединений, основывающихся на марксистско-крупоткинском понимании социальной помощи как отношений, свободных от покупки и продажи, от эксплуатации милосердия какой-либо из сторон. [См. подробнее о московской организации «Взаимопомощь» – 10; о службе поддержки потребительского кредита – 11; о движении за добровольную умеренность – 11, С. 279-285]

Товарищеское участие и нетоварность услуги, ориентация на сохранение здоровья человека и осознание ответственности за свои действия ложатся в основу деятельности данных организаций. Они не интересуются вечной моралью и высокими духовными ценностями, их беспокоит в человеке повседневно-бытовая черствость, погоня за вещами, а не за отношениями и внутренней гармонией.

Итак, альтернативная социальная помощь – это прежде всего негосударственная форма социальной помощи вообще. Человек в качестве гражданина чувствует на себе ограниченность возможностей государства и вынуждается самим ходом своей жизнедеятельности инициировать установление солидарных неформальных контактов с другими гражданами.

Так формируются социальные сети, главная функция которых – взаимная поддержка, создание условий для полноценной жизни каждого элемента сети, то есть человека, семьи, группы лиц. Учреждение социальных сетей, подобных, например, банку времени или кассе взаимопомощи – это совершенно особое явление, заслуживающее отдельного большого исследования. Отметим лишь, что главным свойством этих форм является ориентация на услуги, сущность которых состоит в построении новых нетоварных связей и отношений нуждающегося с окружающими его людьми и природой. В современных социологических исследованиях данные связи часто именуются «социальным капиталом». На наш взгляд, более точно выражает сущность социальных сетей как способа оказания помощи понятие коллективной эффективности. Устанавливая контакты и объединяясь, люди приобретают такую общественно

преобразующую силу, которая в десятки раз больше той, которой они обладали как совокупность взятых по отдельности индивидов.

Существенную роль в описанном процессе играет развитие систем обработки и передачи информации: благодаря разнообразным интернет-ресурсам (сайты, почта, рассылки, форумы, блоги) люди получают возможность добиться перемен в своей жизни посредством быстрой и оперативной связи друг с другом. Например, оператор банка времени – единственный человек, кто занимается учетом времени оказанных и полученных вкладчиками банка социальных услуг, использует для этого интернет, электронную почту, сотовый телефон и специальную программу базы данных.

Примером успешной реализации социальной сети в интернете может служить портал www.odnoklassniki.ru. Сайт позволяет людям по всему миру быстро находить одноклассников и однокурсников, общаться с ними, обмениваться фотографиями. По сути, на базе одного лишь сайта формируется множество сообществ (сетей) близких друг другу людей. Между ними налаживаются связи, происходит сближение людей, разведенных расстояниями, закладываются возможности взаимной поддержки.

Библиографический список:

1. Хомский Н. Прибыль на людях / Пер. с англ. Б. М. Скуратова. – М.: Практик, 2002. – С.17.
2. <http://www.forum.msk.ru/news/2004/285.html>
3. Хухлина В. В. Некоммерческий сектор как социальный институт (на примере социального обслуживания населения): Автореферат дис. ... канд. наук; Социальная структура, социальные институты и процессы: 22.00.04 / Социально-технологический институт МГУС. – М.: 2000. – С.13–15
4. <http://www.wil.ru>
5. <http://www.perspektiva-inva.ru>
6. Shulman L. The Skills of Helping Individuals and Groups. Second Edition. Itasca, Illinois: F.E. Peacock Publishers, Inc., 1990. – p.5
7. Fromm E. The Sane Society. London, 1959. – p. 124
8. Marcuse H. One-dimensional man. Boston, 1968. – p.14
9. Кропоткин П. А. Анархия: Сборник / Сост. и предисловие Р. К. Баландина. – М.: Айрис-пресс, 2002. – С. 51
10. Человечность против бесчеловечности (письмо тем, кто чувствует себя человеком) – Режим доступа: <http://commune.narod.ru/dzko/chelovechnost.htm>; Победа коммунизма неизбежна. – Режим доступа: <http://commune.narod.ru/dzko/victory.htm>
11. Де Грааф Дж. Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру / Пер. с англ. Н.Макарова. – М.: Ультра, Культура, 2003. – С.42–44

ГУМАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ТЕРМИНАЛЬНЫМ БОЛЬНЫМ

Социальная помощь терминальным больным, несомненно, является практическим выражением гуманизма – совокупности взглядов, выражающих уважение достоинства и прав человека, его ценность как личности, заботу о благе людей и их всестороннем развитии [3, с. 103]. История свидетельствует о том, что светский гуманизм, возникнув, пришел на смену гуманизму христианскому. Его сходство с христианской антропологией заключается в постулировании равенства всех людей, но, несмотря на это, светский гуманизм противопоставил себя гуманизму христианскому, провозгласив человека самым совершенным существом, свободным от церковных и иных страхов и предрассудков, теоцентризм сменился антропоцентризмом.

Однако тот оптимизм, которым был наполнен гуманизм эпохи Просвещения, был развеян событиями двадцатого столетия: две мировые войны, революции, тоталитарные режимы, развитие терроризма, экологические катастрофы. Гуманисты эпохи Просвещения провозглашали совершенство человека, абсолютную веру в его способности и возможности. Считалось, что если человек ведет себя неправильно, то это является лишь следствием негативного влияния социальной среды. Стоит изменить социальную среду и сделать ее влияние на личность позитивным с тем, чтобы человек усваивал положительный социальный опыт, и он будет совершать лишь благие поступки. Вследствие этого общество достигнет высшей точки своего развития, исчезнут социальные проблемы, не будет обиженных и обездоленных, исчезнут противоречия между людьми и социальными группами.

Но мыслители того времени не учли одного, того, что «... квинтэссенцией всего, что имеет значение для самого человека, являются именно качества и способности всех людей» [2, с. 44]. Современность показала нам, что преобразование в лучшую сторону социальной среды без преобразования самих людей несколько не изменит последних в лучшую сторону.

Пессимизм в отношении к совершенству и разумности человеческой природы выразил Ф. Ницше, представитель философии иррационализма, сводивший все поведение человека к действию иррационального, не поддающегося разумному осознанному истолкованию инстинкта жизни или «воли к жизни». Этот порыв, согласно Ницше, – единственная детерминанта человеческой активности и поведения. Ницше пишет об этом начале человека: «Тот самый инстинкт, который равно властвует в чело-

веке высшего порядка и в человеке низком, - инстинкт сохранения рода прорывается порой в виде разума или страсти духа; он предстает тогда в сопровождении блестящей свиты всевозможных аргументов и силою стремится предать забвению то, что он, в сущности, всего-навсего инстинкт, внутренний позыв, лишенный разума и не поддающийся какому то ни было обоснованию» [1, с. 272].

Гуманизм имеет две стороны: материальную и духовную. Это обусловлено тем, что социальная динамика или развитие социальной среды имеет два русла – техническое и духовное. Техническое связано с техническим развитием социальной среды. И здесь человечество достигло фантастически огромных результатов. Развитие техники и технологии идет очень быстрыми темпами: цифровые технологии, современный автотранспорт, вооружение и так далее. Человек сделал множество открытий в различных отраслях естественнонаучных и технических знаний, но очень мало он узнал о самом себе. Человек постиг единство вселенной и открыл отдельные элементы того природного порядка, который объединяет все сущее на свете. Однако мало внимания человек уделял и уделяет его собственному миру и своему месту в нем.

А. Печчеи говорит о том, что люди рассматриваются главным образом как биологические организмы, экономические существа или, в несколько более общем виде, как потребители. И основное внимание, таким образом, почти исключительно направлено на материальные потребности их существования, как будто бы без этого их пресловутого могущества все остальные запросы остались бы неудовлетворенными. При этом прочие важнейшие потребности, желания и стремления, связанные с социальной, культурной и духовной природой человеческого существа рассматриваются так, как если бы они принадлежали к некоей неглавной, второстепенной сфере бытия.

Таким образом, основное внимание уделяется развитию материальной стороне развития социума, а духовная сторона остается далеко позади. Люди получили благодаря этому господство над природой, средства удовлетворения материальных потребностей. Но «несомненным является то, что человек способен использовать новейшие результаты технических открытий для удовлетворения древних, примитивных импульсов и потребностей. С открытием тайн природы, с изобретением современных технических устройств, свобода человека, о которой мечтали прошлые поколения, возросла до невиданных пределов. Но свобода неотъемлемо связана с ответственностью. Человек, получив материальную свободу, духовно все еще находится во власти тех мотивов и импульсов, которые господствовали над человеком и множество веков назад.

Таким образом, современный гуманизм является ограниченным, неполным. Он направлен лишь на то, чтобы материальными ресурсами по

минимуму были обеспечено как можно больше членов общества, чтобы все имели одинаковые начальные возможности для развития, чтобы свободой (хотя бы материальной) обладали все члены общества. Это можно сделать путем перераспределения ресурсов, интеграции индивидов в институт образования, социальной реадaptации лиц, находящихся в маргинальном положении, материального обеспечения. Социальная справедливость предполагает обязанность общества неукоснительно следить за тем, чтобы действительно все обеспечиваемые системой блага – включая товары и услуги – предоставлялись в распоряжение всех без исключения членов общества, и при этом каждый имел бы достаточно реальную и равноправную возможность для раскрытия заложенных в нем способностей.

Однако еще одной не менее, а может быть, даже более важной стороной гуманизма является духовное развитие человечества, искоренение негативных элементов поведения, мотивирование на социально позитивное поведение, привитие норм человеческого общежития, образцов социально одобряемого поведения. Это является актуальным, поскольку современное общество ждет крушение, если рациональное самообладание и духовное развитие всех людей и отдельных индивидов не будет идти в ногу с техническим развитием.

Актуальным для нас является понятие соборности, используемое христианами мыслителями. Данное понятие близко понятию солидарности. Под соборностью понимается единомыслие, предполагающее признание бесконечной ценности каждой личности при необходимости единения между индивидами, образующими высшее духовное Целое. Формированию соборности в обществе способствует гуманное отношение людей друг к другу и общества к каждому индивиду. Но соборность как универсальная характеристика мира, пусть даже только христианского, является идеалом. Человечеству необходимо стремиться к нему, чтобы достигнуть совершенства и близости к Богу. В понятии соборности разрешается противоречие между уникальностью индивида и социальной солидарностью, сплоченностью в целях социальной стабильности и социального развития. Общество, основанное на соборности, – гуманистическое общество. Религиозные мыслители во все времена призывали к построению «Царства Божьего» на земле. Что, как не избавление от мирового зла или хотя бы максимальное купирование его проявлений, является дорогой в «царство истины». Ведь, как говорят священники, истина Божья есть любовь, а любовь есть доброе отношение к человеку, оказание помощи ближнему в разрешении тех проблем, с которыми он сталкивается на своем жизненном пути.

Социальная помощь терминальным больным является выражением любви человека к человеку, одним из средств достижения высшей точки

развития социума. Ведь, если измерять уровень социального развития гуманностью в социальных отношениях, то общество, где оказывается социальная помощь не только способным к активной социально значимой деятельности, но и умирающим от смертельного недуга, является наиболее развитым. Социальная помощь терминальным больным во все времена носила полный характер, содержала и содержит в себе и материальное направление, и духовное. Духовно социальная помощь важна не только для терминального больного, но и для субъектов этой помощи, каждый из субъектов придает свой, внутренний смысл этой деятельности. Кто-то реализует заповедь Христа, кто-то избавляется от собственного страха смерти, кто-то справляется с экзистенциальным вакуумом. Помогая умирающему достойно уйти из жизни, человек начинает по-другому относиться к страданиям и смерти, сам растет духовно.

Библиографический список

1. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза — СПб, 1993. — 672 с.
2. Печчи А. Человеческие качества — М., 1980. — 300 с.
3. Философский словарь / под ред. Фролова И. Т. — М., 1987. — 590 с.

М. Н. Чекарев

ПГПУ им. В. Г. Белинского

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК АКТУАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Каждый из нас в жизни задавался вопросами: справедливо ли наше общество? Если нет, то почему? Возможно ли достичь справедливого общественного устройства или это только идеал, миф, иллюзия?

Вопрос о справедливости волновал философов и мыслителей с древних времен. Одним из первых попытался дать трактовку справедливости еще Аристотель в своем произведении «Никомахова этика». Он предложил деление справедливости на общую и частную. Под общей справедливостью Аристотель понимал соответствие действия закону, разумность полисной жизни как общий нравственный знаменатель всех социально упорядоченных отношений между людьми, высшую нравственно-правовую инстанцию в общественных делах. Справедливость способствует установлению правовых отношений в общественной жизни, и в то же время она совпадает с нравственностью в ее социальной значимости. Общее понятие справедливости содержит положительные признаки и смысл совместного, объединенного, социально-упорядоченного существования в обществе и государстве. Частная же справедли-

вость есть нравственно санкционированная соразмерность в распределении благ и зол совместной жизни людей в рамках единого социального, государственно-организованного пространства, степень совершенства самого способа общественной жизни и взаимного уравнивания конфликтующих интересов в обществе и государстве [1].

Если попытаться дать наиболее общее понятие социальной справедливости, нейтральное по отношению к различным концепциям, можно прийти к следующему. Справедливость можно определить как представление о должном, нравственно санкционированном порядке взаимодействия между членами общества, который задан соразмерностью выгод и потерь, преимуществ и тягот совместной жизни на основе прав, выражающих равное нравственное достоинство каждого человека, обязанностей, определяющих степень участия индивидов в поддержании общественной кооперации, а также качества совершаемых ими поступков, которое создает принцип дифференциации прав и обязанностей. Как основание такого порядка выступают ценности равенства и беспристрастности. Причем беспристрастность выражается в формальном правиле «относись ко всем одинаковым случаям одинаковым образом, а к различным – по-разному», а равенство понимается лишь в качестве презумпции.

Презумпция равенства, отчетливо сформулированная уже Аристотелем, состоит в том, что именно общественное неравенство, а не равенство нуждается в оправдании перед лицом справедливости. То есть в соответствии с данным принципом для признания какого-то неравенства допустимым следует привести в его защиту основательные аргументы, отталкивающиеся от самой морали, религии, метафизики или беспристрастного анализа действительных условий социальной реальности. Сама формулировка «презумпция равенства» принадлежит И. Берлину, считавшему, что знаменитой бентамовской формуле («Каждый должен считаться за одного человека и никто – более, чем за одного») предшествует в качестве основания более фундаментальное и более широкое эгалитарное утверждение: «если дано, что существует класс человеческих существ, то отсюда следует, что ко всем членам этого класса, людям, следует относиться одинаково и единообразно, пока нет достаточных причин не делать этого». Отсюда следует, что даже иерархическое общество нуждается не просто в объяснении, но в оправдании существующих неравенств. Но отсюда же происходит то обстоятельство, что идеал равенства при его операционализации в рамках конкретных концепций справедливости может выражаться в требованиях тождественного, пропорционального или даже просто сбалансированного распределения тягот и преимуществ [6].

Интересной также представляется концепция Д. Юма, который попытался выяснить причины и условия применения понятия «справедли-

вость» как такового. Первым условием применения понятия «справедливость», с его точки зрения, является такое состояние общества, которое лежит между двумя крайностями: абсолютным дефицитом благ, когда самое правильное их распределение оставляет большинство без средств для достойной жизни, и абсолютным изобилием, при котором всякое желание может быть удовлетворено без ущемления интересов другого (умеренная нехватка благ). Вторым условием служит тот факт, что способность индивидов к жертвам и уступкам ограничена тенденцией пристрастного отношения к собственным интересам и интересам близких (ограниченная щедрость). Третье условие связано с неспособностью членов человеческих сообществ гарантировать собственную безопасность, опираясь исключительно на свои собственные силы (приблизительное равенство возможностей и способностей, или взаимная уязвимость). Наконец, четвертое условие определяется необходимостью присутствия других людей в качестве участников кооперативной деятельности по обеспечению материальных средств для жизни и в качестве партнеров по межличностному общению (взаимная зависимость) [2].

В конце XVIII – начале XIX вв. идеи социальной справедливости развивали французские философы А. Сен-Симон, Ш. Фурье и английский социалист-утопист Р. Оуэн. Они конструировали модель идеального общественного строя, для которого, по их мнению, характерны социальная гармония и общность интересов всех граждан, свободный творческий труд и равноправие в возможности применения своих способностей. Предполагалось также, что промышленное производство и сельское хозяйство будут развиваться на основе государственного планирования. Все члены общества обязательно станут трудиться, а создаваемые ими блага будут распределяться по труду. В обществе будет исключена эксплуатация человека человеком.

Идеи социалистов-утопистов развил К. Маркс и его последователи, причем социальную справедливость они рассматривали как этап на пути к социальному равенству, которое, как они полагали, будет достигнуто при коммунизме. Характеристика особенностей капиталистического способа производства и положение рабочего класса как угнетаемого в марксизме давалась с целью обоснования неизбежности построения справедливого общества и ликвидации социального неравенства посредством революции. В рамках капиталистического строя социальная справедливость, по мнению марксистов, недостижима.

Одной из наиболее значимых современных концепций социальной справедливости признается теория справедливости американского философа Джона Ролза, в основе которой лежат два основополагающих принципа, о которых сам Ролз говорит так: «Я утверждаю, что лица в исходном положении выберут два весьма различных принципа: первый

требует равенства в предоставлении основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, и в частности для менее преуспевающих членов общества» [3]. Без этих основополагающих принципов справедливая конструкция общества, по мнению Ролза, невозможна. Справедливое общество не должно облагодетельствовать всех – в свободном и открытом обществе индивиды в основном должны заботиться о себе сами, опираясь на свои собственные силы и способности, что естественным образом порождает социальное неравенство. Вместе с тем справедливое общество должно быть «честным». Этим важным понятием Ролз конкретизирует фундаментальное понятие справедливости. Руководствуясь чувством честности, члены общества должны осознать, что не все индивиды собственными усилиями могут обеспечить себе более или менее достойное существование. Существуют социально незащищенные группы людей, которые без общественной поддержки будут вынуждены владеть жалкое существование. Будет честным, если социальные трансферты будут направлены именно этим категориям граждан. Поэтому Ролз доказывает, что социальное неравенство оправдано и справедливо только тогда, когда оно приносит выгоду наименее благополучным членам общества. Он пишет: «Всем проявлениям социального и экономического неравенства должны быть свойственны следующие признаки: наиболее обделенные должны иметь лучшие перспективы, неравенство должно быть связано с должностями и позициями, доступными всем в равной степени». Иными словами, когда речь идет о справедливости той или иной формы неравенства, то в наиболее возможной степени следует отдавать предпочтение наименее обеспеченным гражданам [5]. По Ролзу, нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение, то есть схема сотрудничества должна быть такой, чтобы вызывать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже.

Таким образом, проблема социальной справедливости являлась и является актуальной проблемой, требующей серьезного социально-философского анализа.

Библиографический список

1. Словарь философских терминов / Науч.ред. В. Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005
2. Юм Д. Исследование о принципах морали // Юм Д. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1996.
3. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995

4. Алексеева Т. А. Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии 1994. № 10
5. Сидорина Т. Ю. Социальная политика – попытка философской интерпретации // Вопросы философии 2005. № 12
6. http://ethics.iph.ras.ru/research/prokofiev_1/html

Ю. Першина

(Научный руководитель – д. филос. н., профессор А. Б. Тугаров)
ПГПУ им. В. Г. Белинского

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Социальная работа как общественное явление представляет собой своеобразную модель социальной помощи, которую общество реализует в конкретный исторический период сообразно с особенностями национально-культурного, социально-политического развития и социальной политики государства.

Социальная работа в каждом обществе, несмотря на внешнюю схожесть систем социально-нормативной регуляции, всегда конкретна и неповторима. Методологической проблемой является возможность использования опыта социальной работы, проводимой в какой-либо стране, в других культурно-исторических условиях.

Социальная работа как профессия, имеющая свои научные и практические традиции, – это явление западной культуры, определяющее качество которой – рациональность. Возникает вопрос: «Может ли социальная работа получить развитие в условиях не западной, иной культуры, например в азиатских странах, на африканском континенте, в современной России?».

Опыт целого ряда стран свидетельствует о возможности этого. Известно, что концептуально социальная работа с самого своего начала опиралась на христианские традиции. Несмотря на то, что многие из них отражали общечеловеческие ценности, социальные службы многих стран, где господствовала другая религия, например, ислам, учитывали местные традиции, т. е. иное, чем в христианстве понимание, скажем, равенства и справедливости, благотворения и воздаяния.

В самом христианстве складывается свое понимание и подход к оказанию помощи нуждающимся в рамках католицизма, православия и протестантизма. Так, призрение нищих, рассматривавшееся в католицизме как одно из добрых, богоугодных дел, протестантизмом осуждалось. Милосердие в протестантизме понималось прежде всего как предоставление возможности обучиться ремеслу и работать. Помогать бедным и убогим, подавать милостыню нищим считается в православии одним из самых богоугодных дел и долгом каждого верующего.

Культурно-религиозные традиции современного общества предопределили существенное различие западного и восточного понимания попечения. Социальная работа в большинстве западных стран ориентирована на индивида, его личностное начало, его индивидуальные права, и социальные службы изначально создавались по месту жительства людей и обслуживали в основном тех, кто не имел другой возможности получить помощь. В азиатских же странах человек по традиции воспринимается как элемент системы семейных связей, как часть малой группы, а не как индивидуальность или отдельная личность.

В Индии, например, социальная работа с семьей проводится в соответствии с индуистским пониманием функции семьи: прочные семейные связи непоколебимы на протяжении всей жизни человека, поэтому социальная работа с семьей должна способствовать сохранению и упрочению этих связей, несмотря на возможное ущемление, по западным меркам, индивидуальных интересов личности. В США же, как и в большинстве европейских стран, социальная работа с семьей состоит преимущественно в подготовке индивида к независимой от семьи самостоятельной жизни в обществе.

В соответствии с западной традицией социальные работники поощряют многообразие посредством конкуренции, а на востоке социальные работники руководствуются идеями единения, сплоченности, стараясь при этом обходить острые углы, конфликты и жесткую конкурентную борьбу.

Остро проблема учета культурно-религиозных традиций и особенностей стоит перед теорией и практикой социальной работы в таком многонациональном и многоконфессиональном государстве, как Россия. Полиэтничность диктует необходимость выявления и отражения культурных норм, традиций и религиозных убеждений клиентов социальной работы (индивидов, групп, общностей) при планировании и осуществлении практической деятельности. Это, в свою очередь, не предполагает разработку и применение уникальных методик работы с каждым обратившимся за помощью в социальные службы, исходя из его национальных и конфессиональных особенностей, так как здесь есть риск впасть в иную крайность. Многообразие подходов, техник, методик, применяемых специалистами, при данной постановке вопроса может привести к утрате общих черт, базисных характеристик, которые определяют социальную работу как научное знание и профессиональную деятельность.

Социальное конструирование форм и методов социальной работы в зависимости от пространства, времени и культурно-религиозных традиций обуславливает сложную методологическую проблему анализа международного опыта, компаративности опыта отдельных стран, основу которой могут составить в основном лишь качественные характеристики.

Культурно-религиозные традиции во многом обусловили становление западной и отечественной парадигмы социальной работы. Под парадигмой здесь понимаются системы, модели помощи и взаимопомощи, наличествующие в тот или иной исторический период в той или иной стране.

В западной модели помощи идеи альтруизма находят свое развитие в логике идей индивидуализма, где чувства, мысли и желания отдельного человека выступают как высшая самооценность. Отсюда специфика рефлексии помощи, когда клиентом выступает как индивид и отдельная группа, которым отдается преимущество, так и сообщество и община, которые рассматриваются в логике субъектности.

В основе философии отечественной модели социальной помощи лежат идеи соборности. Отсюда не случайно наибольшее развитие получают общественные, общинные формы помощи не только в дореволюционный, но и в постреволюционной России. Индивидуальность здесь проявляется через общинность, а коллективность становится базовым принципом помощи. В этом можно увидеть специфику отечественной модели помощи и милосердия.

Отечественная модель социальной помощи в течение нескольких столетий развивалась в тесном контакте с западной моделью. Экстраполяция идей, государственных законов отразилась на процессах помощи. По мнению М. В. Фирсова и Е. Г. Студеновой, западная модель помощи выступала своеобразной «абсолютной идеей», видение которой позволяло намечать свои перспективы роста и развития (См.: 1). Мы считаем, что именно это обстоятельство во многом предопределило характер развития отечественной модели социальной помощи, в частности, низкий темп разработки собственных технологий и методик социальной работы.

Во всех обществах возникают социальные проблемы, которые проявляются по-разному. По-разному и сами общества реагируют на них, используя те или иные социальные программы в рамках социальной политики и подходы в рамках социальной работы.

Проблема изучения международного социального опыта особенно актуальна для нашей страны на современном этапе, когда процесс институализации социальной работы, становления ее теории и практики еще не завершен. По мнению исследователей, некритичное осмысление опыта зарубежных стран, достигших высоких результатов в области социальной защиты населения, приводит к слепому заимствованию технологий и моделей социальной работы, которые в условиях современной российской действительности не работают (См.: 2).

Причиной тому, с одной стороны, финансирование социальной сферы по остаточному принципу, с другой – «хорошие» зарубежные социальные программы, проекты оказываются неэффективными в нашей

стране, так как отсутствуют профессиональные кадры, которые были бы в состоянии провести, осуществить, скорректировать запланированные мероприятия и оценить достигнутые результаты.

По нашему мнению, проблема заключается в игнорировании культурно-религиозной традиции тех стран, где сложилась та или иная практика социальной работы, и попытке экстраполировать зарубежный социальный опыт в инокультурную среду, не учитывая исторических, национальных и религиозных особенностей.

Библиографический список

1. Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Теория социальной работы.– М., 2000.С. 6–9.
2. Социальная работа: теория и практика / Под ред. Е. И.Холостовой, А.С.Сорвиной.– М., 2001. С. 384–395.; Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П. Д. Павленок.– М., 2003. С.345–347; Социальная работа / Под общ. ред. В. И.Курбатова.– Ростов н/Д.,1999.С.32–40; Теория и методика социальной работы/ Под ред. И. Г.Зайнышева.– ч. II.–М., 1994.С.89–104.

А. Р. Баткаева

ПГПУ им. В.Г. Белинского

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

В развитии философской мысли есть одно обращающее на себя внимание обстоятельство: философы нечасто вводят в обиход новые понятия (речь не о терминологическом аспекте). Как правило, развитие идет путем реструктурирования уже существующих категорий так, что ранее существовавшее на периферии мысли вдруг выносятся в центр или становятся основанием категориального строя. В исследовании проблемы экзистенциального воздействия мы столкнулись с необходимостью адаптации существующего понятийного аппарата. В данном случае под экзистенциальным воздействием мы понимаем воздействие, оказываемое на личность в различных отраслях социальной практики и затрагивающее сферу «экзистенциальных страхов» субъекта. Здесь возникает необходимость обратиться еще к одному принципиально важному для нас понятию «социальная практика». Социальная практика — вид практики, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам. [3] С этой точки зрения изучение средств массовой информации (СМИ) как

общественного института, и выявление силы его воздействия, представляется нам приоритетным.

Средства массовой информации – это организационно-технические комплексы, которые обеспечивают быструю передачу и массовое тиражирование словесной, образной и музыкальной информации. [4] Это совокупность таких субъектов журналистской деятельности, как:

- Печать: газеты, журналы, альманахи, сборники, бюллетени;
- Телерадиовещание: радио, телевидение, кинопрограммы, видеопрограммы;
- Интернет: интернет-издания, блогосфера;
- Цифровые издания: издания на компакт-дисках;
- Информационные агентства.

СМИ выполняют целый ряд функций, но наиболее значимым для нас, с точки зрения темы исследования, становится тот факт, что необходимо различать еще и социальное назначение СМИ, или их генеральную функцию, которая состоит в регулирующем и преобразующем воздействии на социальную практику в соответствии с актуальными общественными интересами и задачами социального прогресса. СМИ через воздействие на общество в целом воздействуют на каждого человека в отдельности, формируя определенные одинаковые эмоции и действия.

Таким образом, благодаря средствам массовой информации формируется общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям действительности. Несомненно, роль позитивного влияния средств массовой информации отрицать нельзя, но мы заострим внимание на негативных проявлениях воздействия этого общественного института.

Сознание, как направляющий, контролирующий, осмысливающий структурный элемент личности, определяемый как регулятор целенаправленной деятельности человека, содержательной основой которого является информация, имеет двоякую подверженность негативным воздействиям при непосредственном участии средств массовой информации. Во-первых, при доминировании СМИ в общем потоке информации в обществе именно они получают возможность влиять на деятельность человека, диктовать нормы, образы поведения. Во-вторых, выступая от имени общества, подменяя собой подлинно общественное, они получают возможность стать той стороной, которая составляет общественным сознанием. Чем это чревато? Личность становится носителем массового сознания, сформированного СМИ, отвлеченной от ее подлинной духовной основы. Часть сознания, таким образом, оказывается отчужденной, что в итоге может привести человека в мир обезличенного «неподлинного» бытия. Таким образом, в своих рассуждениях мы

добрались до краеугольного камня экзистенциальной философии – экзистенциальной сферы субъекта. Здесь уместно заговорить об экзистенциальных страхах личности, тем более что именно они являются болевыми точками и становятся эпицентром воздействия со стороны СМИ.

Экзистенциальный страх – страх перед жизнью, с одной стороны, и страх перед смертью – с другой. Он как переживание в определенной степени присущ каждому человеку, правда редко осознается нами как постоянный спутник жизни. Переживание экзистенциального страха коренится в самой сути человеческого существования, которую можно представить как пирамиду: в основании – стремление к устойчивости, постоянству и покою, а вершина стремится к познанию нового, риску. Жизнь постоянно требует от нас ориентации в новых условиях, принятия решений, последствий которых мы не можем предсказать. Отсюда, очевидно, и пошло увлечение СМИ сюжетами, затрагивающими эти самые глубинные страхи. Если еще некоторое время назад этим отличались региональные СМИ, то сейчас информацией, так или иначе связанной со страхами личности, избилуют все центральные каналы. Конечно, нагнетанию страхов в разных слоях российского общества способствует сама жизнь. Пока трудно сказать, идет ли речь о реальных страхах или они приняли уже невротический характер. Западные эксперты используют как количественный показатель нарастания страха рост числа телохранителей. По этому показателю можно говорить уже о шизофреническом страхе: в советское время всего около трех десятков человек в Москве имели личную охрану. Тем не менее, уже к концу 1996 г. примерно половина всех бизнесменов в России находилась в постоянной тревоге за свою жизнь и жизнь своих близких.

Простой обыватель, видимо, этим невротическим страхам не подвержен. Для него обычен вполне реальный и здоровый страх перед расплодившимися преступниками при полной недееспособности правоохранительных органов. И этому способствует информационная политика большинства телеканалов, ежедневно транслирующих чрезвычайные происшествия и криминальные хроники. Возникает вопрос: а каким образом это имеет отношение к экзистенциальной сфере субъекта?

На наш взгляд, прослеживается зависимость состояния личности, а значит и общества в целом, от информационной политики (здесь мы имеем в виду совокупность деятельности всех СМИ). В качестве примера можно привести позицию, сформировавшуюся у граждан нашей страны под воздействием целенаправленной атаки со стороны СМИ, по отношению к кавказскому этносу в целом. Можно выделить целый пласт журналистских материалов, посвященных этой теме, и, как правило, несущих в себе негатив. У жителей России и без того испытывающих страх из-за череды терактов, сформировалось тревожное отношение ко всем без исключе-

ния представителям Кавказа. В данном случае очевиден перекося в подаче информации. Такая ситуация повторяется постоянно, меняются лишь объемы, с помощью которых оказывается устрашающее воздействие.

Здесь вскрывается еще один важный момент, на котором необходимо заострить внимание, – экзистенциальная тревога. Тревога – интересное и совсем не такое простое явление, как это кажется на первый взгляд. По сути, это эмоциональное переживание непрогнозируемости будущего. Человек нацелен на определенный исход, но никакой страховой полис не сможет сделать будущее гарантированно таким, каким бы хотелось. И поскольку мы не можем предвидеть будущего, то действуем «на свой страх и риск». Другими словами – действуем, опираясь на свою тревогу. Но эта тревога должна носить скорее созидательный характер. Именно такая тревога – инструмент взаимодействия с будущим. И здесь задача средств массовой информации научить человека сосуществовать с тревогой, не бежать от нее, а принять как некую неотъемлемую часть жизни. Массовая же культура, пропагандируемая СМИ, – это способ бегства от тревоги, ухода вообще от всего: от развития, от свободы, от ответственности, от сознания. Складывается двоякая ситуация: с одной стороны, СМИ, тиражируя темы насилия и конфликтов, формируют у личности деструктивные страхи, а с другой – уводят человека от нормальной экзистенциальной тревоги, имеющей положительное значение, в мир иллюзий и ярких картинок.

В основе всех экзистенциальных проблем лежит рефлексивное сознание, а массовая культура является способом отключения этого сознания. Пропагандируя якобы свободу, она уводит человека от истинного понимания этого состояния. Быть свободным означает не уклоняться от тревоги, а переносить ее; бежать от тревоги автоматически означает отказываться от свободы. Тревога есть признак внутреннего конфликта, и до тех пор, пока существует конфликт, некоторое решение на более высоком уровне сознания остается возможным. «Тревога – наш лучший учитель, – говорил Кьеркегор. – Ибо тот, кто научился правильно беспокоиться, научился самому нужному. Свобода есть нечто, во что вы вырастаете». [2]

Вожди народов на протяжении всей истории использовали эту стратегию – ввергнуть народ в непрекращающуюся невыносимую тревогу, чтобы заставить людей отказаться от свободы. Люди в этом случае могут принять виртуальное рабство в надежде избавиться от тревоги. Не происходит ли подобное сегодня? В правильном ли направлении развиваются СМИ, если это вообще можно назвать развитием?

Экзистенциальная философия оправданно исходит из того, что близость, угроза смерти чаще всего заставляет людей задуматься о смысле и содержании прожитой жизни, повернуться от быта, от повседневности к самому бытию, к собственной экзистенции – сущности, которая едина с существо-

ванием. [1] Современный мир на каждом шагу таит в себе ситуации, в которых личность находится на грани жизни и смерти. Глобальная историческая ситуация в наши дни стала пограничной: возможны и гибель человечества, и его выживание. Человечество, с точки зрения ученых, не абстрактно, а вполне реально оказалось перед угрозой смерти. Важнейший шаг, который оно должно сделать – это осознание того, что сложилась качественно новая ситуация, что она действительно пограничная. Даже страх перед глобальной катастрофой, которым сегодня охвачены многие люди, должен послужить делу выживания человечества, а не стать фактором утраченного. И здесь огромную роль при грамотном подходе могут сыграть СМИ.

Таким образом, воздействие СМИ как общественного института, одновременно несущее в себе и положительное и отрицательное начало, имеет двоякий характер: с одной стороны, обнажает проблемные сферы жизни общества, чем подвергает личность в состояние постоянной тревоги, имеющей скорее деструктивный характер, с другой – минимум возможностей для вдумчивого анализа и внутреннего роста, отвлекая сознание и пропагандируя сомнительные ценности.

Библиографический список

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. – СПб. 1998.
2. Кьеркегор С. Повторение. – М. 1997.
3. Осадчая Г. И. Социальное знание и социальная практика. – М. 2003.
4. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. – М. 2005.
5. Социология / Под редакцией Г. В. Осипова и А. Н. Москвичева. – М. 1996.

Е. В. Ишимская

Воронежский институт инновационных систем

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С распадом советского государства и единых советских Вооруженных Сил в общественном сознании трансформировались представления об Отечестве, Родине, патриотизме. Для многих граждан, в том числе и военнослужащих, стало затруднительным определить цель и характер современной армии, ответить, как и какую страну мы должны защищать. Начавшийся с 90-х годов XX века процесс реформирования Вооруженных Сил протекает довольно противоречиво и болезненно, что вызвано не только серьезными трудностями социально-экономического и политического характера, но и сложной духовной ситуацией в военной организации и обществе в целом. Всякое умаление духовной составляющей отрицательно сказывается на

обеспечении безопасности страны, превращая армию из стабилизирующего фактора в дестабилизирующий. Создание взамен утраченным новым ценностей, отвечающих сущности и направленности преобразований, формирование образа современного воина определяют важность обращения к духовным основам Российской армии, содержанию ценностного мира военнослужащих, оценке их взаимоотношений с гражданским социумом.

Сложившиеся в обществе стереотипы и предрассудки о Вооруженных Силах, отсутствие оборонного сознания, абсолютный пацифизм, непрестижность и непривлекательность военной службы ярко окрашивают современные военно-гражданские отношения. Между тем, положительный результат военных реформ невозможен, если не будут меняться представления о военной организации. Благополучие народа наравне с благополучием армии требует общего сочувствия и общих интересов между ними. «Армия и народ составляют одно тело и душу, армия не может оставаться здоровой, если государство больно. Когда страна смотрит на свои ВС, она смотрит в зеркало и видит собственное лицо» [1]. Современные авторы (Н. Н. Колодиев, О. В. Гефнер) указывают в своих работах на существование социокультурного конфликта между армией и обществом, большую роль в котором играют СМИ, часто неадекватно отражающие положение дел в Вооруженных Силах, а также социокультурная изоляция военных, обусловленная спецификой их профессии, и, как следствие, «культурное запаздывание». Идеи о замкнутости, кастовости армии, существовании конфронтации между военными и гражданским населением высказываются и в современных исследованиях по истории русской армии XIX – начала XX века. Так, П. А. Зайончковский отмечал: «Непопулярность офицерства в обществе находила свое выражение в определенной его отчужденности от других общественных категорий и, в первую очередь, интеллигенции. Причина этого заключалась прежде всего в различии общественных идеалов. Офицерство представляло собой по существу замкнутую касту». [2] Но становление разночинства, уравнивание сословий в выполнении воинской повинности, сокращение сроков службы способствовали демократизации армии и тем самым ее сближению с обществом. «Стена, разделявшая армию от народа, таким образом, рушилась, и социальная связь устанавливалась между ними чрезвычайно тесная». [3] Некоторая обособленность армии все же существовала и существует, что связано со своеобразием ее назначения, необходимостью создания и поддержания «братского» духа (не кастового) для выполнения боевых задач. Служба в советской армии представляла собой уже не просто школу военной подготовки, а школу жизни, где из мальчишки «делали» настоящего человека. Сегодня, к сожалению, можно говорить об утрате армией своей прежней воспитательной функции. Служба по призыву воспринимается большей частью молодежи как «пустая трата времени»,

не способствующая культурному развитию личности призывника и часто связывается с угрозой для здоровья, боязнью за собственную жизнь. Лишь 10 % юношей, стоящих на воинском учете, призываются в армию, причем лишь 20 % из них имеют хорошее здоровье, около 50 % - лица со средним и незаконченным высшим образованием, появились малограмотные и даже неграмотные юноши (до 4 %), а также имеющие приводы в милицию и судимость (каждый двадцатый ранее судим за уголовные преступления). [4] Низкий образовательный уровень призывной молодежи делает невозможным качественную подготовку к выполнению задач по защите Отечества, наблюдается несоответствие людских ресурсов возрастающим требованиям к военнослужащему, его физическим и профессиональным качествам, которые становятся естественной потребностью дальнейшего развития армии. Социальная детерминация эффективности военно-профессиональной деятельности очевидна. Кроме того, решение внутренних проблем военной организации, являющиеся почвой для формирования ее негативного образа, отталкивающие молодежь от службы, зависит и от степени контроля со стороны гражданского общества, доступности и открытости для людей информации, отражающей реальную ситуацию в армии. «Если мы убеждаем умных людей держаться подальше от армии в мирное время, не нужно жаловаться, что нами плохо руководят на войне» [1]. Дискредитируется сама идея защиты Отечества, когда в армию (и на войну) отправляются люди из обездоленных, бедных, менее образованных слоев.

Переход к профессиональной армии во многом позволяет разрешить некоторые проблемы, в том числе в ее взаимоотношениях с обществом. Однако при любой системе комплектования ВС патриотическое воспитание граждан не может терять своей значимости. Военные социологи высказывают опасение, что в условиях профессиональной армии на первый план выйдут материальные стимулы, а принцип «За други своя» перестанет действовать, как воины-наемники военнослужащие будут не способны к восприятию целостной консолидирующей идеи. Возникает вопрос о противоречии между духовными традициями военной службы и современными тенденциями к индивидуализму и прагматизму. «Воинская деятельность в России в силу ее исторической специфики, геополитического положения, национальных традиций и др. факторов, изначально строилась во многом на духовных основах. На протяжении веков они обеспечивали не только сплоченность, мужество и отвагу на поле брани, но и в условиях мирного времени позволяли прочно объединять воинские коллективы, мобилизовывать личный состав на выполнение служебных задач, на защиту Родины и народа». [5]

Следует отметить, что содержание понятий «духовное», «духовность», несмотря на их широкое употребление в социально-философской литературе и СМИ, точно не определено. Имея религиозные корни, понятия не

ограничиваются специфически-религиозным значением. Под «духом» может пониматься «особое внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива, всего народа» [6]. В армейской среде слово «дух» применяется к неопытному солдату первого года службы. Существуют также такие понятия, как «боевой дух», касающийся морально-психологической готовности к бою, «дух войска», указывающий на специфику того или иного рода войск. Анализируя понятие «дух», А. И. Ильин отмечает: «Дух человека есть его личная энергия и притом разумная энергия; разумная не в смысле «сознания» или «рассудочного мышления», а в смысле предметного созерцания, зрячего выбора и действия в силу духовно-достаточного основания» [7]. Духовное, по мнению В. А. Лекторского, всегда связывается с выходом за пределы эгоистических интересов, личной пользы, мелочных расчетов; цели и смысложизненные интересы личности укорены в системе надындивидуальных ценностей [8]. Учитывая сложность понятия «духовное», не претендуя на выработку общего и полного определения, в данной статье под духовными основами будем понимать основы ценностные, смысложизненные, которые являются ориентиром для личности и согласуются с признанными обществом нравственными идеалами.

Рассмотрение сущности и особенностей духовных основ военно-профессиональной деятельности предполагает выявление специфики последней, ее отличия от других видов общественной деятельности. Во-первых, она заключается в выполнении функции обеспечения безопасности страны, что регламентировано Военной доктриной, воинскими уставами (готовность подвергаться риску для жизни; обязательность соблюдения дисциплины). Во-вторых, права и свободы военнослужащего ограничены, прежде всего право на свободу передвижения, выбора места жительства; военнослужащий не может обсуждать и критиковать приказы командира; строго распределен бюджет времени. Такие качества, как мужество, стойкость, храбрость, честность, преданность, являются не просто желательными, а функционально необходимыми, *обязательными* для военнослужащего. «От военного человека, больше, чем от любого другого, требуется исполнение высочайшего акта религиозного верования – самопожертвования» [1]. Таким образом, к личности военного предъявляются высочайшие моральные требования; не только мастерство, образованность, но и высокоидейность, патриотизм предписаны ему, выступают частью его профессии. Кроме того, с повышением ответственности в меняющемся глобальном мире, каждый военнослужащий должен быть не только воином, но и «менеджером в форме» [9].

Другая важная особенность военной профессии заключается в ее идейности, как основополагающего принципа службы. Без идеи – создающей корпоративный дух, сплачивающей людей, объясняющей значение

военной организации – военное дело превращается в ремесло варваров-убийц. Быть воином означает не чрезмерную воинственность, агрессивность, любовь к войне, а понимание ответственности положения защитника Отечества (кто, если не ты). Общий приказ № 100 по армии США 1863 г. гласит, что люди, поднимающие друг на друга оружие, не перестают по этой причине быть нравственными существами, ответственными друг перед другом и перед Богом. Именно идейность профессии делает убийство противника на войне нормой или подвигом, оправдывая война, представляя его героем в сознании сограждан. (Моральное осуждение любой войны, правомерность применения насильственных методов борьбы составляют предмет особого изучения; в данной статье в этом вопросе автор опирается на релятивистские нравственные концепции.) В разные эпохи идейный фундамент военной деятельности составляли религиозная догматика, государственная идеология, что выражалось в лозунгах: «За веру, царя и Отечество!», «За Сталина!». Идея военной службы должна быть не навязана извне, а внутренне осознана и принята человеком, его сердцем и умом. В этом отношении не стоит принижать роль государства и общества в военно-патриотическом воспитании граждан, прежде всего молодежи, задачами которого являются формирование позитивного мнения о военной организации, обеспечение обороны страны, возрождение России, укрепление ее международного авторитета. И. А. Ильин, рассуждая о сущности армии, отмечал, что каждый воин, независимо от своего высшего или низшего ранга, должен носить в душе сознание государственной цели и ее волевое и эмоциональное «прятие», поэтому служение в армии должно быть проникнуто «живым вдохновением государственности». Воину необходимо духовное самоутверждение, то есть он должен верить в духовную правоту своей Родины и своего «жизненного дела». [10] Поддерживая такую позицию, С. Л. Франк писал, что никакая самая суровая дисциплина не могла бы создать армию и заставить ее сражаться, если бы солдаты не были спаяны внутренним чувством солидарности, не сознавали интуитивно себя членами единой нации. [11]

Назначение военно-профессиональной деятельности обуславливает и характер взаимоотношений между военнослужащими, закрепленный в воинской дисциплине – строгое и точное соблюдение порядка и правил, установленных законами, уставами и приказами командиров. По мнению Н. Бердяева, «всякая зависимость человека от человека унизительна», однако наличие идеи, во имя которой люди жертвуют собой, подчиняют личную свободу необходимости, составляет суть дисциплины добровольной. [12] В отсутствии общности интересов добровольная дисциплина превращается в принудительную, становится чуждой духовной свободе личности.

Мерилом социальной значимости человека в рамках военной организации является шкала воинских званий, поэтому истинная дисциплина, как утверждают военные практики, должна основываться не столько на законе, сколько на уважении подчиненными начальников. В идеальном случае положение в иерархии военной организации зависит именно от личностных качеств военнослужащего. Разумные приказы и их четкое исполнение выступают залогом добровольной дисциплины. Тема должностных качеств воина занимала важное место еще в античной и византийской военной мысли. Так, Онасандр в трактате «Стратегикос» формулирует критерии нравственного облика стратига: благоразумие, самообладание, трудолюбие, мудрость, отсутствие корыстолюбия, уравновешенность, невозмутимость. К желательным качествам он относит наличие красноречия и широкой известности. Излишняя мягкость, считает Онасандр, разлагает воинскую дисциплину, всепрощенчество возбуждает презрение, а жестокосердие – ненависть к командиру. Маврикий, продолжая онасандровские идеи в «Стратегиконе», выделяет благочестие как критерий, имеющий безусловное значение, прилагаемый не только к военной сфере. Именно благочестие, дополняемое боевым опытом и полководческим искусством, является, по мнению автора, самой надежной гарантией военного успеха. Мыслителям не были чужды идеи религиозного обеспечения военной деятельности. Маврикий, например, сравнивает полководца с кормчим, который ведет корабль через бурное море, уповая на собственное мастерство и всецело полагаясь на божественное благоволение. Примечательно, что авторы, рассуждая о понятии справедливой войны, формулируют правила ее ведения: никогда не нарушать клятвы, данной неприятелю, твердо соблюдать все взятые на себя обязательства, не унижать достоинство плененного врага. [13]

Византийский военно-дисциплинарный кодекс оказал существенное влияние на нормы Воинского устава, утвержденного Петром I в 1715 г. (действующего практически до середины XIX в.), благодаря которому в России были заложены основы профессиональной армии, создано регулярное войско. В Артикуле Воинском (второй части Воинского устава) раскрывались вопросы субординации рядового и начальствующего состава, обязательности исполнения приказа, недопустимости ущемления социального статуса и материального положения военнослужащих, взаимоотношения армии и гражданского населения, армейской дисциплины в мирное и военное время и др. Духовные основы военной профессии в нашей стране закладывались в IX – XI веках и тесным образом связаны со становлением и развитием государственности. Кроме объективных факторов (защита от врагов) особую роль в формировании духовных ценностей военной деятельности сыграли факторы субъективные, связанные

со своеобразием национального характера. На этапе Древней Руси формируются такие ценности как коллективизм, дружинное товарищество. Для Московского государства характерны религиозный традиционализм, самопожертвование. В Имперской России наряду с развитием системы военного образования формировались такие ценности, как верность Присяге, Знамени, благородство патриота. Офицерское звание делало человека дворянином. В Советском Союзе на основе марксистско-ленинской идеологии возникают пролетарская солидарность, революционное мужество, верность социалистическому Отечеству, общинный традиционализм. Особенностью современного периода является наличие необходимости преодоления духовной разобщенности в армии и обществе, выработки национальной консолидирующей идеи, при этом учитываются традиции служения России, принципы демократии и гуманизма.

К содержанию духовных основ военно-профессиональной деятельности, можно отнести такие значимые ценностные элементы, как патриотизм, воинский долг, воинская честь, дисциплинированность, войсковое товарищество. Как писал В. С. Соловьев, «издревле всякий военный человек знал и чувствовал, что служит делу важному, благородному, почетному, которому всегда служили самые лучшие, первейшие люди, вожди народов, герои». [14] Военными люди не рождаются, но некоторые качества определены природой, связаны с особенностями психики человека (смелость, стойкость, выдержка, самообладание). В процессе «военной социализации», начинающейся не с военного училища, а с семьи, школы, у человека формируются качества, условно делящиеся на общесоциальные (чувство патриотизма, понимание важности воинского долга, отношение к военной службе) и военно-профессиональные (знания, навыки, умения, морально-психологическая закалка, дисциплинированность). Выбор военной профессии не всегда определяется призванием или чувством долга. Так, по данным военных социологов, лишь 40-50 % поступающих в военные вузы являются воинами по призванию, то есть чувствуют склонность к военному делу, считая его своим предназначением (люди с «военной косточкой»). [4] Понятие «долг» близко понятию «обязанность», однако долг отличается внутренним осознанием необходимости совершения того или иного действия, обозначает превращение нравственных требований в личную задачу через принуждение. Военнообязанные – обязанные служить по закону, государственному принуждению.

Верность долгу лежит в основе героизма. У Гегеля герой выступает как некий образ совершенной, самостоятельной силы, защищающей дело права и справедливости, для осуществления которого он подвергает себя по собственному выбору и собственному произволу бесчисленным тяготам и трудам [15]. Человек, выбирающий военную профессию, должен

понимать степень ответственности, возлагаемой службой, а также существование постоянного ограничения личной свободы, требование самопожертвования. Героизм для идеального типа военнослужащего становится жизненной ориентацией, то есть это не только конкретные великие действия и их результаты, но и определенное самоощущение и мироощущение. «Героем становятся в уединенной тишине и молчании». [16]

Воинский долг, осознанный и добровольно принятый на себя, является внутренним основанием для всей деятельности воина. Его исполнение выступает основой формирования дисциплинированности как совокупного выражения знаний устава, профессиональных навыков и привычек военнослужащего, а также нравственного самоутверждения личности, тесно связанного с понятием воинской чести. «Честь» (по Далю) есть достоинство человека, его доблесть, честность, благородство души и чистая совесть. Честь требует от человека оправдания его репутации. В армии существует поговорка: «Действуй по уставу, завоюешь честь и славу». Отступление от чести (предательство, дезертирство, проявление трусости) не просто осуждается, но и наказывается законом. Например, децимация (казнь каждого десятого по жребию), просуществовавшая в российских вооруженных силах с 1701 г. по 1868 г., применялась для наказания той воинской части, которая во время сражения бежала с поля боя. Кроме того, вся часть подвергалась дополнительному позорящему наказанию – размещение вне лагеря, без знамени, пока не искупит свою вину в следующих сражениях. Бесчестный поступок отдельного военнослужащего порочит и его воинский коллектив, воинскую часть, к которой он принадлежит, и военную организацию в целом. В общественных местах люди в военной форме, ведущие себя незтично, всегда более заметны, чем гражданские и степень осуждения окружающими их поведения значительно выше. Военнослужащего вне своей «работы» быть не может, он всегда «на работе» и *обязан* быть этическим образцом для других.

Важное место в системе духовных ценностей военно-профессиональной деятельности всегда занимало войсковое товарищество, проявляющееся в боевой сплоченности воинов, их дружеском объединении в процессе выполнения служебных задач («Нет службы без дружбы», «Сам погибай, а товарища выручай»). В современном потребительском обществе, при стремлении к индивидуализму данная ценность значительно трансформируется, если не разрушается. Между тем, специфика военно-профессиональной деятельности, назначение военной организации обуславливают наличие коллективизма как обязательной характеристики. По данным опроса, проведенного Социологическим центром ВС РФ в 2006 г., для 22 % российских офицеров воинское товарищество является главной ценностью службы, частью здорового климата подразделения. [17]

Тесно связанными с отмеченными духовными ценностями военнослужащих являются также верность Боевому Знамени, соблюдение правил ношения военной формы, проявление гуманности к побежденному противнику, преданность роду войск и др.

Фундаментальной ценностью не только воина, военной организации, но и всего общества, основой его единения выступает патриотизм как чувство любви к Родине, преданности Отечеству. Многие военные социологи, анализируя ценностные ориентации военнослужащих, молодежи, констатируют кризис патриотизма, который выражается в полной утрате этого чувства или его размытости и неопределенности. Точнее в данном случае, думаю, следует говорить об утрате «старого» патриотизма и наполнении его новым содержанием. Современная молодежь понятие Родины связывает прежде всего не с государством, а с семьей и близкими, родным домом. Значительная часть профессиональных военных, получавшая воспитание в советское время, признающая государство в качестве абсолютной ценности, а не необходимым средством организации общества, не восприняла новые ценности, диктуемые временем, в силу консерватизма, старых советских стереотипов относительно понимания патриотизма. [18] Я считаю, что современная ситуация в Российской армии и обществе не характеризуется «кризисом патриотизма», а происходит трансформация сущности данного понятия. Результаты проведенного автором статьи социологического опроса в одной из воинских частей Северокавказского военного округа в 2006 г. показывают, что более половины военнослужащих срочной службы (представители молодежи) и около 70 % контрактников считают себя патриотами, несмотря на все существующие проблемы армейской жизни.

Таким образом, духовные основы военно-профессиональной деятельности, с одной стороны, специфичны, что вызвано непосредственным назначением армии, а с другой – являются общезначимыми, поскольку тесным образом связаны с обществом. Более того, именно военнослужащие обязаны обладать высокими морально-нравственными качествами. По сути, военные должны, обязаны представлять собой образцово-этическую группу, на которую равняются остальные члены общества. Такие духовные ценности как патриотизм, воинский долг, воинская честь и др. не являются для них какой-то абстракцией. Духовные основы военно-профессиональной деятельности наполняют ее смыслом, формулируют цель и назначение армии, влияют на развитие личности военнослужащего. Оказавшемуся в условиях отсутствия понятной системы идеологических ориентиров, затяжного характера реформирования Вооруженных Сил, нестабильной духовной ситуации в обществе профессиональному защитнику Отечества сложно соответствовать своему статусу. Главным способом преодоления такого положения является реформирование военной организации на фун-

даменте духовных традиций службы и принципов гуманизма. Основными направлениями реализации этого способа выступают: восстановление преемственности духовных традиций; изменение принципов воспитания молодежи, с учётом современных тенденций развития общества; эффективное решение финансовых и материальных проблем Вооружённых Сил; взаимодействие государства и общества в формировании патриотического сознания граждан. Отдаленность того времени, когда «быть военным» станет почетно, зависит не только и не столько от государства, а от степени зрелости общества, социальной активности каждого его члена.

Библиографический список

1. Энциклопедия военной мысли. – М.: Изд-во Эксмо, 2002.
2. Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский (1904-1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М., 1998.
3. Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 1.
4. Серебрянников В. В. Проблемы Российской армии // Социология. – 2005. – № 2.
5. Петрий П. В. Духовные ценности военнослужащих Российской армии: сущность и процесс формирования // Сборник научных статей адъюнктов. – М., 1995. – № 1. – Ч. 1.
6. Платонов Г. В., Косичев А. Д. Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. – 1998. – № 2.
7. Ильин И. А. О грядущем России. Избранные статьи. – М., 1993.
8. Лекторский В. А. Духовность и рациональность // Вопросы философии. – 1996. – № 2.
9. Рыхтик М. И. Фактор военной силы в современной мировой политике // Социология современных войн: Материалы научного семинара / Под ред. П. А. Цыганкова, И. П. Рязанцева. – М.: Альфа-М, 2004. – Вып. 1.
10. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание соч.: В 10 т. – Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.
11. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
12. Бердяев Н. О назначении человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ, 2006.
13. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи: Научное издание. – СПб.: Алетей, 2001.
14. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / Общ. ред. и сост. А. В. Гудыги, А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990.
15. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. – Т. 12. – М., 1938.
16. Сапронов П. А. Феномен героизма. – Изд. 2-е. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2005.
17. Актуальные проблемы армии и флота / <http://www.mil.ru>
18. Колодиев Н. Н. О патриотизме военнослужащих Российской армии // Духовность, нравственность, патриотизм: Сб. науч. трудов. – Воронеж, 2003.

ФИЗИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Здоровье человека определяется множеством факторов. Среди них нельзя не выделить такой фактор, как физическая (двигательная) активность, то есть двигательный режим, от особенностей которого в значительной степени зависят уровень и гармоничность физического развития, функциональное состояние организма и по особенностям которого можно судить о морально-волевых и ценностно-мотивационных качествах личности. Российский исследователь В. К. Бальсевич физическую активность определяет как целеустремленную двигательную деятельность человека, направленную на укрепление здоровья, развитие физического потенциала и достижение физического совершенства для эффективной реализации своих задатков и способностей с учетом личностных мотиваций и социальных потребностей [1, с. 81].

Физическая активность по своей сути имеет двойственный и противоречивый характер. Двойственность и противоречивость рассматриваемого явления определяются прежде всего тем, что по своей природе оно одновременно является и социальным и биологическим. В процессе физической активности происходит существенная социальная модификация (социализация) физических качеств человека, они становятся социальными по своему содержанию, характеру и значению, приобретают статус личностных качеств индивида.

И. М. Быховская отмечает, что телесность человека, его двигательная деятельность оказываются «встроенными» в систему социальных деятельностей, отношений в двойном смысле [2, с. 3]. Во-первых, они становятся объектами спонтанного, неизбежного воздействия различных социальных факторов, которые объективно ведут к укреплению или разрушению тех или иных свойств и качеств, их совершенствованию или деградации, той или иной модификации вследствие особенностей образа жизни. Социальные процессы разделения труда, урбанизация, достижения цивилизации в производственной технологии (например, снижение доли физического труда, автоматизация и т. п.) – все эти и другие многочисленные факторы общественного процесса, существенно изменяя образ жизни людей (гиподинамия, стрессы), создают объективные основания для потенциальных и реальных изменений в телесно-двигательной активности.

тельных характеристиках человека. Вторая же сторона вопроса заключается в том, что включение телесно-двигательных характеристик человека в социальное пространство делает их предметом рефлексии и на этой основе – предметом целенаправленного воздействия: сознательного «встраивания» природного тела человека в изменяющуюся социальную среду и приспособление социальной среды к закономерностям природы, заложенным и проявляющим себя в физическом бытии человека. Тело становится предметом интереса и заботы прежде всего как необходимый инструмент человеческой деятельности, который должен содержаться в порядке и быть приспособлен для ее выполнения.

По мере развития человеческого общества возникают и получают все более широкое распространение такие формы двигательной активности, которые используются в первую очередь для воздействия на человека, осуществляющего эту деятельность, с целью изменить, сохранить, и восстановить у него определенные качества (физические, психические и др.), удовлетворить его познавательные интересы, вызвать у него приятные эмоции, чувства и переживания (и тем самым способствовать его отдыху и развлечению), побудить человека к общению и создать ему условия для этого. Речь идет о таких формах двигательной активности, как различные виды физических упражнений, подвижные игры, туризм и так далее. В. И. Столяров заметил, что именно эти специфические формы двигательной активности человека чаще всего и называют – не только в повседневной жизни, но и в науке – физической культурой [3, с. 83].

Значение физической культуры как формы организованной двигательной активности в формировании здоровья состоит в том, что ее средства позволяют развивать не только физические качества, двигательные навыки, но прежде всего формируют у человека грамотное отношение к себе, своему телу, содействуют воспитанию моральных и волевых качеств, потребности в укреплении здоровья. Лучшим доказательством значимости физической культуры для всестороннего развития человека может быть осмысление ценностного потенциала этого феномена.

Л. И. Лубышева выделяет следующие ценности физической культуры:

- интеллектуальные – знания о средствах и методах развития физического потенциала человека как основы организации и его физической активности и здорового образа жизни;
- двигательные – развитие физической подготовленности человека, его реальный потенциал;
- мобилизационные – воспитываемые физкультурными занятиями такие личностные качества, как внутренняя дисциплина, способность к рациональной организации своего бюджета времени; собранность, настойчивость в достижении поставленной цели;

- интенционные – ценности, отражающие сформированность общественного мнения, престижность физической культуры в данном обществе; социально-психологические установки людей, которые определяются характером, структурой и направленностью потребностей, мотиваций и ценностных ориентаций на занятия физической культурой;

- ценности педагогической технологии – методическое обеспечение процесса физической подготовки. [4, с. 57]

Валеологические ценности физической культуры (ценности здоровья и здорового образа жизни) в рассматриваемом аспекте так или иначе включают в себя все ценностное содержание физической культуры. Так, к валеологическим ценностям физической культуры следует отнести накопленные теорией и методикой физической культуры знания об использовании физических упражнений для эффективного физического развития, повышения работоспособности, психоэмоциональной устойчивости, самоорганизации здорового стиля жизни. Но главный аспект заключается в том, что валеологические ценности физической культуры – это возможности для формирования мотивации, интереса, потребности в бережном отношении человека к своему здоровью.

Мировой опыт показывает, что средства физической культуры и спорта обладают универсальной способностью в комплексе решать проблемы повышения уровня здоровья населения и формирования здорового морально-психологического климата в коллективе и в обществе в целом. Всемирно признано, что занятия физической культурой являются превентивным средством поддержания и укрепления здоровья и профилактики различных неинфекционных заболеваний (сердечно-сосудистых, диабета, остеопороза, ожирения и т. д.) и вредных привычек (пьянства, табакокурения, токсикомании и т. д.). По экспертным оценкам, физическая культура и спорт дают возможность уменьшить заболеваемость детей, подростков и молодежи на 10–15 %, что может сэкономить из бюджета 2,1 млрд. рублей в год, а сокращение преступности среди молодых людей на 10 % может снизить расходы на их содержание в исправительно-трудовых учреждениях на 700 млн. рублей в год.

Причем, как отмечают американские специалисты, использование физической активности в целях предупреждения заболеваемости требует незначительных дополнительных затрат государства. В то же время потери от преждевременной смерти трудоспособного населения в США оцениваются в 25-30 млрд долларов в год. А канадские эксперты считают, что прямые и косвенные расходы на лечение заболеваний, связанных с физической пассивностью канадцев, составляют примерно 2,5 млрд. долларов в год.

Понимание того, что будущее любой страны определяется здоровьем членов общества, привело к усилению роли физической культуры и

спорта в деятельности по укреплению государства и общества и активному использованию физической культуры в поддержании и укреплении здоровья населения. В современном мире наблюдается устойчивая тенденция повышения социальной роли физической культуры и спорта. Она проявляется:

- в повышении роли государства в поддержке развития физической культуры и спорта, общественных форм организации и деятельности в этой сфере;

- в широком использовании физической культуры и спорта в профилактике заболеваний и укреплении здоровья населения;

- в продлении активного творческого долголетия людей;

- в организации досуговой деятельности и в профилактике асоциального поведения молодежи;

- в вовлечении в занятия физической культурой и спортом трудоспособного населения;

- в использовании физической культуры и спорта как важного компонента нравственного, эстетического и интеллектуального развития учащейся молодежи;

- в использовании физической культуры и спорта в социальной и физической адаптации инвалидов, детей-сирот;

- в резком увеличении роста доходов от спортивных зрелищ и спортивной индустрии;

- в возрастающем объеме спортивного телерадиовещания и роли телевидения в развитии физической культуры и спорта и формировании здорового образа жизни;

- в развитии физкультурно-оздоровительной и спортивной инфраструктуры с учетом интересов и потребностей населения;

- в многообразии форм, методов и средств, предлагаемых на рынке физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг.

Физическая культура, являясь одной из граней общей культуры, во многом определяет поведение человека в учебе, на производстве, в быту, в общении, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач. Огромный социальный потенциал физической культуры и спорта необходимо в полной мере использовать на благо процветания России, поскольку это – наименее затратный и наиболее результативный рычаг форсированного морального и физического оздоровления нации. Однако в настоящее время физической культурой и спортом в стране занимаются всего 8–10 % населения, тогда как в экономически развитых странах мира этот показатель достигает 40–60 %. Причем, если в этих странах оздоровительными спортивными программами охвачено примерно равное количество мужчин и женщин, то

в России, по данным социологических опросов, физкультурой и спортом занимаются 12 % мужчин и всего 5,1 % женщин.

Физкультурно-оздоровительная деятельность является социальным процессом, выражающимся в физических действиях и оздоровительных процедурах, способствующих укреплению здоровья, овладению физической культурой, формированию ценностей, повышающих эффективность трудовой и иной социальной деятельности.

На современном этапе физкультурно-оздоровительная деятельность состоит из двух видов (типов) деятельности. К первому относятся физические движения, различные виды физических упражнений; ко второму – гигиенические оздоровительные процедуры. Физическими видами физкультурно-оздоровительной деятельности являются: утренняя гимнастика, ходьба, ходьба на лыжах, бег трусцой, плавание, туристические походы, спортивные и подвижные игры. Гигиенические оздоровительные процедуры – это принятие душа, ванны, бани или сауны, массаж, аутотренинг и т. п.

Сущность и содержание всех видов физкультурно-оздоровительной деятельности особенно отчетливо проявляется в ее функциях. Основной функцией физкультурно-оздоровительной деятельности является сохранение, поддержание и укрепление здоровья индивида. Человек, занимаясь физкультурно-оздоровительной деятельностью, сохраняет и укрепляет свое главное достояние – здоровье. Сохранение, поддержание и укрепление состояния здоровья людей значительно увеличивает продолжительность их жизни.

Профилактическая функция. Физкультурно-оздоровительная деятельность является одной из самых действенных факторов профилактики сохранения здоровья и предохранение от болезней. Значение этой функции невозможно переоценить. Регулярные физические упражнения и санитарно-гигиенические процедуры не только поддерживают работоспособность, но и повышают эффективность жизнедеятельности личности во всех сферах.

Функция соединения физической деятельности с гигиеническими процедурами. В своей повседневной жизни многие люди для укрепления здоровья чаще всего используют либо физические упражнения, либо санитарно-гигиенические процедуры, реже – их вместе. На современном этапе все более осознается необходимость органического сочетания этих двух эффективных факторов здоровья. Сейчас существует реальная возможность использования обоих ресурсов для укрепления и улучшения здоровья.

Функция поддержания и повышения работоспособности. Работающим, учащимся и студентам важно поддерживать свою работоспособ-

ность. Физкультурно-оздоровительная деятельность является наиболее доступным и действенным способом поддержания физической и умственной работоспособности из всех существующих.

Функция формирования и поддержания здорового образа жизни. Тому, кто занимается массовыми видами физического движения и санитарно-гигиеническими процедурами, легче избавляться от таких вредных для здоровья привычек как курение, частое распитие алкогольных напитков, не говоря уже о наркотиках и т.п. Человеку, занимающемуся этими видами жизнедеятельности, легче вести здоровый образ жизни, способствующий сохранению и укреплению здоровья.

Функция формирования физической культуры. Занятие массовыми видами физического движения и гигиенических процедур постепенно вырабатывает у индивида физическую культуру и повышает её. У человека появляется органическая потребность в занятиях физическими упражнениями, в гигиенических процедурах, в овладении умениями и навыками их рационального выполнения. Так складывается определенный уровень физической культуры. Влияние на элементы физической культуры настолько значимы, что их можно выделять в самостоятельные функции. В них проводится и более целенаправленное физическое воспитание. Что касается людей, занимающихся самостоятельно, то на них объективно оказывает воспитывающее воздействие и процесс занятий, и общение с себе подобными.

Когнитивная функция физкультурно-оздоровительной деятельности, ведущая к росту информированности индивида об этом виде жизнедеятельности человека. Эти знания и определенную информацию человек получает или в организованных формах занятий, или в процессе общения, или через СМИ. Повышение уровня информированности и знаний ведет к росту рациональности, осмысленности проведения упражнений и принятия процедур.

Аксиологическая функция – формирование ценностей и установок в сфере физкультурно-оздоровительной деятельности. В процессе выполнения физических упражнений и гигиенических процедур индивид все более осознает значимость их для своего здоровья, своей учебы, работы. Это способствует формированию и развитию ценностей и установок в этой сфере. Занятия физическими упражнениями и гигиеническими процедурами становятся значимой ценностью индивида, и у него вырабатывается установка на регулярные занятия.

Досуговая функция. Занятия физкультурно-оздоровительной деятельностью человек проводит в свободное от работы (учебы) время. Как вид досуга эта деятельность и полезна, и интересна. В период занятий различными видами физкультурно-оздоровительной деятельности человек превращает

часть своего свободного времени в фактор укрепления здоровья. Вместе с тем эти занятия делают жизнь более содержательной и интересной.

Функция профилактики и избавления от вредных привычек. О благоприятном воздействии на здоровье занятий физкультурно-оздоровительной деятельностью свидетельствует то, что среди тех, кто ею занимается, меньше курящих и подверженных алкоголизму. Люди, регулярно занимающиеся физкультурно-оздоровительной деятельностью, болеют в два раза реже, чем те, кто этой деятельностью не занимается.

Функция формирования и поддержания психического состояния индивида, жизненного тонуса, физического и душевного комфорта. Занятия физическими упражнениями и гигиеническими процедурами делают человека психически устойчивым, выдерживающим жизненные трудности, неврозы, стрессы. Психический жизненный тонус индивида становится крепким, стабильным. Человек ощущает душевный комфорт, который, по выражению А. М. Амосова, является важнейшим результатом физических движений и выражением высокого уровня здоровья.

Все отмеченные выше функции имеют, несомненно, социальное значение. Это социальные функции в широком смысле слова. В совокупности они способствуют укреплению здоровья индивида, всего народа. Наряду с этим, на наш взгляд, можно говорить и о наличии в этой жизнедеятельности и **специфической социальной функции** в узком смысле слова. Она состоит в том, что результаты физкультурно-оздоровительной деятельности посредством укрепления здоровья людей способствуют социальной активности и высокой эффективности социальной деятельности, а так же решению социальных задач, социальному развитию общества.

Следует признать, что в современной России физкультурно-оздоровительной деятельности пока не отводится место как самостоятельной конкурентоспособной деятельности. Традиционное желание получить высшее образование как бы исключают физический тонус, ориентируют молодого человека на развитие интеллектуальных способностей. В вузе физическая культура переместилась на 18–20 позиций (средняя посещаемость занятий по физической культуре составляет 41,2 % по сравнению со средней посещаемостью учебных занятий 72,9 %) [5, с. 71].

Известно, что для нормального функционирования человеческого организма и формирования здоровья необходима определенная «доза» двигательной активности. Однако в современном обществе человечество резко снизило физическую (двигательную) активность. Ограничение двигательной активности отражается на общей психической деятельности: появляются сонливость, вялость в движениях, раздражительность, бессонница, ухудшается настроение, отсутствует аппетит, умственная и физическая работоспособность. Длительный недостаток физической ак-

тивности является одной из главных причин ряда тяжелых хронических заболеваний.

Оптимальным двигательным режимом для студенческой молодежи является 8–12 часов в неделю для юношей, 6–10 часов – для девушек. Однако в вузе учебной программой по «Физической культуре» предусмотрено для студентов I–II курсов 4 часа в неделю, а для III–IV курсов – 2 часа. Таким образом, для профилактики гиподинамии преподавателям физической культуры необходимо привлекать молодых людей в наиболее деликатной и ненавязчивой форме к дополнительным, проводимым вне расписания занятиям. Важно понять, что при помощи самостоятельных занятий физическими упражнениями во внеучебное время студенты могут значительно улучшить не только здоровье, но и свое телосложение, осанку, приобретая столь ценную среди молодежи привлекательность, совершенство и красоту форм тела. Внеучебные формы физического воспитания должны занять весьма существенное место в бюджете времени студента. Только лишь 20-30 минут самостоятельных ежедневных занятий физическими упражнениями плюс занятия по одному часу 2-3 раза в неделю составят от 4 до 6 часов дополнительного времени двигательной активности в неделю.

В предлагаемой статье представлены результаты исследования, проведенного автором в 2005/2006 учебном году среди студентов Пензенского государственного педагогического университета им В. Г. Белинского (ПГПУ). Цель исследования – изучение и анализ мотивационно-ценностного отношения студенческой молодежи к физкультурно-оздоровительной деятельности. Объектом исследования стали студенты 1–5 курсов педагогических специальностей. Отбор испытуемых в выборочную совокупность осуществлялся методом гнездовой выборки. Она предполагает отбор в качестве единиц исследования не отдельных респондентов, а студенческих групп с последующим сплошным опросом в них. В выборку вошли 6 групп на первом курсе, 8 – на втором, 8 – на третьем, 8 – на четвертом и 10 – на пятом. Выборочная совокупность составила 1100 человек или 25,3 % от всех обучающихся на педагогических специальностях очного отделения вуза. Необходимо отметить, что из 1100 распространенных анкет 44 оказались испорчены, таким образом, нами было проанализировано 1056 анкет.

При анализе ответов на вопрос «Занимаетесь ли Вы оздоровительной физической культурой во внеучебное время?» оказалось, что эту эффективную форму укрепления здоровья используют в своём режиме дня 71,6 % респондентов. К сожалению, только 31,1 % опрошенных студентов занимаются оздоровительной физической культурой регулярно, причём занимающихся юношей (45,1 %) больше, чем девушек (22,6 %). Наиболее по-

популярными в молодёжной среде являются: подвижные и спортивные игры (56,3 %), оздоровительный бег (53,2 %), плавание (36,5 %), шейпинг (30,9 %), туристические походы (29,1 %), лыжные прогулки (26,4 %), катание на коньках (20,9 %), атлетическая гимнастика (24,2 %), степ-аэробика (17,9 %). Среди гигиенических оздоровительных процедур студенты предпочитают: баню (65,9 %), массаж (49,1 %), солярий (8,0 %).

Попытаемся проанализировать структуру мотивов, побуждающих молодёжь заниматься оздоровительной физической культурой (табл. 1). Основными мотивами в структуре мотивации занятий физической культурой у юношей являются: укрепить здоровье (78,1 %), улучшить фигуру (70,6 %), достичь результатов в избранном виде спорта (55,0 %). У девушек основными мотивами являются: улучшить фигуру (92,3 %), укрепить здоровье (60,7 %), снять напряжение отрицательных эмоций, психических перегрузок (34,0 %). Доля остальных мотивов значительно ниже: отдохнуть от умственных занятий (25,4% всех опрошенных), потребность в общении (15,8 %), получить зачёт по физвоспитанию (11,3 %).

Таблица 1.
Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, какие мотивы побуждают молодёжь заниматься оздоровительной физической культурой?»

Мотивы занятий физической культурой	Всего, %	По полу, %	
		Юноши	Девушки
Укрепить здоровье	69,5	78,1	60,7
Улучшить фигуру	81,5	70,6	92,3
Достичь результатов в избранном виде спорта	45,8	55,0	30,3
Для снятия отрицательных эмоций, психических перегрузок	28,8	23,8	34,0
Отдохнуть от умственных занятий	25,4	27,5	23,3
Потребность в общении	15,8	17,8	13,7
Сдать зачёт по физвоспитанию	11,3	12,3	10,3

При изучении причин, по которым опрошенные студенты не занимались оздоровительной физической культурой, было выявлено, что в качестве основной причины своей пассивности большинство (45,0 %) указали на отсутствие свободного времени. Конечно, каждый человек в свободное время сам выбирает, чем ему заниматься, исходя из своих интересов, потребностей, из сложившейся у него системы знаний и ценностных ориентаций. Даже при крайнем дефиците времени и отсутствии

надлежащих условий он будет заниматься теми видами деятельности, которые считает наиболее важным для себя, от которых он ожидает наиболее значимых результатов, положительных эмоций и т. д.

Те студенты, которые ссылаются на нехватку времени для физкультурно-оздоровительных занятий, находят время для того, чтобы в свое свободное время заниматься другими видами деятельности, например, слушать музыкальные записи (73,2 %), смотреть телевизор (70,1 %), читать (44,9 %), ходить в кинотеатры (31,5 %), на дискотеки и бары (30,4 %) и т.д. Выбор студентами именно этих видов деятельности, а не физкультурно-оздоровительных занятий свидетельствует не об отсутствии времени для этих занятий, а в первую очередь о том, что они по своей значимости, интересу и полезности уступают, в оценке молодых людей, другим формам проведения досуга.

Можно отметить ряд причин низкой значимости и привлекательности для многих студентов физкультурно-оздоровительной деятельности. Прежде всего, необходимо учитывать широко распространенный в общественном сознании стереотип – представление о том, что вся ценность занятий физическими упражнениями сводится к их воздействию на здоровье и физическое развитие человека в ущерб интеллектуальному и социально-психологическому, то есть укоренившийся в общественном сознании образ «спортсмена-качка» (физически крепкого, здорового человека с накаченными в результате занятий спортом мышцами, но с ограниченным интеллектом, узким культурным кругозором и т.д.). Второй фактор, существенно снижающий привлекательность физкультурно-оздоровительной деятельности в глазах молодежи, – переоценка состояния своего здоровья и физического развития.

Третий фактор – режим, дисциплина и ограничения, связанные с физкультурно-оздоровительными занятиями. Для достижения оздоровительного эффекта необходимы длительные, регулярные и систематические физкультурные занятия, четкое соблюдение режима дня, отказ от вредных привычек. Однако для многих студентов это неприемлемо и невыполнимо из-за болезней и других причин, в силу которых они вынуждены хотя бы временно прерывать занятия.

Еще одна важная причина слабой ориентации студенческой молодежи на физкультурно-оздоровительную деятельность – низкий статус физической культуры в общей системе жизненных ценностей. При этом важно четко различать декларируемые ценности и ценности реальные, на которые человек ориентируется в своем реальном поведении и которые затрагивают его основные, наиболее важные интересы, потребности, стимулируемые принятой в обществе (той или иной социальной группой) системой норм, правил поведения, культурных традиций, обычаев, моральных и материальных стимулов.

Только 47,3 % опрошенных студентов ПГПУ подтвердили мнение о том, что хорошая спортивная форма способствует достижению жизненного успеха. Доля этого социально значимого мотива выше у юношей, чем у девушек (51,7 % против 42,7 %). Однако существует синдром «откладывания на потом».

Еще один факт охлаждения молодежи к физкультурно-оздоровительной деятельности – многие студенты не видят зависимости между активностью в сфере физической культуры и будущей профессиональной деятельности.

Для привлечения молодых людей к формированию собственного здоровья, усилению оздоровительного и профилактического аспектов физкультурно-оздоровительной деятельности необходимо на государственном уровне развивать попытки по созданию положительного общественного мнения о физической культуре и спорте, «модности» физкультурно-оздоровительных занятий и здорового образа жизни. Это важно, поскольку физкультурно-оздоровительная деятельность представляет собой тип деятельности, который на пути к результату позволяет найти новые средства подготовки, методы и условия мобилизации функциональных и двигательных способностей, неуклонно раздвигать рубежи их границ. Кроме того, они имеют возможность эмоционального спортивно-зрелищного воздействия на большое количество людей через средства массовой коммуникации.

Следует признать, что политика государства в сфере формирования здоровья населения, в том числе молодежи, проводится недостаточно активно. Культ здоровья и здорового образа жизни является жизненно важным лишь для очень небольшого количества людей. Хотя известно, что на Западе физкультурно-оздоровительная деятельность широко пропагандируется СМИ, поддерживается государством и является важнейшей составляющей жизнедеятельности каждого гражданина. Если в Финляндии бюджетное финансирование базируется на следующих правилах: 50 % средств – молодежному спорту, 25 % – спорту высших достижений, 25 % – физкультурно-оздоровительным занятиям, то в России затраты на молодежный спорт составляют лишь 10 % [6, с. 56].

На наш взгляд, для решения этой проблемы необходимо использовать возможности учебных заведений, которые являются важнейшим средством социализации молодежи. Учебное заведение должно помогать студентам в приобретении необходимой мотивации, основанной на индивидуальных потребностях, создавая условия для получения необходимых знаний и способов достижения этих знаний, предлагая свободу выбора вида и формы деятельности для реализации мотивации в формировании здоровья. Можно сказать, что вуз должен помочь в решении стоящей перед обществом проблемы: сформировать у каждого студента потребность

в постоянном повышении своей профессиональной подготовки, включающий и аспект здоровья. Наличие такой потребности является важным условием и необходимым признаком гармонично развитой личности.

Библиографический список

1. Бальсевич В. К. Феномен физической активности как социально-биологическая проблема // Вопросы философии. – 1981. – № 8.
2. Быховская И. М. «Быть телом» – «Иметь тело» – «Творить тело»: три уровня бытия «НОМО SOMATIS» и проблемы физической культуры // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 7.
3. Столяров В.И. Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии. – 1988. – № 4.
4. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: Учебное пособие. – М.: Академия, 2001.
5. Гарькин В.П., Столярова И.Е. Динамика учебно-познавательной деятельности студентов // Социологические исследования. – 2000. – № 12.
6. Кузин В.В. Оптимизация системы управления «Физическая культура и спорт» в России в рыночных условиях // Теория и практика физической культуры. – 2000. – № 6.

Е. С. Данилина

Центр социологических исследований
Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства

СТУДЕНТЫ ПГУАС О ПРОБЛЕМАХ ОТКРЫТИЯ СОБСТВЕННОГО БИЗНЕСА: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из приоритетных направлений развития российской экономики является увеличение роли среднего и малого бизнеса. Особое значение в данном направлении отводится молодежному предпринимательству, поскольку занятость молодежи – одна из наиболее актуальных и злободневных проблем на сегодняшний день. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики в РФ 17,9 % от общего числа безработных – молодежь в возрасте 20-24 лет. [1]. Возможным выходом из сложившейся проблемы трудоустройства для молодого человека может стать организация собственного бизнеса, а для федеральной, региональной, местной власти – активная поддержка начинающих предпринимателей в юридическом, информационном, административном, финансовом планах.

В рамках вуза активное участие в работе в данном направлении принял Центр социологических исследований Пензенского государственного уни-

верситета архитектуры и строительства. В феврале 2007 года на базе ПГУ-АС было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме малого бизнеса в студенческой среде. Задачами исследования явились выяснение отношения студентов к открытию собственного дела, установление сфер бизнеса, наиболее притягивающих студентов, собирающихся стать предпринимателями. Также в процессе исследования планировалось воссоздать общий круг наиболее острых, по мнению студентов, проблем, связанных с организацией бизнеса.

В качестве метода исследования было применено анкетирование, в котором приняло участие 427 респондентов 3, 4, 5 курсов из трех институтов и с одного факультета ПГУАС (Институт экономики и менеджмента, Инженерно-строительный институт, Институт инженерной экологии, Технологический факультет). Среди опрошенных 60,5 % девушек и 39,5 % юношей. В данном анкетировании был применен метод гнездовой выборки: в качестве единиц исследования отбирались не отдельные респонденты, а группы или гнезда, в которых проводился сплошной опрос всех лиц, поэтому результаты опроса можно считать репрезентативными.

Студентам было предложено определиться с расстановкой приоритетов в круге проблем, связанных с организацией собственного дела. В целом для студентов наиболее важными аспектами являются желание и наличие начального капитала (первое и второе места отдали данным приоритетам студенты из ИЭиМ, ИИЭ, с ТФ). По мнению респондентов из Инженерно-строительного института, наиболее важным приоритетом являются определенные личностные способности, талант коммерсанта. Данному аспекту студенты из ИЭиМ, с ТФ отдали лишь третье место и четвертое – студенты из ИИЭ. Наименее важным фактором респондентами была названа удача (данному варианту ответа студенты отдали лишь шестое место). Приоритетам «наличие опыта в данной сфере» и «знакомства» были отведены четвертое, пятое или шестое места в зависимости от институтов, факультета. В качестве других необходимых компонентов для открытия своего дела респонденты отмечали «знание рынка», «наличие коллектива», «компетентность», «помощь государства», «возникновение идеи».

На вопрос «Будете ли Вы открывать собственное дело?» 1,8 % респондентов ответили, что уже открыли свой бизнес, 35,8 % – станут предпринимателями в будущем, 49,9 % – затруднились ответить.

Из числа опрошенных, собирающихся открывать свой бизнес или уже состоявшихся предпринимателей, в среднем 25,6 % планируют работать (или уже работают) в строительной сфере (в Инженерно-строительном институте таких студентов 62,2 %). В среднем 34,5 % от всех будущих предпринимателей пока не определились со сферой бизнеса (самый высокий процент выбравших данный вариант ответа в ИИЭ – 57,7 %, на ТФ

– 50 %). Респонденты ИЭиМ в своем большинстве – 29,8 % – предпочитают сферу торговли другим областям бизнеса. Помимо представленных вариантов ответов студенты отмечали (вопрос был представлен в анкете в открытой форме) сферу недвижимости, ресторанный бизнес, компьютерные технологии, рекламную сферу, автобизнес, культурно-развлекательную сферу, сферу услуг и т. д.

83,4 % респондентам, собирающимся открывать свой бизнес, необходима помощь в организации дела; причем большинство всех опрошенных считает, что вуз должен давать основы предпринимательства всем студентам, независимо от получаемой специальности (68,3 % от общего числа опрошенных).

Будущие бизнесмены или уже практикующие коммерсанты за помощью в организации собственного дела обратятся прежде всего к знакомым, занимающимся предпринимательством несколько лет (48,5 %).

Наибольшую сложность при организации бизнеса будут представлять, по мнению большинства опрошенных будущих предпринимателей, отсутствие начального капитала (60,5 %), регистрация собственного дела, разрешение других юридических проблем (19,5 %), моменты, касающиеся непосредственно организации работы (поиск персонала, аренда помещения, покупка оборудования и т.д.) (21,2 %), отсутствие знаний и опыта в данном роде деятельности (21,7 %). В своем варианте ответа студенты также отмечали конкуренцию (3,8 % в ИИЭ), бюрократические барьеры и коррупцию (5,8 % в ИСИ).

Из тех, кто уже организовал свой бизнес (1,8 % от общего числа опрошенных), 45,5 % собираются расширяться или открывать новое дело. Из всех опрошенных состоявшихся предпринимателей 82 % юношей и 18 % девушек, 45,5 % проживали до поступления в вуз в городе Пензе и 54,5 % – в Пензенской области, 72,7 % не женаты или не замужем и 27,3 % сожительствуют. Опрошенные студенты-бизнесмены занимаются следующими видами деятельности: торговля, сетевой маркетинг, перетяжка и изготовление мягкой мебели, организация общественного питания, обслуживание электронных систем, строительство.

Таким образом, 37,6 % опрошенных студентов собираются открывать свой бизнес или уже это сделали, причем почти четверть из них собирается работать в сфере, связанной со своей специальностью. Большая же часть будущих предпринимателей либо еще не определилась с видом деятельности, либо выбрала сферу торговли.

В данном случае можно отметить существующее стремление студенческой молодежи заняться предпринимательством, стать самостоятельными субъектами экономической деятельности, не ожидающими предоставления места работы, повышения уровня заработной платы,

улучшения условий труда и других льгот со стороны работодателя, власти, государства.

Но в организации бизнеса студентам необходима первоначальная помощь (информационная, юридическая, финансовая), которую могут оказать органы власти различных уровней, представители учреждений образования и предпринимательства, общественные организации. Так, возможна реализация следующих мероприятий.

- Проведение конференций, на которых представителям местной власти, финансовых институтов, банковских структур, успешным предпринимателям, юристам молодые потенциальные коммерсанты могли бы задать интересующие их вопросы (опыт проведения подобных мероприятий имеется у Ростовского государственного строительного университета [2]).

- Создание молодежной ассоциации предпринимателей с целью представления интересов молодежи в малом бизнесе и формирования территориальных планов развития молодежных инициатив в сфере предпринимательства (подобную организацию планируется создать в городе Красноярске [3]).

- Проведение конкурсов молодежных инновационных проектов с целью вовлечения студентов в инновационную деятельность и подготовки к занятию предпринимательством. В июле и декабре 2006 года под руководством Управления инвестиций и инноваций Правительства области в соответствии с постановлением Правительства Пензенской области от 4.07.2006 г. № 447 – пП «О создании конкурсной комиссии при Правительстве Пензенской области по отбору инновационных и инвестиционных проектов в сфере малого предпринимательства в Пензенской области» был проведен подобный конкурс, по результатам которого победители получили льготы при аренде помещения, приобретении организационной техники. [4].

Таким образом, поддержка властью, бизнес-структурами малого предпринимательства в молодежной среде должна включать всю совокупность комплексных мероприятий, направленных на повышение заинтересованности студенчества к сфере коммерции.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики: Труд. <http://www.gks.ru>
2. Российский портал информационной поддержки предпринимательства. <http://www.allmedia.ru>
3. Портал электронных средств массовой информации для предпринимателей. <http://www.businesspress.ru>
4. Официальный портал Правительства Пензенской области: Инвестиционная и инновационная деятельность. <http://www.penza.ru/economics/investments>

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СПОРТА В РОССИИ

Не так давно пал железный занавес, во времена которого наши спортсмены либо не могли выступать на международных соревнованиях, либо ездили на них с разрешения государства. Но когда уходят старые проблемы, на их место всегда приходят новые, решением которых, как правило, нужно заниматься долгое время и именно из-за этого многое в спорте остаётся не решённым.

Можно выделить целый ряд проблем современного профессионального спорта. Одной из главных является самореализация спортсмена, достижение им желаемых результатов в его виде спорта. Дело в том, что из-за того, что наша страна многие годы находилась за железным занавесом, у нас не было возможности получать новые знания в сфере тренировки, обучения и совершенствования спортивного мастерства. Многие тренеры, имея в своем распоряжении таланты, не знали, что с ними делать. Эта проблема сохраняется и сейчас. Дело в том, что в основном внимание чиновников от спорта сосредоточено на детях школьного и подросткового возраста, но в действительности этот возраст не может открыть и показать таланты спортсмена. А ошибки идут из-за того, что в органах государственного управления, которые отвечают за развитие спорта, важные места занимают люди, не являвшиеся в прошлом спортсменами и вследствие этого не понимающие, что и как надо делать. Меня тренеров, разгоняя таланты по другим странам и клубам, они пытаются показать, что работа идет, но только не в необходимом направлении.

И на фоне этого можно описать много случаев, когда наши спортсмены меняют гражданство и выступают за другие страны, принося им медали и успех, хотя это всё могло бы достаться нам; вместо того, что бы признать свою ошибку и начать работать по другому, спортсменов называют своего рода предателями, маскируя саму суть и действительность. Поэтому я считаю, что спортом должны управлять только люди, которые имеют непосредственное отношение к нему; только тогда можно будет получить результат. Можно быть хорошим спортсменом и плохим организатором, а здесь нужны именно организаторы, которые разбираются в спорте.

Основной и, возможно, самой важной частью составляющей профессионального спорта является его финансирование. Финансирование профессионального спорта, как правило, не имеет в России должного объёма и размера.

Спортсмены, команды и спортклубы вынуждены самостоятельно искать выход из сложных финансовых ситуаций, не получая должной

помощи от федераций и спорткомитетов, которые, в свою очередь, немедленно обозначают своё присутствие, как только спортсмены достигают высоких спортивных результатов, и вновь исчезают. Получается своеобразная формула, в которой далеко не всё работает так, как должно, и из-за этого высокий потенциал и возможности не реализуются, а спортсмены из других стран, которые имеют поддержку со стороны властей, достигают высших результатов.

В профессиональном спорте немаловажную роль играет психология; если спортсмен чувствует, что его поддерживают, и его результат нужен стране, то он способен достичь очень многого. Опираясь на данные о программе «**Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 годы**», можно привести следующие цифры (2006–2007).

По таблицы демонстрируют недостаточное финансирование спорта высших достижений; в основном средства идут на массовый спорт. Поэтому мы имеем проблемы финансового характера в сфере профессионального спорта.

**Сводные данные по ресурсному обеспечению,
необходимому для реализации Программы (млн.рублей)**

Направления	Источники финансирования	Объем средств
Массовый спорт		
массовый спорт в образовательных учреждениях	федеральный бюджет	29623
	бюджеты субъектов Российской Федерации	29614
	внебюджетные источники	—
массовый спорт по месту жительства	федеральный бюджет	18104
	бюджеты субъектов Российской Федерации	18104
	внебюджетные источники	5080
организация пропаганды	федеральный бюджет	978
	бюджеты субъектов Российской Федерации	244
	внебюджетные источники	—
Спорт высших достижений	федеральный бюджет	4908
	бюджеты субъектов Российской Федерации	—
	внебюджетные источники	—

Итого	федеральный бюджет	53613 (26894 -лотерея)
	бюджеты субъектов Российской Федерации	47962
	внебюджетные источники	5080

**Предельные (прогнозные) объёмы финансирования Программы
(млн.рублей)**

	Всего	В том числе			
		федеральный бюджет		бюджеты субъектов Российской Федерации	внебюджетные источники*
		всего	в том числе средства, поступившие от проведения лотереи		
2006 год					
Капитальные вложения	3954	2629	79	1225	100
НИОКР	60	60	-	-	-
Прочие нужды	112	90	-	22	-
Итого	4126	2779	79	1247	100
2007 год					
Капитальные вложения	5922	3032	482	2520	370
НИОКР	37	37	-	-	-
Прочие нужды	118	96	-	22	-
Итого	6077	3165	482	2542	370

Можно обратить внимание на нехватку, а порой полное отсутствие тренировочных баз для совершенствования спортивного мастерства. Если же они есть, то стоимость тренировочных сборов на них возрастает настолько, что дешевле оказывается тренироваться за рубежом. Отсюда возникает вопрос: в чём причины сложившейся ситуации? Ответ на этот вопрос ещё не получен.

Немаловажную роль в том, что мы теряем большое количество спортсменов, являются недостатки системы спортивного образования. Дело в том, что она не даёт многим спортсменам свободно вести свой тренировочный процесс, выступать в соревнованиях и одновременно учиться.

Я стараюсь не затрагивать тему студенческого спорта, поскольку его в настоящий момент в России не существует, все держится на инициативе самих вузов, а наше государство пока не поддерживает, а только рассматривает эти инициативы уже в течение 10 лет. Поэтому многие вузы не разрешают выезжать на соревнования, грозя отчислениями, отсюда и приходится выбирать, но хотя выбора практически нет. Остаётся только ждать и надеяться на то, что время здорового осмысления и решения проблем профессионального спорта скоро придёт, и следующее поколение спортсменов уже будет только учиться на наших ошибках, а не испытывать их на себе.

Библиографический список.

1. Официальный сайт Правительства РФ – www.government.ru. Таблица «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006 - 2015 годы»

Э. Тугарова

(Научный руководитель д. филос. н., профессор А.Б. Тугаров)

Многопрофильная гимназия при ПГПУ

ШТРИХИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ МОЛОДЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «ТАРХАНЫ»

Осенью 2006 года в музее-заповеднике «Тарханы» (Пензенская область) при участии преподавателей и сотрудников факультета социологии и социальной работы ПГПУ им. В. Г. Белинского был проведён социологический опрос. Его результаты призваны помочь администрации музея-заповедника в совершенствовании экскурсионного обслуживания посетителей в «Тарханах». Объектом исследования были посетители музея-заповедника «Тарханы», а предметом исследования – факторы и условия совершенствования экскурсионного обслуживания посетителей в «Тарханах».

В аналитическом отчёте по результатам социологического опроса было выделено несколько категорий респондентов по возрастному признаку. Нас заинтересовали молодые посетители музея-заповедника в возрасте до 18 лет. Их оказалось 45 респондентов (8,9 % от общего числа респондентов), в том числе 19 респондентов-мужчин (9,5 % от общего количества респондентов-мужчин) и 26 респондентов-женщин (8,5 % от общего количества респондентов-женщин).

Для сравнения отметим, что в социологическом опросе 2003 года, проводившемся в «Тарханах», явно преобладающей возрастной категорией респондентов как раз и была категория – до 18 лет (52,6 % от общего числа респондентов), более старшие возрастные категории респондентов составляли от 14,6 % до 17,2 % респондентов.

В ходе социологического опроса 2006 года выяснилось, что 52 респондента (10,3 % от общего числа респондентов) учатся в школе, гимназии, лицее, училище и др., в том числе 22 респондента-мужчины (10,9 % от общего количества респондентов-мужчин) и 30 респондентов-женщин (9,8 % от общего количества респондентов-женщин). Для сравнения отметим, что в социологическом опросе 2003 года преобладающей группой респондентов были учащиеся школ, гимназий, лицеев, и училищ – 50,4 % от общего количества респондентов.

Для создания социологического портрета молодых посетителей музея-заповедника «Тарханы» нам было интересно установить корреляцию между респондентами-мужчинами и респондентами-женщинами, выбравшими вариант ответа «Экскурсия в «Тарханах – лучшее из того, что я видел на сегодняшний день», и их возрастом.

Всего данный вариант ответа выбрало 269 респондентов (53,0 % от общего количества респондентов), в том числе в возрасте до 18 лет – 27 респондентов (10,0 % от количества, выбравших данный ответ): 8 респондентов-мужчин и 19 респондентов-женщин.

Мнение респондентов о музыкальном оформлении музыкальных экспозиций, выраженное в варианте ответа «понравилось» на вопрос: «Выскажите своё мнение о музыкальном оформлении музейных экспозиций» было скоррелировано с гендерным признаком и возрастом респондентов.

Из 147 респондентов-мужчин (33,1 % от общего количества респондентов), выбравшим вариант ответа «понравилось» музыкальное оформление музейной экспозиции «Барский дом», 14 респондентов оказались в возрасте до 18 лет (4,9 % от количества выбравших данный ответ).

Из 220 респондентов-женщин (43,4 % от общего количества респондентов), выбравшим вариант ответа «понравилось» музыкальное оформление музейной экспозиции «Барский дом», 13 респондентов оказалось в возрасте до 18 лет (3,5 % от количества выбравших данный ответ).

Из 108 респондентов-мужчин (21,3 % от общего количества респондентов), выбравшим вариант ответа «понравилось» музыкальное оформление музейной экспозиции «Людская», 14 респондентов оказались в возрасте до 18 лет (4,9 % от количества выбравших данный ответ).

Из 176 респондентов-женщин (34,7 % от общего количества респондентов), выбравшим вариант ответа «понравилось» музыкальное оформ-

мление музейной экспозиции «Людская», 24 респондента оказалось в возрасте до 18 лет (8,5% от количества выбравших данный ответ).

Из 130 респондентов-мужчин (25,6 % от общего количества респондентов), выбравших вариант ответа «понравилось» музыкальное оформление музейных экспозиций «Церковь Михаила Архистратига и церковь Марии Египетской», 13 респондентов оказалось в возрасте до 18 лет (3,8 % от количества, выбравших данный ответ).

Из 213 респондентов-женщин (42,0 % от общего количества респондентов), выбравших вариант ответа «понравилось» музыкальное оформление музейных экспозиций «Церковь Михаила Архистратига и церковь Марии Египетской», 22 респондента оказались в возрасте до 18 лет (6,4 % от количества, выбравших данный ответ).

Таким образом, полученные в ходе социологического опроса данные о молодых посетителях музея-заповедника «Тарханы» подтверждают основную гипотезу исследования о том, что мнение респондента о качестве экскурсионного обслуживания и факторах его совершенствования различается в зависимости от социально-статусных характеристик посетителей музея-заповедника.

А. Алюшева

(Научный руководитель д. филос. н., профессор А.Б. Тугаров)

ПГПУ им. В. Г. Белинского

МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Социальные позиции занимает не молодежь в целом, а те или иные её группы, различающиеся по своему возрасту, образованию, социальному происхождению. Дифференцирование молодежи по возрасту позволяет выделить следующие группы: молодых людей (15-20 лет), материально зависящих от родительских семей и стоящих перед выбором профессии; молодежную группу, интегрирующуюся в социально-профессиональную структуру общества (21-26 лет), приобретающую материальную и социальную самостоятельность; и молодежь 25-30 лет, ставшую субъектом социального воспроизводства.

Большой интерес представляет изучение первой группы молодежи (15-20 лет), которая еще не обладает социальными позициями, а только выбирает траекторию своего жизненного пути, нацеленного на приобретение социального статуса. Внепозиционное, внестатусное состояние этой группы молодежи на субъективном уровне осознается как промежуточное, маргинальное. Данная молодежная группа неоднородна в социальном отношении, что определяется дифференциацией молодого поколения в зависимости от социального положения их родителей. И этот

факт необходимо учитывать при исследовании проблем молодежи, этапов ее становления и социализации. В этом смысле правильнее будет говорить не о молодежи вообще, а об учащейся, студенческой или работающей молодежи; молодежи крупных центральных городов, провинциальных городов или молодежи из сельской местности и т. д. Следовательно, при определении социальных позиций молодежи, ее различных групп необходимо исследование качественных социальных характеристик молодежи: социальный состав и происхождение, материальное положение родителей, мировоззрение и религиозная принадлежность, образование и профессиональная деятельность, политические взгляды и т. п.

Маргинальное положение большей части молодежи преодолевается образованием и профессиональным самоопределением, которое позволяет занять определенную позицию в социальном пространстве. Этот процесс влияет на выбор личностью доминирующей идентичности, а следовательно, и успешное преодоление состояния маргинальности. Поэтому зарубежные психологи Д. Сьюпер и В. Врум выбор профессии отождествляют с выбором способа самопонимания. Эта позиция оправдана для социализации молодежи в современном обществе, сопряженной с достижательными ценностями индивидуализма.

На важную роль профессии в достижении высокого социального статуса указывал еще П. Сорокин: «Очевидно, что определенные классы профессий всегда составляли верхние социальные страты, в то время как другие профессиональные группы почти всегда находились у основания социального конуса». Ссылаясь на конкретные исследования траектории социальной мобильности знаменитых людей, П. Сорокин показывает, что многие из них, «будучи рожденными в простой семье, благодаря профессиональному каналу достигли высокого социального и экономического положения, не говоря уже о богатстве, славе, званиях, степенях и т. п. Такой была ситуация в прошлом, такой, по сути, она осталась и сейчас». [6]

Вместе с тем следует подчеркнуть, что одновременно с интеграцией той или иной группы молодежи в профессиональную структуру, т. е. вместе с преодолением ее маргинального (и внепозиционного) состояния, она утрачивает собственно «молодежные» характеристики и начинает функционировать в качестве полноценного (взрослого) профессионально-статусного слоя.

Яркой иллюстрацией этой мысли может служить сопоставление молодежи советского и постсоветского периодов. В отечественном общественном сознании до недавнего времени делался акцент на социальную однородность молодежи и отсутствие у нее особых по отношению ко всему обществу социальных потребностей и интересов. Для утверждения такого подхода были все основания: в процессе строительства социалистического госу-

дарства была создана единая для всего общества система ценностей, политических и нравственных ориентиров, идеалов и стереотипов поведения, которой должна была следовать молодежь. Поэтому в исследованиях молодежи того времени главное внимание уделялось доказательству всеобщности интересов и устремлений всех групп юношества.

В настоящее время наблюдаются достаточно заметное обособление значительной части молодежи от «взрослого» общества (связанное с возникновением контркультурных молодежных групп), а также существенная социальная дифференциация в молодежной среде. При этом условия для такой дифференциации закладываются «взрослым» обществом, создающим специальные социальные институты, закрепляющие и увеличивающие социальную дистанцию между отдельными группами молодежи (престижное и непрестижное образование, престижные и непрестижные профессии и рабочие места и пр.).

Эти явления порождены динамично протекающими трансформационными процессами в современном российском обществе, которые формируют условия не только для интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру, но одновременно и для обратного процесса – исключения из него.

Социальная среда или условия социального развития молодежи могут рассматриваться на разном уровне:

- макроуровень (социально-стабильное, динамично развивающееся общество или кризисное общество);
- мезоуровень (региональный аспект условий развития молодежи);
- микроуровень (семья и ее социально-психологические особенности, группа сверстников).

Социальные условия, выделяемые на макроуровне, первичны по отношению к условиям мезо- и микроуровня. Социально-географическая специфика развития и социальные особенности семьи во многом производны от типа общественной системы и условий ее воспроизводства.

Специфические проблемы молодежи, как социально-демографической группы, определяются тем местом в социальной структуре, «которое она занимает в системе воспроизводства и развития общества, т. е. функционирование и развитие молодежи как большой общественной группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни.

Важнейшую роль молодежи в воспроизводственном процессе определяет способность воспроизводить сложившуюся на момент его становления структуру общественных отношений. Молодежь может восполнить уходящие поколения в социально-профессиональной структуре общества только посредством унаследования социального опыта и традиций, накопленных предшествующими поколениями. Только таким

способом может осуществляться воспроизводство социальной структуры любого общества. Вместе с тем каждое новое поколение, наследуя социальный опыт, пополняет его новациями.

Место молодежи в воспроизводственном процессе детерминирует ее основные социальные функции – воспроизводственную, инновационную, трансляционную. Тем самым развитие молодежи выступает существенным фактором стабильного воспроизводства «социальных структур, процессов и отношений в рамках определенной целостности самого общества».

Однако социальное развитие молодежи, или процесс воспроизводства социальной структуры, протекает по-разному в развивающихся обществах (социально-стабильных) и в обществах кризисных. В стабильных обществах процесс интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру достаточно прогнозируем. В кризисных обществах накопление нового опыта всегда сопряжено с конфликтом, с отрицанием устаревшего, отжившего и процесс вхождения нового поколения в сложившуюся социальную структуру затруднен. Таким образом, в условиях социальной нестабильности воспроизводственная функция усложняется, порождая множество молодежных проблем.

Как показано в работах известного французского социолога П. Бурдьё, в физическом пространстве неравно распределены различные виды капиталов (экономического, интеллектуального, символического и пр.). «Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закрепленное место жительства или место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг». [1] Это неравенство выступает важным фактором, обуславливающим выбор жизненных стратегий молодежи и, в конечном итоге, формирование социального расслоения на бедную и богатую молодежь.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Социология политики. – М., 1993
2. Дэвис К., Мур У. Е. Некоторые принципы стратификации // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – М., 1968.
3. Здравомыслова О., Арутюнян М., Шурыгина И. Жизненные стратегии современной молодежи // Женщина плюс, 1998 – www.owl.ru
4. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. – 1998. – № 5.
5. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас / Сост. А. В. Леденева. – Новосибирск, 1995.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М, 1992.
7. Социальная стратификация / Ред. С. А. Белановский. – М., 1992. – Вып. 1.

ИНТЕРНЕТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Сегодня Интернет представляет собой глобальную коммуникационную систему, основной целью которой является передача информации и обмен сведениями между странами, регионами, организациями и индивидуальными пользователями. Интернет позволяет своим пользователям практически неограниченно принимать из любых источников и отправлять самые разные сообщения, в том числе и сведения политического плана. При этом, как показывает политолог М. С. Вершинин, Всемирная Сеть по сравнению с традиционными коммуникационными каналами фактически синтезирует в себе сильные стороны каждого из них и тем самым приобретает преимущества в отношении возможностей восприятия передаваемой информации, направленности информационного потока, способа подачи сообщений и характера обращения к аудитории [8, с. 214].

В середине 90-х гг. Интернет привлек внимание российских общественно-политических объединений и отдельных политиков, получивших возможность выставить в глобальной коммуникационной системе домашнюю страницу или сайт с обновляемыми сведениями о собственной деятельности, программных документах, а также с контактными адресами электронной почты. Одновременно политические деятели и организации смогли получать статистические данные о том, кто и сколько раз обращался к их материалам и какие именно направления деятельности наиболее заинтересовали посетителей их сайтов. Это позволило не только осуществлять, но и корректировать мероприятия по развитию общественных связей.

Вместе с тем вплоть до середины 90-х гг. пользователи Интернет в России обычно рассматривались в качестве особого сообщества, поскольку для работы требовалось освоение значительного большего по сравнению с сегодняшним объема технических знаний, а также приобретения довольно дорогого оборудования.

Серьезные социологические исследования российской сетевой аудитории, включая анализ ее политических предпочтений, стали проводиться начиная с 1996 г., когда использование Интернета начинает становиться массовым явлением. Одно из первых систематических исследований аудитории российского Интернета было предпринято компанией КОМКОН, возглавляемой П. К. Залесским.

Комментируя факторы роста российской Интернет-аудитории, П.К. Залесский подчеркивал: «Мощным толчком для взрывного развития российского Интернета послужили, с одной стороны, августовский де-

фолт 1998 г. и, с другой стороны, избирательная кампания 1999–2000 гг. Финансовый кризис серьезно потрепал телевизионную индустрию и рекламный рынок. Осенью 1998 г. рекламодатели в России впервые все-речь обратили внимание на Интернет и как на канал оперативной экономической информации, и как на более дешевый, но весьма эффективный рекламоноситель... Следующий импульс развитию Сети в России был придан думскими и, в несколько меньшей степени, президентскими выборами» [12, с. 119–120]. Таким образом, одним из факторов, оказавшим заметное влияние на развитие Интернета в России в конце 90-х гг., стала политическая коммуникация.

Интернет является коммуникационной средой, в которой возможно осуществление различных форм опосредованной коммуникации – межличностной (обмен сообщениями посредством электронной почты), групповой («электронные доски объявлений» и системы рассылок сообщений для ограниченного числа пользователей), и массовой (домашние страницы и сайты, предполагающие распространение информации для неопределенного круга потенциальных пользователей Сети). Таким образом, новой исторической формой развития электронных СМК, в строгом смысле термина, следует считать только домашние страницы и сайты, находящиеся в режиме свободного (или относительно свободного) доступа.

Несоответствия норм действующего законодательства возможностям Всемирной Сети вызывает немало проблем, из которых особенно заметными становятся те, которые приобретают политический характер. Впервые вмешательство Интернета в политику вызвало широкий общественный резонанс в конце ноября 1998 г., когда в течение нескольких часов был открыт для свободного доступа анонимный сайт, содержавший записи телефонных разговоров и расшифровки пейджинговых сообщений ряда известных деятелей. Впоследствии проблема распространения через Интернет различных сведений, компрометирующих отдельных политиков, не раз становилась предметом рассмотрения журналистов, политологов и экспертов, в частности, в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации III созыва [10, с. 144]. При этом важно отметить, что, не имея юрисдикции над Всемирной Сетью в смысле неопределенности ее правового статуса, государство сохраняет возможность регулировать определенные отношения, которые складываются между ним и конкретными индивидами по поводу их определения в качестве субъектов права.

С формальной точки зрения содержание любой домашней страницы или сайта теоретически можно подвести под действие статьи 2 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [3], согласно которой «под массовой информацией понимаются предназначенные для

неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы». Однако здесь следует подчеркнуть, что речь в данном случае может идти только о *содержании*, а не о самой домашней странице или сайте как таковых. Дело в том, что в соответствии с той же статьей указанного закона, «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, иная форма периодического распространения массовой информации». Далее, там же, «под периодическим печатным изданием понимается газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное название, текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год»; а «под радио-, теле-, видео-программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное название и выходящая в свет не реже одного раза в год». Согласно приведенным определениям не являются «иными формами периодического распространения массовой информации», а следовательно, и «средствами массовой информации», например, такие виды печатной продукции, как книги, брошюры, предвыборные и иные листовки, издаваемые массовым, но разовым тиражом. Аналогичным образом данные нормы не могут быть распространены на однажды созданные домашние страницы и сайты с постоянным, не обновляемым содержанием.

Так, согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [4, ст. 45, п. 7]: «В день голосования до момента окончания голосования на территории соответствующего избирательного округа, округа референдума запрещается публикация (обнародование) данных о результатах выборов, референдума, в том числе размещение таких данных в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая «Интернет»)». В соответствии с этим же Федеральным законом: «В течение пяти дней до дня голосования, а также в день голосования запрещается опубликование (обнародование) результатов опросов общественного мнения, прогнозов результатов выборов и референдумов, иных исследований, связанных с проводимыми выборами и референдумами, в том числе их размещение в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (включая «Интернет»)» [4, ст. 46, п. 3]. Аналогичные положения зафиксированы, соответственно, в Федеральном законе «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [5, ст. 54, п. 7; ст. 55, п. 3], в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации» [6, ст. 46, п. 7; ст. 47, п. 3], а также в принятом в июне 2004 г. Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации» [2, ст. 55, п. 6; ст. 56, п. 3].

При этом сохраняющаяся неопределенность юридического статуса Интернета во многом способствует существованию в массовом сознании представлений о нем как о некоей специфической коммуникационной среде, где взаимодействие людей основано на принципе абсолютной свободы, который порой противоречит существующим в обществе морально-этическими нормами. Однако, несмотря на то, что отечественная политическая практика последних лет продемонстрировала негативную сторону использования сетевых возможностей, необходимо все же учитывать, что с распространением Интернет-технологий в политике связываются определенные положительные ожидания. А. Н. Кулик, в частности, полагает, что «появление Интернета как качественно новой коммуникационной среды и расширение доступа к нему может иметь последствия для эволюции политической системы информационного общества, сопоставимые по своей значимости с последствиями распространения избирательного права в эпоху индустриализации на все дееспособное население» [13, с. 112].

Сегодня, когда благодаря использованию Интернета практически любой участник политического процесса может направлять сообщения неограниченному числу потенциальных адресатов, складывается принципиально новая ситуация. Интернет преодолевает организационные, финансовые и даже межгосударственные барьеры и способствуют реализации одного из важнейших принципов современной демократии – равенства возможностей политического участия индивидов, причем не только на местном, региональном или общенациональном, но также и на международном уровне.

Другая положительная тенденция, связанная с использованием Интернета в политической сфере относится к внедрению новых информационно-коммуникационных технологий в процессы взаимоотношений государства и граждан, что способствует повышению эффективности их взаимодействия. М. Н. Грачев отмечает, что в последние годы к распространенным в Интернете коммуникационным индексам «В» и «С», обозначающим, соответственно, «бизнес» и «потребителя» («клиента»), добавился новый индекс «G» – «электронное правительство» (e-Government), обозначающий Интернет-технологии, которые обеспечивают информационное взаимодействие органов власти с населением и институтами гражданского общества. Оно представляет собой систему электронного государственного и муниципального управления, которая объединяет технологии информационного взаимодействия между органами власти и гражданами (G2C), органами власти и институтами гражданского общества, включая бизнес-структуры и общественные объединения (G2B), а также между разными государственными и муниципальными учреждениями (G2G) [9, с. 231].

С точки зрения политической теории речь может идти о трансформации самих принципов взаимодействия власти и гражданского общества, когда гражданин вместо объекта властно-управленческого воздействия становится полноправным участником процесса принятия политических решений на местном, региональном, и на общенациональном уровне.

По мнению Исполнительного директора неправительственной организации «Центр демократии и технологий» (CDT) Дж. Демпси, процесс становления системы «электронного правительства» можно условно разделить на три стадии: «публичность», «участие» и «онлайн-транзакции» [11, с. 24–25].

Стадия «публичности» предполагает использование новейших коммуникационных технологий для расширения доступа граждан и институтов гражданского общества к интересующей их информации органов государственной власти и местного самоуправления. Одной из форм реализации данной стадии в Российской Федерации может стать создание на базе существующего Интернет-портала «Официальная Россия» (<http://www.gov.ru>) универсальной справочной системы, предоставляющей возможность доступа к информационным ресурсам федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов федерации.

Стадия «участия» подразумевает расширение возможностей граждан в управлении государственными и общественными делами на всех уровнях власти и на протяжении всего цикла подготовки и принятия политических решений. Информационные контакты предполагают доведение до органов власти сведений об отношении различных социальных общностей к какому-либо конкретному законопроекту или решению, затрагивающему их интересы. Реализация этой стадии будет способствовать повышению общественного доверия к органам государственной власти и местного самоуправления.

Стадия «онлайн-транзакций» предполагает предоставление услуг государственных и муниципальных учреждений через Интернет – оплату коммунальных платежей, заполнение налоговых деклараций и сбор налогов, регистрацию общественных объединений. Это будет способствовать упрощению бюрократических процедур и сокращению сроков при оформлении необходимых документов Российской Федерации.

В Федеральной целевой программе «Электронная Россия» на 2002–2010 гг. [7] проблеме повышения эффективности функционирования и взаимодействия органов власти уделяется самое пристальное внимание.

Подписание Президентом Российской Федерации В. В. Путиным в июле 2000 г. Окинавской Хартии глобального информационного общества означает, что государство взяло на себя обязательства обеспечить поддержку экономической и социальной трансформации, суть которой, согласно тексту документа, «заключается в ее способности содействовать людям и обществу в использовании знаний и идей» [1, с. 51].

Сегодня многие политические и государственные деятели полагают, что применение новых технологий способно принести им значительную практическую пользу, но не всегда осознают, какую именно. В итоге Интернет чаще используется, как и традиционные СМК, в качестве еще одного канала вещания, распространения информации от коммуникатора к адресатам. Однако Интернет открывает возможность реализовать и принципиально новую модель политической коммуникации – перейти от «вещания» к демократическому диалогу между «управляющими» и «управляемыми», который бы способствовал достижению и укреплению их взаимного доверия и взаимопонимания на основе равноправного обмена точными, полными и проверяемыми сведениями о политических явлениях и процессах, происходящих в меняющемся обществе.

Библиографический список

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000г.// Дипломатический вестник. – 2000. – №8.
2. Федеральный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2004 - №27 - ст 2710.
3. Закон РФ «О средствах массовой информации» // Собрание законодательства РФ. - 2004 - №27 - ст. 2711.
4. Федеральный закон №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» // Собрание законодательства РФ. – № 24. – ст. 2335.
5. Федеральный закон №175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 26 – ст. 2574.
6. Федеральный закон №19-ФЗ «О выборах Президента РФ»// Собрание законодательства РФ. - 2005. - №2 - ст.171.
7. Постановление Правительства РФ № 65 «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия» (2002-2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №5. – ст. 531.
8. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе.- СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001 г.
9. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004.
10. Гринберг Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама. – М.: Аспект Пресс, 2005.
11. Демпси Дж. Электронное правительство и его выгоды для широких масс// Ежеквартальное издание Института открытого общества. – 2003. зима.
12. Залесский П. К. СМИ и политика в России. – М.: Socio Logos, 2000.
13. Кулик А. Н. Политическая наука: сборник научных трудов, ред. Л.Н. Верченев.– М.: РАН ИНИОН, 2002.
14. Шомова С.А. Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы. – М.:Изд-во ИНИОН, 2006.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Российские политические партии представляют собой организации политически активного меньшинства – «волонтаристические союзы», по определению М. Вебера [1]. Любая форма такого союза становится жизнеспособной лишь при условии четкой организации деятельности и согласованной работы. Составляющие его индивиды объединяются не по принуждению и не по традиции, а сознательно и целенаправленно, поэтому они заинтересованы в сохранении жизнеспособности союза. Однако, по утверждению М. Я. Острогорского, и горсточки людей достаточно, чтобы создать организацию, охватывающую тысячи избирателей [3].

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в основном существовали два непосредственных побудительных мотива партийного строительства. Преобладала ориентация на популярных политических лидеров, когда принадлежность к той или иной партии определялась в соответствии с личностными симпатиями или антипатиями. Единство ценностных ориентации, приверженность определенной системе взглядов или идейно-политическому течению можно охарактеризовать как мотив, имеющий вторичное значение.

Поэтому многие политические партии, сформировавшиеся в последние годы перестройки и в постперестроечной России, можно охарактеризовать как клиентелы, образованные политически активными индивидами, обладающими минимальным уровнем социальности и сгруппировавшимися вокруг популярных политических лидеров.

С середины 90-х гг. XX в. в России появились и другие причины для образования политических партий. Первой из таких причин можно считать раскол внутри уже существующих партий или необходимость политического размежевания между членами ее руководства.

Причинами для формирования новых политических партий также становились перспектива очередных выборов и необходимость организационной консолидации в целях реализации сугубо корпоративных интересов в рамках парламентских структур.

Образование политических партий в современной России в основном осуществлялось двумя способами: 1) путем самоорганизации «снизу», 2) в результате предварительного конструирования структуры политической организации «сверху».

Самоорганизации политической партии предшествовало функционирование неформальных объединений. Затем они эволюционировали к более сложным организационно-правовым формам и, наконец, консти-

туировались в качестве самостоятельных политических единиц. На базе блоков избирателей, с опорой на существующие предвыборные структуры в регионах, были образованы такие крупные политические организации демократической ориентации, как ДВР и объединение «Яблоко» (после выборов в Государственную Думу в декабре 1993 г.).

Из неформальных движений «снизу» партии образовывались преимущественно до 1993 г., когда политически активная часть общества рассматривала создание партий в качестве главного средства реализации собственных политических убеждений, отличных от официальной точки зрения.

Построению партии «сверху» объективно предшествовал длительный период партийного строительства, когда политические лидеры, сплоченные общими корпоративными интересами, использовали накопленные ресурсы, прежде всего административный потенциал политико-организационного ядра партии. Внутри этого ядра разрабатывались программные документы партии и решался вопрос о распределении властных полномочий в создаваемой организации. В российской политической практике инициаторами создания партий таким путем были либо высшие руководители федеральных и региональных органов исполнительной власти, либо представители депутатского корпуса.

Первым опытом создания партий по такому сценарию стало учреждение тех политических партий современной России, которые можно охарактеризовать как «партии власти».

Когда политические партии создавались по инициативе, исходившей от активно функционирующих парламентских фракций с устоявшейся политической репутацией, происходило организационное слияние фракций со своими группами поддержки. Так, например, были образованы Российский общенародный союз (1991 г.) и общественно-политическое движение «Согласие» (1995 г.). Однако эти структуры не получили должного организационного развития, поскольку основной целью их создания было повышение политического статуса соответствующей парламентской фракции.

Некоторые политические партии создавались после дробления существующих партий и движений, став следствием внутрипартийных расколов. Свободно-демократическая партия России возникла в 1990 г. после выхода из Демократической партии России ряда ее организаторов, Российская социально-либеральная партия появилась в начале 1992 г., когда из Республиканской партии РФ вышли сторонники социально-либеральной доктрины.

Унитарный путь партийного строительства возможен либо как объединение нескольких политических партий или организаций, либо как союз общественных объединений и коммерческих структур [3]. Примером слияния отдельных организаций в единую партию стало создание в феврале 1993 г. КПрФ, объединившей существовавшие после 1991 г. ре-

гиональные структуры коммунистической ориентации. Примером второго варианта унитарного пути стало создание Аграрной партии России с опорой на аграрно-промышленные профсоюзы, Аграрный союз и ряд корпоративных организаций сельскохозяйственных производителей.

С середины 90-х гг. XX в. и особенно после принятия Федерального закона «О политических партиях» реализуется еще один источник партийного строительства – преобразование общественно-политических движений в политические партии с индивидуальным фиксированным членством и более жестким характером организационной структуры.

Взглянув на современную российскую многопартийность с организационной точки зрения, необходимо отметить, что ни одно из существующих политических объединений не обладает признаками представительского союза в той степени, в какой это необходимо для полноценной политической партии. И это главный признак, свидетельствующий о неразвитости отечественной партийной жизни. Российские партии не столько представляют интересы различных социальных слоев, сколько выражают настроения, присущие отдельным группам избирателей, которые, в свою очередь, часто объединяют людей с разным социальным статусом. В некоторой степени это можно объяснить неразвитостью гражданского общества в нашей стране: между партиями и избирателями нет мощных представительских союзов, и пока они не сформируются, не появятся ни сильные политические партии, ни полноценная партийная система.

Слабость большинства политических партий и движений в современной России, отсутствие поддержки их действий со стороны общественного мнения определяются отсутствием эффективных каналов взаимодействия между партийными структурами и рядовыми гражданами [4]. Уверенность в том, что институт власти действует правильно и в пределах своей компетенции, может ослабить сопротивление непопулярным решениям. Легитимность является важным аргументом в тех случаях, когда граждане не согласны с действиями своих политических институтов. Если же уверенность избирателей в компетентных действиях данного института отсутствует, любые непопулярные решения могут перерасти в его неприятие.

Российские политические партии изначально были лишены прочного социального фундамента, поскольку их создание предшествовало социальному структурированию общества, и этот фундамент до сих пор отсутствует. В 90-е гг. XX в. партии не были востребованы массами: если в 1993 г. члены всех политических партий Российской Федерации составляли 1% населения страны, то к 1999 г. их доля возросла до 1,8% [6].

Одна из наиболее важных причин неудовлетворенности россиян процессом демократизации состояла в отчуждении подавляющей части населения России от существующих политических институтов, созданных

элитой и для элиты. Это приводило к нежеланию граждан участвовать в деятельности политических партий и активно их поддерживать, что в свою очередь вело к монополизации политических институтов представителями политической элиты и партийными функционерами [6].

Партии в нашей стране не являются формой участия граждан в принятии политических решений и институтами, контролирующими власть. Поскольку политическая активность большинства граждан по-прежнему ограничена голосованием, постольку российская политика сохраняет свой элитарный, а еще точнее, изоляционистский характер.

Проблемы, с которыми сталкивается значительная часть российского общества, приводят к тому, что основная часть населения не может ждать, пока политические институты постепенно начнут функционировать в интересах большинства граждан. В результате чувство неудовлетворенности функционированием политических институтов выливается в недоверие по отношению к ним.

В 90-е гг. XX в. в условиях неудовлетворенности населения существующими в России политическими институтами проблема легитимности самих политических институтов была основой формирования кризисной ситуации. Ни одна из моделей легитимности власти, предложенных М. Вебером [1], не демонстрировала своей эффективности в России. У нас не сформировались условия ни для традиционной легитимности – ввиду отсутствия соответствующих традиций, ни для харизматической легитимности — ввиду утраты доверия к политическим лидерам, не способным найти выход из углубляющегося кризиса, ни для рациональной легитимности – ввиду несоответствия интересов политической элиты интересам большинства граждан. В этих условиях легитимность политических институтов не могли обеспечить даже выборы: большинство избирателей через определенное время после выборов выражало негативное отношение к избранной власти, поскольку она не решала их проблем и по большому счету не несла перед избирателями никакой ответственности [5].

Политические партии современной России, формально будучи массовыми, по своей сути остаются кадровыми. Это позволяет им приспосабливаться к изменяющимся условиям партийной конкуренции, сохранять политическую гибкость и маневренность, но они как не представляли ранее, так и не представляют до сих пор интересов отдельных социальных групп. Их отличают мессианские тенденции, поскольку в партийных программах явно просматривается попытка отражать интересы и настроения общества в целом. Некоторые партии, имея предвыборную платформу, не имеют достаточно определенной программы партии. Большинство партий не отличаются социальной и политической определенностью, их политические платформы страдают эклектичностью, что связано со стремлением удовлетворить запросы как можно большей части электората.

Предотвращение кризисных явлений в обществе возможно, если правительство, избранное демократическим путем, не преминет своевременно учитывать интересы и требования различных групп населения, а его деятельность будет открыта для цивилизованной критики. Таким образом власть сможет доказать свою приверженность подлинно демократическим ценностям и предоставит возможность всем социальным силам в рамках гражданского общества участвовать в преодолении негативных явлений, складывающихся по мере проведения реформ. Если же в данных условиях какая-либо политическая партия откажется пойти на сотрудничество, то подобная тактика негативно скажется на ее собственной популярности, примером чему может служить партия «Яблоко», теряющая своих избирателей от выборов к выборам.

Преобладание конъюнктурных и сиюминутных тактических расчетов в политике затрудняет долгосрочное планирование. В стабильной ситуации, когда достаточно только успешного администрирования, это не имеет серьезных последствий. Но когда речь идет о необходимости решения серьезных проблем, поиске путей выхода из кризиса, эффективность планируемой и проводимой политики от этого неизбежно страдает.

Профессионализация партийной верхушки, увеличение дистанции между нею и рядовыми членами партии, уменьшение влияния партийной массы на политику партии и внутрипартийные дела ослабляют роль политических партий как составной части гражданского общества. Это в определенной степени приводит к огосударствлению партий и затрудняет поиск путей эффективного преодоления кризисных явлений исходя из интересов определенной части электората.

Серьезными изъянами в деятельности современных российских политических партий являются преобладание центробежных тенденций над центростремительными, неспособность к консолидации партийных сил. Наиболее заметные партии не способны расширить свой электорат, установить прочную взаимосвязь с близкими им по духу социальными силами. До сих пор не решена проблема социальной идентификации. Партии не превратились в авторитетную силу, способную предлагать и реализовывать конструктивные программы.

Очень часто создается лишь видимость вовлечения социума в процессы реформ, инициируемых сверху, в то время как общество не готово к навязываемым радикальным переменам. Все трансформации в российском обществе вызывались процессами, происходившими внутри элиты. Взгляды и ценности самого общества были факторами во многом вторичными. Закрытость элиты для нижних слоев, характерная для современной России, может существовать в рамках достаточно стабильной системы только в том случае, когда для способных выходцев снизу есть разумная социальная аль-

тернатива. В современной России подобной альтернативы, которая могла бы сыграть роль социального амортизатора, не существует.

Библиографический список

1. Вебер М. Политика как призвание и как профессия//Избранные произведения. – М., 1990.
2. Леванский В. А., Любутов А. С. Политический спектр Российской Федерации: структурно-таксономический анализ // Государство и право. – 1997. №9.
3. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. – М., 1997.
4. Попов С. А. Партии, демократы, выборы. – М., 2003.
5. Соловьёв А. Электоральный дефолт и деинституционализация политического рынка // Полис, 2004, №1.
6. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ, – 2000. – №4.

Л. В. Киреева

ПГПУ им. В.Г. Белинского

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Развитие современного общества очень стремительно и сочетает в себе одновременно процессы интеграции и дифференциации. С одной стороны, происходит сближение и взаимодействие различных областей жизнедеятельности человека, с другой стороны, процессы дифференциации настолько отдаляют друг от друга различные области, что происходит формирование отдельных отраслей со своими специфическими особенностями, языком общения внутри достаточно узкопрофессиональных сфер. Наше общество находится в состоянии перехода от индустриального к информационному этапу своего развития.

Уже сегодня говоря о состоянии современного информационного пространства, можно обозначить наиболее ярко проявляющиеся черты:

- Расширение самого информационного пространства за счет использования новых технических и технологических возможностей;
- Увеличение насыщенности и скорости движения информационных потоков;
- Чрезмерное переплетение информационных потоков;
- Одновременный переизбыток и недостаток информации, снижение ее качества и искажение за счет быстрого увеличения количества информации;
- Усиление давления на человека информационной системы не только фоновой, но и необходимой.

Все это создает серьезные проблемы в ходе жизнедеятельности человека, т.к. требует постоянного обновления индивидуальных знаний. Тенденция постоянного усложнения общества, а, следовательно, и его подсистем, предъявляет к человеку, как к конкретному исполнителю определенной функции ряд требований. Каждый должен владеть не только специфическими достаточно узкоспециализированными знаниями, но и иметь высокий уровень общего развития и образования.

Человека, живущего в информационном обществе, должны характеризовать следующие черты:

- Образованность;
- Коммуникабельность;
- Мобильность в информационном пространстве;
- Развитость логического мышления, способность адаптировать информацию;
- Постоянная обучаемость;
- Развитость адаптивных способностей и механизмов защиты в информационной среде.

При приложении определенных усилий этих характеристик можно достичь и сегодня, но возможно это только в частных случаях. Дальнейшее развитие общества потребует массового проявления вышеперечисленных характеристик. Человек должен обладать большим багажом знаний, чтобы соответствовать всем этим чертам, а их он может приобрести в основном объеме с помощью системы образования. Несомненно, что образование – один из важнейших социальных институтов современного общества и его изменения должны исходить из реальных потребностей всей системы.

Способности любого человека в ходе обучения развиваются, и если при этом направлены на формирование и развитие вышеупомянутых характеристик, то становятся залогом дальнейшей успешной жизнедеятельности в обществе. Эффективность развития этих черт во многом зависит от применяемых в образовательном процессе методик. Потребителями образовательных услуг являются люди, которых можно дифференцировать по самым разным признакам, начиная от индивидуальных особенностей и заканчивая уровнем образования. Все они разные, с разными возможностями и задатками, поэтому важное место в процессе включения индивида в образовательное пространство должна занимать диагностика. Она должна охватывать всевозможные, индивидуальные характеристики. Например, психологические (тип темперамента), умственные, социальные и т. д.

Одним из показателей развития информационного общества может служить уровень применения информационных технологий в процессе обучения. В системе современного образования возможности информационных технологий используются с каждым годом все активнее, особенно в системе

контроля знаний. Такая ситуация характерна в большей части для очной формы обучения, заочная же в большей степени не изменилась и существует в традиционной форме. Но совершенно иная ситуация с дистанционной моделью обучения, которая и базируется на применении новых информационных технологий и коммуникаций. Как раз развитость и востребованность системы дистанционного обучения (ДО) может служить хорошим индикатором, показывающим готовность людей к потреблению и обработке информации, получаемой с помощью информационных технологий.

Развитие ДО связано с изменением взглядов на образование как неизменяемую систему. Смена парадигмы происходит и в науке в целом, и в системе образования; этот процесс не простой, даже болезненный, но без него невозможно развитие общества на новых началах. В этих условиях именно ДО способствует распространению идей демократизма, плюрализма, утверждению духа свободы; данные идеи закреплены в законе РФ «Об образовании».

Применение новых технологий обучения опирается на совокупность психологических, педагогических и социальных знаний, а реализация различных методик и программ обучения способствует здоровой конкуренции разных форм организации образовательного процесса.

ДО усиливает значимость индивидуального подхода к учащемуся. Студенты усваивают знания и умения через множество индивидуальных форм учебы – от самостоятельного изучения тем по специально разработанным учебным пособиям, их углубления с помощью обучающих компьютерных программ до различных видов активных семинаров (деловых и операционных игр, дискуссий). В связи с этим ощутимо расширение веера образовательных возможностей индивида. Дистанционное обучение дает ему принципиально новые шансы, обеспечивая не только увеличение количества информации, но и приобретение новых навыков и умений. В их числе – умение свободно ориентироваться в современных базах данных, взаимодействовать с членами учебного коллектива в целях достижения общих и социально значимых результатов, повышать уровень интеллектуального развития с опорой на поисковые системы.

Все же развитие дистанционного обучения в нашей стране находится еще, по сравнению с зарубежными странами, на уровне становления и апробации в современном его виде. Для прояснения ситуации на рынке образовательных услуг можно привести результаты исследования, которое было проведено в 2006 г. в 5 вузах Белгорода. Опрос проводился в виде анкетирования среди студентов дневной и заочной формы обучения. были выделены 2 группы: 1) имеющие опыт обучения по дистанционной модели, 2) обучающиеся по традиционной модели [3].

Данные анкетирования показали, что 85 % опрошенных студентов знакомы с моделью дистанционного обучения, но лишь 34% из них увере-

ны, что знают все ее особенности. 15 % не имеют представления об этой модели. Как выяснилось, потребность в дистанционном образовании имеет четкие границы, в рамках которых оформляется контингент лиц, желающих обучаться по этой модели. Среди опрошенных их 28,7 %.

Пересчет процентов лиц, удовлетворенных выбором образовательной модели, по группам, показал, что тех, кто учится по традиционной модели и удовлетворен ею – 95,4 %. Только 4,6 % не устраивает эта форма обучения. Среди учащихся по дистанционной модели удовлетворены только 56,6 %, а 43,4 % предпочли бы привычную, традиционную модель. Видимо, отмеченные в литературе преимущества дистанционной модели зачастую остаются не востребуемыми, что ведет к неудовлетворенности потребителей.

Основу дистанционной модели составляет активное использование современных информационных и коммуникационных технологий. Это предполагает прежде всего умение грамотно использовать компьютер, а также современные информационные и телекоммуникационные средства связи. В ходе опроса было установлено, что 78 % респондентов имеют в личном пользовании персональный компьютер, но только 8 % опрошенных предпочитают в процессе обучения в вузе пользоваться ресурсами Интернета. Самостоятельно изучать дисциплину, используя обучающую программу, желали бы 7 % опрошенных. Причем студенты, обучающиеся как по дистанционной, так и по традиционной модели, едины во мнении – самостоятельное изучение дисциплины посредством компьютерной программы для них затруднительно (42 % и 46 % соответственно по группе).

Для оценки готовности пользования современными компьютерными технологиями было выделено 3 уровня: 1) элементарный – респондент пользуется игровыми программами и типовыми средствами MS Office или аналогичными им; 2) респондент умеет согласовывать работу программного обеспечения на своем компьютере; 3) программирует задачи и базы имеющихся прикладных программ. Оказалось, что большинство респондентов (68%) являются обычными пользователями ПК на самом элементарном уровне, а 12% не владеют и такими навыками.

Одним из достоинств дистанционной модели обучения является индивидуализация обучения, цель которой – обеспечение независимости учебного процесса. Сроки освоения образовательной программы могут также варьироваться. Это означает, что при наличии профессионального образования соответствующего профиля или высшего профессионального образования различных ступеней обучающийся имеет право на реализацию так называемых сокращенных основных образовательных программ высшего профессионального образования.

В ходе исследования было установлено, что из общего числа респондентов 33 % пожелали иметь индивидуальный график обучения. Количество тех, кто

хотел бы обучаться по сокращенной образовательной программе, составило 20 % (66 % из них студенты заочной формы обучения). Однако, как показывает практика, только единицы студентов решаются на сокращенные образовательные программы – желания и намерения с возможностями часто не совпадают.

31 % опрошенных учащихся по традиционной модели образования хотел бы иметь возможность самостоятельного выбора дополнительных изучаемых дисциплин. 21 % доверяет программе образования и желает изучать дисциплины только в соответствии с ней. 39 % желали бы сократить программу и изучать только узкопрофессиональные дисциплины. Потребности учащихся по дистанционной модели образования в выборе учебных дисциплин отличаются от первых незначительно. Наиболее заметное отличие составляет доверие программе образования – 36 % студентов выбрали этот пункт. Проявили желание иметь возможность выбора дополнительных изучаемых дисциплин 23 %, что несколько ниже, чем в первой группе. Следует учесть, что большая часть студентов сегодня вынуждены идти на работу, чтобы оплатить свою учебу.

Важным отличием дистанционной модели от традиционной является развитие личностных качеств обучаемого, в частности его способности к непрерывному образованию и самообразованию, что соответствует одной из тенденций современного образования. Оказалось, что на самостоятельное решение поставленной задачи надеются только 36 % опрошенных. Доминантной в этом ряду стала группа респондентов, готовых принять помощь при возникновении трудностей в учебе. Она составила 51 %. Выяснилось, что только 39 % опрошенных тщательно учат предмет, сдают задания без помощи уловок.

При организации обучения с использованием дистанционных технологий важную функцию выполняет самоконтроль. Среди опрошенных 51 % пытаются осуществлять самоконтроль. Но, к сожалению, эти попытки не всегда доходят до конечного результата. Очень часто возникают психологические проблемы, которые студент преодолеть не может, т.е. ему необходим дополнительный стимул со стороны, выраженный либо в назидательной форме, либо в «карающей». Другая категория студентов (15 %) даже не пытаются контролировать себя и следовать учебному плану, учить лекционный материал, выполнять практические задания вплоть до сессии. Еще 14 % студентов дожидаются некоторого временного отрезка перед отчетным периодом и только тогда начинают готовиться к предстоящему контролю. Только 20 % опрошенных на деле осуществляют самоконтроль учебного процесса, выраженный в систематическом выполнении всех типов учебных поручений. Напрашивается вывод, что модель образования, построенная на обязательной систематичности, самостоятельности и самоконтроле, коей является дистанционная модель, пока не может быть сполна востребована студентами.

Итак, данные исследования свидетельствуют о том, что традиционная форма организации обучения, где в основе лежит живое интерактивное общение преподавателя и студента, пока доминирует в образовательных потребностях студентов. Дистанционная же модель в том виде, в котором она внедряется сегодня в регионах, остается не полностью востребованной. Согласно результатам исследования, причины этому в следующем: во-первых, уровень требований для использования информационно-коммуникационных технологий в образовании значительно выше, чем реальные знания, навыки и умения студентов; во-вторых, такие ступени образования, как дошкольное и школьное, не предполагали альтернативу занятиям с педагогом и как следствие – для студентов характерны привыкание к классическим и сложностям адаптации к современным методам обучения, поскольку последние рассчитаны, прежде всего на самостоятельное овладение учебным материалом. Поэтому дистанционная образовательная модель в данный момент еще не раскрыла заложенных в ней возможностей, полное использование которых, несомненно, способно существенно повысить эффективность обучения в высшей школе.

Вышеописанная ситуация является достаточно типичной и служит подтверждением все большей технологизации нашей жизни – с одной стороны и отставанием в области внедрения современных технических возможностей в широкое использование с другой. В большей степени это связано с психологической неготовностью людей к принятию и обработке информации путем, отличным от традиционного образца.

Адаптированность людей к системе дистанционного обучения на современном этапе в России достаточно низкая. В других странах, где активное использование информационных технологий в обучении началось раньше и приобрело более массовый характер, степень адаптированности на сегодняшний день выше. Нужно отметить, что сложившаяся ситуация (с использованием ДО) носит скорее вынужденный, чем осознанный и спланированный характер. Только у небольшой части населения сформирована потребность в постоянном обучении и высока степень самоконтроля.

Библиографический список

1. Буртова Е. В. Особенности дистанционного обучения в российском образовательном пространстве // Телекоммуникация и информатизация образования. – 2005. – № 6.
2. Данилов Д. В. Дидактические основания дистанционного обучения // Телекоммуникация и информатизация образования. – 2005. – № 3.
3. Прокопенко Ю. А., Бакшеева Л. М. Потребности студентов в дистанционной модели образования // Социологические исследования. – 2007. – № 3.
4. Карпенко М. П. Дистанционное образование: опыт становления и развития. // Социологические исследования. – 2007. – № 3.

Е. Н. Успенская

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНДУИЗМА И КАСТОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Индуизм существует как религия кастового общества, и поэтому часто рассматривается как идеология касты. Например, М. К. Кудрявцев писал так: «кастовая идеология – это совокупность идей, которыми руководствуется кастовое общество в своем духовном быту. Некоторые из этих идей общиндийские, свойственные индийцам разных мировоззрений, философских школ и религий, другие характеризуют определенные локальные, этнические или религиозные общности. Одни зародились еще в варновом обществе, другие возникли позднее в процессе эволюции кастового. Различные идеи в разной степени выражали кастовую сущность, но в совокупности это идеология кастового общества». И далее: «Индуизм – это идеология кастового общества» [2, С. 155, 157]. Похоже, однако, что связь между верованиями и их практическими преломлениями не столь одномерна.

В индуизме, как известно, нет какого-либо одного «истинно верного пути», ортодоксального учения. Индуизм – это конгломерат верований, культов, религиозных течений и обрядовых практик; он вполне бессистемен, в нем отсутствует более или менее разработанная теологическая основа, отсутствует централизованная церковная организация. Индуизм отличается своеобразием и безграничностью признаваемого в нем мира богов, а большое количество мифов и легенд связало многочисленных и многообразных персонажей индуистского культа в единый космос. И, хотя структура системы «индуизм» выглядит неорганизованной, в ней есть внутренняя логика, основанная на концептуальном единстве ее составных частей, одинаково признающих базовые понятия и представления, унаследованные от ранних пластов духовных исканий и получившие глубокое развитие в философских системах индуизма.

Индуизм практически осмысляется и реализуется в виде дхармы, это религия дхармы, что отражено в оригинальном, не-европеизированном ее названии: *дхарма*, *вайдик* (букв. «ведическая») *дхарма*, *санатана* (букв. «существующая с незапамятных времен») *дхарма*, или *хинду дхарма*. Обычно слово *дхарма* переводится как «закон, обязанности, справедливость, религиозный долг», но может быть истолковано как «основа жизни», «закон мироздания», так как связано с корнем *дхри-дхар*, «держатель».

В исключительно многокомпонентное понятие «дхарма» входят санкционированные и верифицированные индуизмом в лице брахманских идеологов феномены общественной и духовной жизни, которые в конечном счете призваны сохранять и воспроизводить стабильный миропорядок, дхарму как «закон» мироздания. К этой сфере можно отнести моральные правила, этические нормы, религиозные верования, культовые практики, обряды и традиции, суеверия, мифы, магические ритуалы, нормы этикета и поведения, общественные предписания и запреты, которые призваны противостоять разрушительным тенденциям, грозящим системе изнутри и извне. Индуизм как дхарма – это совокупность освященных религией правил и установок, соблюдение которых («закон») объявляется необходимым для поддержания миропорядка; этот миропорядок драматическим образом нарушается, если каждый не осознает и не соблюдает своей дхармы. Дхарма – это специфическое понимание закона структурирования космоса и ноосферы, в котором каждый бесконечно большой и ничтожно малый элемент находится на своем месте и движется строго по положенным орбитам жизни.

Невключенный в индуизм наблюдатель воспринимает учение о дхарме как многослойное, вселенских масштабов явление духовной жизни, в котором уровни философского осмысления почти не находят соприкосновения с повседневной практической жизнью индуиста. Многие авторы, которые идут от изучения индийской деревни, от ритуалов, обрядовой практики, бытового жизнеустройства индуистов, не находят в религиозном быту индуистов видимого влияния тех великих шести философских систем *шаддаршана*, которыми восхищаются интеллектуалы мира, ни даже места им. И, напротив, знатоки философии индуизма часто считают касту «этнографической особенностью» Индии.

Между тем индуизм и кастовый строй не существуют один без другого и развивались одновременно и совместно в процессе складывания «пространства дхармы», каковое из первоначальной Арьяварты раздвинулось до естественных пределов Индийского субконтинента и даже шире. В этом движении реализовались заложенные в брахманическом учении социально-моделирующие потенции, которые придают ему характер системообразующей идеологии. Социальная концепция индуизма представлена в учении *чатурварнашарама дхарма* (дхарма четырех варн и четырех стадий жизни), которая легла в основу брахманической идеологии касты. Человеческое общество осмысляется в этой системе представлений как естественный компонент космического миропорядка, и деятельность каждого человека и особенно правителя должна быть направлена на его поддержание и охрану. Стабильность миропорядка поддерживается, как учат брахманские идеологи, праведностью, твер-

достью в дхарме каждого отдельного человека и всех вместе, в условиях хронических разрушительных тенденций, свойственных, как они говорят, *калиюге*, т. е. историческому времени.

Концепция четырех варн известна не только как традиционная брахманическая схема кастовой организации, она легла в основу научной трактовки касты. Здесь сыграло свою роль влияние брахманической элиты на формирование общественного мнения о касте, некритично воспринятое английской школой этнографии и унаследованное ее преемниками и продолжателями. Хотя известно, что некоторые направления индуизма не принимают концепцию *варнашрама дхарма* – например, тантрические традиции ее отвергают именно потому, что она является неотъемлемой принадлежностью брахманской идеологии [5, С. 58].

Брахманическая теория общества строится на том, что дхарма предполагает такой социальный строй, при котором все общественные и экономические функции и обязанности распределены между конкретными группами людей и такой порядок вещей сакрализован. Гладкое, без шероховатостей и без неожиданностей взаимодействие составных частей общества, как считается, гарантирует благополучие общества в целом и, кроме того, способствует поддержанию гармонии во всей Вселенной. Дхарма, как уже говорилось, считается уходящей своими корнями в строение всего космоса, и социально-этический закон для человечества является не более чем одной из граней универсального всепроникающего и всепронизывающего закона, охватывающего своим действием все сущее. Часто цитируется изречение: «Дхарма (закон), когда он не соблюдается, – губит и разрушает, а когда он соблюдается, он защищает. Поэтому дхарма не должна нарушаться, а иначе, нарушенная, она уничтожит нас» [1. С. 8.15]. Теория *варнашрама* воплощает в себе социально-регулятивные потенции индуизма, а его культово-обрядовая сторона напрямую зависит от положения потребителя идей индуизма в обществе. У всех каст свой индуизм, своя хинду дхарма, и это факт, известный всем индуистам, но малоизвестный исследователям, которые обоснованно увлекаются анализом религиозно-философской и культовой сторон индуизма, но не замечают социально-моделирующей основы индуистской концепции мироустройства. Это учение *свадхарма* («своя дхарма») является в высшей степени существенным и принципиальным: дхарма это не просто правильное и нравственное поведение в общеизвестном смысле слова, но подробно расписанный и специализированный для каждой касты и для каждой жизненной ситуации образ жизни. Эта конкретизация касается также всего комплекса жертвоприношений и ритуалов; обрядов самскара, которые совершаются в переходные и кризисные периоды жизни человека; брачных законов, права наследо-

вания, регламентации взаимоотношений между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, учителями и учениками; даже определение греха и праздники разные.

Брахманическая традиция, оперируя понятием *свадхарма*, конкретизирует его в аспектах *джати-дхарма* и *кула-дхарма*; этот подход представляется методологически верным и при научном рассмотрении вопроса, так как принимает во внимание роль социальной категории *джати* в кастовом обществе и несводимость индуизма к кастовой идеологии.

Кастовое общество строится на глубоко идеологизированном системном взаимодействии между обособленными категориями родственности *джати* (в терминологии западных исследователей «эндогамные под-касты»). Касты, этно-кастовые общности, варны (в их современном содержании) имеют в своей основе джати как базовые модули структуры¹. Именно на уровне организации джати проявляются все сущностные черты индийского традиционного общества. Отношения между джати строятся на началах минимизации контактов, строго регламентированы и ритуализованы, а религиозные обоснования этого способа общения составляют, в сущности, ресурс идей индуизма – в том числе таких основополагающих, как концепты кармы и дхармы.

Брахманы учат, что существует несколько аспектов дхармы: 1) всеобщие правила дхармы, которые должны выполнять все. Это почитание богов, совершение ритуалов, уважение священного статуса коров и некоторых других животных и растений, а также признание безусловного превосходства брахманов и святых людей. Усвоение этих основ, этого «символа веры» индуизма, означает санскритизацию общности; 2) джати-дхарма; 3) кула-дхарма; 4) правила дхармы для особых ситуаций имеют отношение к определенным социальным категориям и к особым обстоятельствам жизни. Например, к маленьким детям, к тяжело больным людям, или к положению правителя, что тоже характерно. Правитель не принадлежит себе. Он инструмент дхармы; 5) правила дхармы для исключительных обстоятельств, *анад-дхарма*. Исключительными признаются такие обстоятельства, при которых индуист выходит из своего культурного поля. Например, отправляется в путешествие в город или за море. Для спасения жизни можно временно пренебречь отдельными требованиями, и именно это оговорено в правилах дхармы для исключительных обстоятельств. Во время несчастий можно обратиться к занятиям нижестоящей варны. При этом все равно должны соблюдаться известные ограничения (брахманы ни при каких обстоятельствах не могут, например, торговать кожами или пахать плугом).

¹ В контексте предложенной темы термины «каста» и «джати» в некоторых случаях можно применять как синонимичные.

Джати-дхарма (дхарма касты) представляет собой социально-регулятивный аспект индуизма; она наделяет священным статусом традиционную профессиональную деятельность каждой отдельной касты, рассматривая ее как долг этой касты перед обществом: каждая каста должна твердо стоять на своем участке ответственности в поддержании Дхармы. Только предписанная джати-дхармой, т. е. санкционированная обществом трудовая деятельность рассматривается как ритуал служения, деяния на пути дхармы, а само выполнение джати-дхармы делает человека практикующим индуистом. От него, если он не брахман, не требуется сосредоточенность на выполнении ритуалов у алтаря – его дхарма состоит в качественном исполнении своих профессиональных обязанностей на благо кастового сообщества, отношения в котором выстроены по принципу комплиментарности каст в создании экономических условий существования, в поддержании порядка и в выполнении ритуалов. Джати-дхарма тесно связана с кастовым режимом, который на стороннего наблюдателя производит тяжелое впечатление необычайной регламентированностью бытовых ситуаций и житейских взаимоотношений, «несвободой».

Джати состоят из экзогамных подразделений *кула*, или *готра*, которые представляют собой коллективы родственников, складывающиеся в соответствии с законами обычного права. *Кула* играют ключевую роль в области брачных отношений. Все, у кого во всех деталях одинаковая *кула-дхарма* (дхарма семейно-родственной группы), являются родственниками, и брачные отношения в этом кругу запрещены. Кула-дхарма связана с традиционными приоритетами семейно-родственных подразделений касты в культовой практике и их обязанностями в этой области; она относится к тому кругу религиозных представлений и тем видам обрядов и ритуалов, которые реализуются в семье и чаще всего определяются в литературе как «религиозная практика индуизма», хотя индуизм этими аспектами влияния не исчерпывается, о чем сказано выше.

Культура сообщества индуистов дискретно-вариативна. В результате действия концептуальной модели санскритизации, принятой в брахманической практике налаживания межэтнических контактов, сообщество индуистов приобрело клеточно-агломеративный кастовый характер. Многие ячейки кастового общества (джати) сохраняют глубокое своеобразие культуры, донесенное до наших дней из времен до-брахманического состояния и даже усиленное под влиянием кастовой замкнутости – например, хозяйственно-культурный тип охотников-собирателей под видом кастового занятия «плетельщики корзин» или матрилинейный счет родства. Принципиальная приемлемость такого положения дел оформлена в виде учения о джати-дхарме.

Индуизм принял свой эклектичный вид в ходе масштабного процесса «собирания» разнообразных ведических и не-ведических культов и

религиозных практик в единый комплекс на основе понятийного языка Вед и брахманических учений, что являлось одним из аспектов санскритизации. Спектр вариантов культовой практики в индуизме феноменально широк, потому что они рассматриваются как традиции семьи и рода, которые необходимо поддерживать из уважения к предкам и богине-покровительнице рода. В этом представлении лежит объяснение отсутствия прозелитизма в индуизме: «Нет другого пути стать хинду, как родиться в одной из многочисленных джати» [9. С. 148]. Вполне равноправное существование многих и разных моделей религиозного благочестия в индуизме возможно благодаря учению о кула-дхарме. Как правило, даже образованные пандиты имеют весьма смутное представление об особенностях многочисленных течений, сект и учений индуизма – об этом образно сказал английский миссионер Э. Ш. Окли: «Индуист пребывает в одной из проток или заводей великой реки индуизма, и обычно не имеет ясного представления о ее размерах» [8. С. 163].

Практический индуизм не требует от своих приверженцев понимания «всего индуизма». Брахманы признают минимальные со стороны других каст усилия в отправлении культа (в смысле совершения обрядов) вполне достаточными; главное – не нарушать порядок мироустройства. Индуист, если он не стал отшельником или аскетом, должен следовать традициям своей социальной группы и вести предписанную ей «правильную» жизнь, тем самым получая право думать, что он хорошо соблюдает свою дхарму и будет за это кармически вознагражден. Какие именно боги и культовые персонажи станут для человека главными объектами почитания, зависит от принадлежности его к определенной семейно-родственной и кастовой группе. Некоторые исследователи говорят даже, что для индуиста важно не то, в каких богов он верит, а то, насколько скрупулезно он выполняет ритуалы и культовые предписания своей социальной группы (касты и семьи, клана). Ф. Стааль: индуист «может быть теистом, пантеистом, атеистом, коммунистом, верить во что пожелает, но именно то, что он делает – ритуалы, которые он выполняет, и правила, которым он следует, делают его самого индуистом» [10, С. 389].

Кастовая идеология имеет непосредственное отношение к тому, что именуется в науке popular Hinduism – «индуизм, который можно назвать «простонародным» в отличие от текстуального, философского индуизма, представленного и разработанного в священных текстах» [6 С. 5]. Действительно, у не-брахманских каст в отсутствие специальных книг, сравнимых по значению с брахманическими шрути и смрити, особое значение приобретает живая традиция. Образ жизни не-брахманских каст формируется на основе *вриддхачара* «поведения старых», уважаемых людей, которые знают, что подходит для конкретного времени, места и ситуации

именно для данной касты. Они руководствуются некодифицированными представлениями о дхарме своих каст и семей. Индуист уже в детстве, в семье узнает правила своей касты, и в соответствии с ними ведет себя во всех мыслимых жизненных ситуациях: в труде, в быту, в общении, а потом и в устройстве брака для себя и своих детей. Он, как и его отец, дед и прадед, поддерживает принятый в семье вариант веры и ритуала, слушается наставников и учителей однажды выбранной предками традиции, совершает паломничества в известные семье храмы и к «своим» тиртхам, и передаст эти нормы сыновьям и внукам. Кастовые панчаяты и руководители многочисленных «традиций» *сампрадая* строго контролируют своих подчиненных, внимательно следя за каждым их шагом и проводя нужные идеологические установки. Если необходимо – применяют наказания, вплоть до изгнания из касты и общества. Даже в условиях модернизации общественного быта традиция торжествует: культурные нормы социальной группы, к которой человек принадлежит по праву рождения, становятся его собственными и обязательными к исполнению, и коллектив родственников строго следит за тем, чтобы все его члены соблюдали законы предков. В кастовом обществе отношение человека к религии жестко предопределено через традицию рода, и пути выхода из этой предопределенности может осилить только очень талантливый и творческий человек, за которым пойдут другие люди, чему свидетельство история индийской философии и история социальных реформ в Индии.

В кастовой идеологии усвоены, хотя в редуцированной и усредненной форме, магистральные концепции индуизма, и в этом видна работа брахманов по санскритизации своих «подданных». Главным источником для изучения джати-дхармы и кула-дхармы являются так называемые «истории каст», предания о происхождении и жизненном предназначении разных джати, передающиеся в этих группах от поколения к поколению. Они есть в каждой уважающей себя джати и, как правило, созданы стараниями тех наставнических каст, которые следят за поддержанием традиций – и это не всегда брахманы. Часто в такой роли выступают представители специальных каст генеалогов (в таких просматривается сохранивший себя с до-брахманического состояния какой-нибудь древний род жрецов племенной религии) или бродячие сказители и артисты, которые всегда рады спросу на свой труд и исполняют, и запомнят на следующий случай все, о чем попросят. «Истории каст», как правило, содержат лишь очень приблизительные намеки на правильное понимание брахманической традиции. Но они могут дать хороший материал по этнографии самой касты, что в нашем случае гораздо важнее. В этом отношении уникальны семейные генеалогии, исторические хроники, героические песни и «печальные песни» раджпутов, по которым понятно:

кастовых общностей, равных раджпутам по полноте понимания своего жизненного предназначения, в Индии больше нет.

Брахманические идеологемы, имеющие отношение к варновому (а потом и к кастовому) строю и правилам жизни для варн и каст, давно известны европейской науке благодаря широкой доступности таких источников, как Законы Ману и Артхашастра. В древнеиндийском обществе домохозяин *грихастха*, глава большесемейной или родовой общины, обладал всей полнотой прав в личной и общественной жизни и особенно в ритуале, и он же имел обязанности перед своими родичами и всем миром, включая космические аспекты. Законоучители авторитетно разъясняют, как грихастха должен выполнять дхарму своей варны, чего от него ожидает общество, что запрещено, и как его обязанности соотносятся с более широким космическим значением дхармы. Брахманы учили, в частности, что строгая эндогамия варны (а потом и касты) способна защитить дхарму, в то время как нарушение этого требования ведет к губительному смешению варн *варна-самкара* и к появлению хаотичного разнообразия каст. На начальных этапах развития социального учения явление *варна-самкара* считалось однозначно неблагоприятным, но преходящим.

С усложнением структуры сообщества индуистов и появлением множества моделей поведения закономерно произошли изменения в идеологии варны и касты, и они отражены в Бхагавадгите, на учение которой ссылаются почти все касты. Следование дхарме своей варны – это долг. Никакая работа не плоха, не нечиста и не грешна, а ее плоды оцениваются по соответствию дхарме. Даже если собственная дхарма кажется недостойной, ее выполнение приносит благо, и это правильнее, чем следовать самой замечательной, но чужой дхарме. Собственная дхарма рассматривается вне этического различия между добром и злом: моральные категории относительны, но релятивизм в мыслях не ведет к анархии в обществе. «Чужая дхарма опасна последствиями». Учение о собственной дхарме, которую надо выполнять во что бы то ни стало, невзирая на ее моральную оценку со стороны людей, тесно соприкасается с учением о карме. Человек может продвигаться по пути совершенствования и улучшения индивидуальной кармы, выполняя обыденные обязанности своей варны и касты.

Л. Дюмон [4] приписывал заслугу структурирования индуистского социального пространства почти врожденному чувству ритуальной чистоты, свойственному индуистам. Хотя, как видим, индуистами скорее руководит стремление не нарушить дхарму, которую в их мире стараются укрепить не только люди, но и, например, вода («дхарма воды – течь, и вода не смотрит, кто ее пьет, поит всех», «Солнце одинаково светит и злодею, и доброму»), Луна, огонь и т. д. Человек как существо разумное может осознанно поддерживать гармонию космоса своей деятельностью.

Обязанности и дела для варн и джати назначены в соответствии с природными качествами и возможностями рожденных в них людей. Рождение в хорошей, особенно брахманской, касте в качестве мужчины, в достойной семье и т. д. обусловлено кармой индивидуальной души и плодами прежних деяний. Дхарма нынешнего существования – данность, и в этой уже сыгранной партии стоит задача не уронить лица и накопить хороший баланс деяний к следующей жизни. Для этого нужно совершать лично или заказывать брахману весь спектр ритуалов. Нужно трудиться, но любая трудовая деятельность, по мысли брахманских идеологов, есть вмешательство в результаты божественного творчества, и поэтому должна сопровождаться ритуалами и магическими предосторожностями. Особенно труд ремесленника. Производство продуктов питания, изготовление и употребление пищи – тоже обрядовая практика, и она подробно регламентирована для разных каст. Гигиенические процедуры – строго ритуализованы, и т. д. Вся жизнь человека рассматривается в этой системе представлений как один непрерывный ритуал: не только потому, что необходимых обрядов бесконечно много, и на их проведение могло бы уйти все время, но и потому, что всякая активность, любые жизненные проявления, и даже частности физиологического характера в той или иной ситуации или под тем или иным углом зрения рассматриваются как своеобразное жертвоприношение богам или как необходимые элементы дхармического порядка. Эти представления во всей полноте вошли в идеологию кастового общества.

Женский вопрос в кастовом обществе стоит весьма остро, хотя «решен» давно. основополагающая брахманическая идея известна: дхарма женщины – это любовь, и в выполнении своей дхармы женщина должна соблюдать кастовые правила общения и заботиться о ритуальной чистоте [3, С. 50]. Жена, *пативрата* «та, кто дала обет (служить) мужу», обязана относиться к нему как к богу, и в этом ее дхарма. В связи с этим предназначением женщинам даже можно читать одну из шастр – понятно, Камасутру Ватсьяяны. Классика этого направления брахманического учения – трактат XVIII в. *Стридхарма Паддхати* Трьямбаки [См. 7].

Женщина может участвовать в ритуалах кула-дхармы в семье отца и мужа как дочь своего отца, как жена своего мужа и как мать сына. Участие в ритуалах кула-дхармы, в том числе в обрядах жизненного цикла, становится одной из главных ее забот на весь период жизни в супружестве. Вдова не участвует в семейных ритуалах, она символически умирает для общества. У раджпутов, при особом отношении к предназначению женщины как хранительницы судьбы своего мужа-воина, не развито представление о вдовьей доле: оставшиеся без поддержки раджпутки должны были стать *самти* или погибнуть в массовом жертвенном самосожжении *джаухар*.

Из творческого понимания и развития принципа варна-дхармы и джати-дхармы выросли и благодаря ему сохранили себя дериваты брахманизма, начинавшиеся как ответ на давление брахманической санскритизации и имевшие ясно очерченную социальную базу в не-брахманских слоях общества: буддизм в среде кшатриев, джайнизм у кшатриев и вайшья (потом практически только у вайшья), *бхакти* и «бескастовая» традиция *сантов*, в том числе сикхизм, – в третьей и четвертой варне. Модель социальной «адресности» идеологии и духовного наставничества проявилась и в этих случаях. Буддизм как кшатрийский социальный проект не выжил в Индии, так как не осталось древних кшатриев, но он прекрасно проявил себя как опора государственности и власти в тех странах, где был усвоен местными «воинами и правителями». Способ прямого эмоционального контакта с Богом, т. е. *бхакти*, как наиболее поддающаяся собственным усилиям дорога духовного совершенствования, оказывается тем вариантом культовой практики, которая не ставит ее приверженцев в зависимость от брахманического учения и от самих брахманов с насаждаемыми ими моделями культового поведения, такими, как необходимость кормить и одаривать брахманов и ублажать коров. Здесь особенно проявляется личная воля в стремлении человека к общению с Богом, и в этом отличие от учения брахманов, в котором человек получает своих богов и свой путь духовного совершенствования по факту рождения в определенной *джати* и *кула*.

Новые учения могут найти отклик только в конкретном социальном организме, всегда очень ясно очерченном; или же первоначально аморфная аудитория последователей очень скоро становится корпоративно жесткой и закрытой. Происходит так, как учат джати-дхарма и кула-дхарма.

Библиографический список

1. Законы Ману / Пер. С. Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. – М., 1989.
2. Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. – М., 1992.
3. Biardeau M. Hinduism. The Anthropology of a Civilization. – New Delhi, 1989.
4. Dumont L. Homo Hierarchicus. The Caste System and its Implications. Complete Revised English Edition. – Delhi, 1988.
5. Flood G. An Introduction to Hinduism. – Cambridge, 1996. P. 58.
6. Fuller C. J. The Camphor Flame. Popular Hinduism and Society in India. – Princeton, 1992.
7. Leslie, I. J. The Perfect Wife. The Orthodox Hindu Woman according to the *Stridharmapaddhati* of Tryambakayajvan. – Delhi, 1989.
8. Oakley E. S. Holy Himalaya. – London, 1905.
9. Srinivas M. N. Caste in Modern India and Other Essays. – Bombay, 1962; Staal F. Rules without Meaning: Ritual, Mantras and the Human Sciences. – New York, 1989.

ГЕНЕЗИС ИНДУИСТСКОГО ТАНТРИЗМА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

*Тантризм частично уничтожил древние практики,
частично их поглотил и видоизменил.*

*С тех пор пураническая религия и лежащий в ее основе ведизм
оказываются в той или иной степени пронизаны им.*

Луи Рену

Проблема происхождения индуистского тантризма чрезвычайно сложна. По большому счету, мы не можем с определенностью утверждать, в каком регионе, когда, при каких обстоятельствах и у каких племен, народностей или других социальных групп появляется то, что допустимо обозначить в качестве тантризма. Обо всем этом можно говорить только с известной долей условности. Неясны ни истоки тантризма, ни трансформация возможной «прототантрической» религиозности в зрелую систему.

В самом общем виде тантризм можно определить как **религиозно-философскую, эзотерическую традицию, использующую в качестве своих священных текстов тантры**. Эта традиция получила распространение прежде всего в индуизме и буддизме. Эзотеричность тантризма указывает на стремление его адептов отделять свое учение от «профаных», массовых, учений, доступных всем желающим; тантризм, несмотря на социальную эгалитарность, духовно элитарен, недоступен для непосвященных, и этот факт в его системе координат означает, что именно он может эффективно помочь в обретении универсально значимой для индийской культуры цели – окончательного освобождения от круговорота рождений и смертей (*сансара*). Понятие же «традиции» указывает на передачу определенного знания по цепи учительской преемственности (*парампара*).

Тантризм – это очень сложное, комплексное образование, имеющее множество признаков. На наш взгляд, сводить эти признаки к какому-то одному было бы неверно, хотя эта несводимость не означает, что их нельзя определенным образом упорядочить. Все они могут быть выстроены в своеобразную иерархию. На первое место следует поставить мировоззренческие установки («философию») тантристов, явно или неявно лежащие в основе их духовных практик, на второе – собственно сами практики и то, что к ним относится, а на третье – организационный аспект деятельности тантристов. Среди же установок наиболее важным оказывается понятие *шакти* как высшей универсальной энергии, воплощения абсолютного начала, необходимого звена между миром абсолют-

ной трансцендентности и эмпирической реальностью. Мы предлагаем следующий порядок признаков тантризма:

1. Идея шакти.
2. Микро-макрокосмический параллелизм.
3. Представление об индивидуальном теле как о «зародыше» все-ленной.
4. Идея обретения прижизненного освобождения.
5. Особые посвящения неортодоксального типа.
6. Большое значение магико-оккультной сферы и развития психических сверхспособностей.
7. Особые символы и средства: янтры, мандалы, мудры, мантры и др.
8. Особые ритуальные практики.
9. Огромное практическое значение йоги.
10. «Тонкая» физиология и ключевая роль в ней энергии кундалини.
11. Стираемость социально обусловленных (кастовых) различий в ходе совместных ритуальных действий.
12. Высокое положение женщин, предписание уважать и почитать женщин.
13. Признание божественной сущности духовного наставника.

Здесь перечислены основные (но не единственные) признаки тантризма. При этом первыми названы те, которые относятся к мировоззренческой стороне (1 – 4), затем – к практической (5 – 10), наконец, к организационной (11 – 12). На мнение о том, что на первое место следует поставить практическую сторону, а не теоретическую, мы ответим, что, хотя тантру часто и вполне обоснованно называют *садханой*, т. е. духовной практикой, любая практика должна отталкиваться от каких-то мировоззренческих установок, вносящих в нее смысл и цель.

Вообще говоря, при попытке в сжатой форме схватить сущность какого-нибудь индийского (и особенно индуистского) вероучения мы сталкиваемся с той методологической трудностью, что характеризующие это учение признаки можно подчас легко обнаружить и в других индийских учениях; следовательно, точно дефинировать учение на основе соответствующих признаков почти нельзя. Между индийскими религиозно-философскими системами нет четких границ: все они обладают некоторыми типическими, структурными чертами, присущими им постольку, поскольку они сами принадлежат к индийской духовной культуре как таковой. Одна из важных особенностей данной культуры – ее *инклюзивизм*², или способность «включать» в себя элементы иных культур, ассимилировать их до такой степени, что через какое-то время они начинают восприниматься как исконно индийские. На уровне же отдельных систем внутри индийской культуры, к которым, без сомнения, относятся и религиозно-филосо-

² Идею индийского инклюзивизма активно развивает, например, Пол Хакер (см.: [37]. См. также: [5, с. 268].

софские индийские учения, инклюзивизм проявляется в способности этих учений впитывать постулаты (а также содержание и форму текстов, линии учительской преемственности, организацию общин и т. д.) друг у друга, неуловимо при этом меняясь. Подобное впитывание становится мощным фактором развития данного учения. С инклюзивизмом тесно связан и *синкретизм*. Если инклюзивизм есть способность системы делать своими различные, подчас противоречащие ей, элементы, то синкретизм – это способность располагать эти элементы так, чтобы они подчинялись внутренней логике системы, осмыслились на основе ключевых ее положений; при этом данные элементы способны сохранять относительную самостоятельность, что намекает на их изначальное происхождение. Синкретизм же сочетается с *традиционализмом*, который означает, среди прочего, то, что старые элементы системы, хотя они и вытесняются на периферию элементами новыми, не исчезают окончательно, но сохраняются неопределенно долгое время – столь долгое, сколь существует сама эта система.

Все вышеперечисленное с успехом можно отнести и к тантризму, причем к тантризму даже в гораздо большей мере, потому что возникновение тантризма в Индии создало весьма своеобразную ситуацию «дублирования» школ, при которой одна и та же школа может быть и «конфессиональной», и «тантрической» (например, натха). Действительно, ни один из этих признаков, наверное, не будет являться исключительно «тантрическим» по своему содержанию и может быть найден в иных индийских традициях. Так, вайшнавские общины, пронизанные духом бхакти, также отрицают кастовый строй в ритуале, используют мантры и мудры; «тонкая» физиология признается во всех направлениях йоги, отчасти и в аюрведе; обожествление наставника – вообще характерная черта всех индийских школ, и т. п. Однако в своей совокупности и ранжированности эти признаки и образуют специфический облик индуистского тантризма.

Тантризм – это преимущественно «школьное» движение; за пределами соответствующих школ, в которых разрабатываются те или иные эзотерические доктрины и практики, он не существует. Говорить о «народном», «популярном» тантризме бессмысленно – это всегда традиция инициатическая, требующая серии посвящений. Следовательно, генезис тантризма – это всегда генезис тантрических школ. Тем не менее резонно предположить, что появление тантризма – зрелой и специфической дисциплины – могло состояться уже после того, как основательно развились мифологемы и практики народных и племенных форм религиозности. Именно отгалкиваясь от этих образцов религиозности и модифицируя их, и складывался тантризм³.

³ «Часто небезосновательно полагают, что тантризм коренился, по крайней мере, на ранних этапах, в низших кастах Индии или за пределами арийского влияния. Инкорпорация в тантрическую традицию какого-нибудь ритуала в качестве эзотерического могла представлять окончательный этап поглощения в индуизм примитивного культа плодородия. <...> Многие тантрические божества начали свою карьеру как местные божки». [36, с. 36].

Тантризм нельзя называть отдельной индийской религией: его школы *всегда* относятся либо к индуизму, либо к буддизму. Поскольку нас в данном случае интересует индуистский тантризм, то буддийский аналог мы оставим без рассмотрения, впрочем, обращаясь к нему к нему по мере необходимости.

Прототантрические элементы. Столь сложное образование, как тантризм, безусловно, не могло появиться в одночасье. Прежде чем эта традиция была воспринята индийцами эксплицитно, как особая *неведическая* дисциплина, должно было пройти немало лет и даже столетий его «утробного» развития. И действительно, генезис тантризма растянулся почти на полторы тысячи лет, если не больше. Если бросить взгляд в толщу индийской религиозной истории, то мы обнаружим на разных (наверное, даже на всех) ее этапах, в различных регионах, разнообразные «прототантрические» элементы. По сути, нет ни одного элемента развитых тантрических учений, которым не нашлось бы какого-то соответствия в предыдущие эпохи.

Хотя прямую связь между ведой и тантрой следует отвергнуть, тем не менее в литературе жанра шрути можно обнаружить те или иные элементы, которые допустимо интерпретировать как тантрические. По мнению Ч. Чакраварти, почва для возникновения тантризма была подготовлена уже в ведические времена [30, 120].

Обычно в качестве идеологической предшественницы тантризма называют «Атхарваведу», магические заговоры и заклинания которой использовались в домашней обрядности. Действительно, многие такие заговоры и заклинания напоминают некоторые тантрические практики. Впрочем, магическая сторона индоарийской религиозности представлена и в более старом собрании текстов, «Ригведе». Так, в гимне I. 191 приводится заговор против ядовитых змей и насекомых; в гимне VII. 104 Индра и другие божества призываются для уничтожения различной нечисти. Гимн X. 162 направлен против демонов, которые вредят зародышу в утробе матери. Любопытны и те гимны, содержание которых приближается к тантрическому ритуалистическому классу «шести действий» (*шаткарма*). Так, гимн X. 145 является руководством для отваживании соперницы, а X. 159 – это гимн восхваляющей себя замужней женщины, которая прямо говорит о себе как об «убийце соперниц». При этом женщина достигает полной власти над своим супругом, что можно соотнести с тантрическим ритуалом *вашикарана*, или «постановка под контроль». «Антидемонические» обряды известны и по более поздней литературе – например, из «Ваджасаней-самхиты» (VII. 3) или «Тайттирия-араньяки» (IV. 27). «Тайттирия-брахмана» (II. 3. 10) упоминает мифологический эпизод, в котором Сита, дочь Праджapati, прибегает к

колдовским практикам для завоевания сердца Сомы. Впрочем, отношение к таким практикам у ортодоксов было сравнительно сдержанным.

Также в «Ригведе» (X. 136) мы встречаем описание необычных существ, «косматых аскетов», «подпоясанных ветром»; они способны самостоятельно нестись по воздуху, они нечувствительны к ядам, дружны с гандхарвами, апсарами, богом Рудрой. Эти персонажи выглядят не столько мифологическими существами, сколько реальными людьми, сумевшими обрести необычные психические способности (*сиддхи*), в частности, умение левитировать. Подобные способности играют большую роль в тантризме, служа признаком духовного совершенства адепта. Интересно отметить, что уже в этом довольно архаичном тексте устанавливается связь подобных аскетов с Рудрой; одно из имен Рудры – Шива, который впоследствии оказался связан с тантрическими культами. Вполне может быть, что предтечи этих аскетов, напоминающих своими обликом и способностями шиваитских аскетов, были выходцами из шаманских кругов.

Короткие резкие слова типа *пхат* (которые можно сопоставить с тантрическими *биджа*-мантрами), использовавшиеся в ритуале, также встречаются уже в «Ригведе». В «Тайттирия-араньяке» (IV. 27) упоминаются заклинания, похожие на заклинания из тантрических магических ритуалов (*абхичара*). «Артхашастра» (XIV. 3) также говорит о различных заклинаниях, вызывающих оцепенение существ. В тантризме силе особым образом произнесенного слова (*мантра*) придается огромное значение. В «Ригведе» (X. 125) воспевается священная речь, Вач. Она «пропитала собой небо и землю», она настолько всесильна, что «кого возлюбит, того делает могучим». И еще: «Благодаря мне ест пищу тот, кто смотрит, // Кто дышит и кто слышит сказанное. // Не отдавая себе отчета, они живут мною» [Ригведа]. Именно на этот гимн впоследствии ссылались приверженцы тантризма, отождествляя священную речь с космической энергией-Шакти. Но если в самом этом гимне и трудно обнаружить подобное тождество, он все-таки оказался важен для теоретического обоснования практики рецитации тантрических мантр, или священных формул, посвященных различным божествам. Еще более глубокое развитие представления о священном слове, речи, получили в упанишадах. Мистический первослог *Ом*, который встречается уже в брахманах, становится здесь воплощением абсолютного начала, в форме невыраженного, невербального звука, из которого происходит мир. Небольшая по своему размеру «Мандукья-упанишада» целиком посвящена символике *Ом*, или *Аум*, раскладывая это слог на четыре компонента, каждый из которых соотносится с временами, с определенными уровнями сознания, и др. Излишне говорить о первостепенной важности слога *Ом* в тантре. Мож-

но, например, вспомнить, что одна из чакр, располагающаяся на уровне «третьего глаза» (*аджня*), сопоставлена именно с ним.

Тантрические практики, включающие в себя элементы секса, также не возникли на пустом месте. Пара «секс и ритуал» достаточно хорошо известна еще с ведических времен, если не раньше. В ведической литературе описаны случаи земледельческой сексуальной магии, основанной на той идее, что ритуальное соитие должно даровать почве плодородие. Похожими представлениями насыщены и многие другие ведические ритуалы, например, *ашвамедха* (в котором осуществляется символическое возлежание супруги царя с телом убитого жертвенного коня), *махаврата* и др. В текстах есть пассажи, интерпретирующие ведические ритуалы в сексуальном смысле («Шатапатха-брахмана», I. 1. 18, 20 сл.). В «Айтарея-араньяке» (II. 3. 7. 3.) утверждается, что не следует презирать семя мужчины и кровь женщины, потому что они суть формы Адитья и Агни. В «Брихадараньяка-упанишаде» (VI. 4) половой акт рассматривается как жертвоприношение, в ходе которого мужчина приносит свое семя на алтарь женщины. «Джайминия-брахмана» (I. 17) соотносит истечение семени в чрево женщины с возлиянием молока в огонь, ежедневно происходившем во время агнихотры в каждом арийском доме. В ведических текстах I тыс. до н. э. идея секса еще не связывалась с представлением о мокше и прежде всего подчеркивала аспекты плодородия⁴. Но при всех различиях между ведизмом и тантризмом кажется очевидным, что и там, и тут представление об эротическом выходит за пределы чисто буквального понимания, и сексуальное сношение видится как воплощение неких универсальных космических процессов.

В ритуальных целях также использовалось и вино (*сура*), что напоминает о таком элементе тантрической практики панчамакара, как *мадья*. Вино предлагалось Индре, Ашвинам и Сарасвати на жертвенных церемониях *саутрамани* («Шатапатха-брахмана» V. 4. 5. 19 сл.). Оно применялось также и в ритуале *ваджанея* («Шатапатха-брахмана» V. 1. 2. 10 – 19).

Активно используемый тантризмом комплекс йогических практик – это тоже плод долговременной традиции, восходящей, вероятно, еще к Протоиндийской цивилизации (примерно XXIV – XVIII вв. до н. э.). Буддизм поставил занятие йогическим созерцанием в связь с достижением окончательного освобождения. Эта идея повлияла и на ведическую культуру, что особенно заметно на примере «Майтри-упанишады» (гл. VI). В сущности, все йогические практики в той или иной мере нашли свое место в индуистском тантризме, более того, ряд йогических направлений стал восприниматься исключительно как тантра, например, кундалини-йога. Между йогой и тантрой настолько много схожего, что возникает искушение редуцировать вторую традицию к первой. Тем не

⁴ Ср.: [38, с. 119, 126].

менее йога для тантры – хоть и существенный, но не единственный ее компонент.

Существует свидетельства о прототантрических элементах и со стороны неортодоксальных традиций. Так, «Чуллавагга» (V. 10. 2) сообщает о некоем *бхиккху* (монахе), который брал и использовал только то, что мог найти на свалках или на кладбище и который ходил за подаянием с чашей из черепа – этот монах напоминает тантрических капаликов. «Мадджхи-ма-никая» («Чулладхаммасамадана-сутта») упоминает некоторых «шраманов и брахманов», которые не считали предосудительным сочетать аскетические практики с нарушением целомудрия в компании с женщинами «коллегами». Возможно, здесь речь идет о чем-то похожем на позднейшую тантрическую *майтхуну* (ритуальное совокупление), тем более что, например, «Катхаваттху» (3) говорит о майдтхуне как о дхарме, т. е. как о некоей системе. Далее, согласно «Тевидджа-сутте», другие «шраманы и брахманы» применяли магические методы для того, чтобы обеспечить телесную безопасность и избавить его от ран. Были и такие «профессионалы», которые способны были вызывать вражду, оцепенение, глухоту и другие неприятные и болезненные состояния. Подобные методы также напоминают арсенал процедур тантрической шаткармы. Наконец, некоторые имели доход за счет практик, повышающих у клиентов потенцию, избавляющих от бесплодия и т. д. «Брахмаджала-сутта» (I. 21 сл.) осуждающе описывает целые группы специалистов по гаданиям, предсказаниям, магическим заговорам, целительству – если верить тексту, подобные занятия были в середине I тыс. до н. э. широко распространены; последующие тантристы во многом жили за счет такого же рода занятий, внушавших непросвещенным массам благоговейный трепет⁵.

Если рассматривать местные, неведические корни тантризма, то, хотя нам мало что о них известно в силу отсутствия ранних аутентичных письменных источников, мы можем судить о них, во-первых, по глухим упоминаниям в ведических, джайнских и буддийских текстах; во-вторых, опираясь на тамильскую литературу, которая вообще представляет собой наиболее архаичную письменную традицию среди неарийских (по крайней мере, дравидских) народностей Индии. Хотя самые ранние образцы этой литературы созданы только в конце старой эры, она, тем не менее, описывает такие формы религиозности, которые были в ходу за много столетий до этого. Пожалуй, главное, что привнесли в тантризм дравиды, это сакрализация женского начала, которая отсутствовала в патриархальном арийском обществе. Так, большое значение имеет в древнетамильской религии жестокая и свирепая богиня войны и смерти Коттравей, которую почитали экстатическими танцами, вос-

⁵ Ср. свидетельство о предсказаниях будущего у современных тантристов: [13, с. 179].

курениями особых наркотических веществ, и пр. Такого же рода танцем почитают бога Муругана, сына Коттравей⁶. Типичная тантрическая богиня Кали изображается довольно зловещим образом, что также отсылает к древним неведическим (если не доведическим) религиозным представлениям. Хотя Кали воспринимается как абсолютная и вечная богиня, воплощающаяся в различных формах, ее облик настолько конкретен, что явно подразумевает локальный прототип. То же самое можно сказать фактически обо всех тантрических божествах.

Ведические тексты мало что говорят о местных неведических традициях, а если и говорят, то, разумеется, неизменно в отрицательном ключе. Однако пусть даже через осуждения, но до нас доходят сведения о том, какими были эти местные традиции. Так, «Ригведа» упоминает неких «поклонников фаллоса» (VII. 21. 5, X. 99. 3), называя их также поклонниками ложных богов, безбожниками – подразумевая, что те не почитали арийских божеств. Ведические тексты порицали отсутствие у неарийских племен варновой системы, и мы можем предположить, что этот факт – отсутствие важного для ариев социального разделения – отчасти повлиял на становление идеи неразличения социальных слоев в тантрическом ритуале; очевидно, что подобное отношение к вопросам социальной «чистоты» не могло произойти из ведического субстрата. Далее, в «Махабхарате» («Карнапарва») рассказывается о стране Аратта, располагающейся на северо-западе Индии. В этой стране живут аратты, или бахлики, не признающие ведическую дхарму. Бахлики – это «скверна для всей земли <...> воры». «Они пьют крепкие напитки из зерна и патоки, едят говядину с чесноком, лепешки с мясом и плодами ватья. <...> Им чужды принципы добродетели. Умашенные, украшенные венками, они, напившись допьяна, хохочут, поют и, скинув одежды, пляшут с женщинами у стен города и домов, у всех на виду. <...> Из всего рода у них один становится брахманом, все же остальные делают, что захотят»⁷. Оргиастичность араттов не могла не шокировать ведических ортодоксов, которые видели в ней опасные извращения «истинного» порядка вещей. Г. М. Бонгард-Левин полагает, что Аратта (он называет ее Вахикой) – «один из древнейших очагов шиваизма и тех небрахманистских культов, которые в дальнейшем получили название тантрических» [2, с. 168].

Дравидская культура знает таких персонажей, которые нетипичны для арийской среды. Вот как описывается в тамильской «Повести о браслете» (созданной, впрочем, не раньше V в. н. э.) пророчица древнетамильского охотничьего племени эйнаров [11, с. 89 – 90]: «Чалини с взлохмаченными космами и вздетыми ввысь руками, словно одержимая самим божеством, забила в неуправляемом танце. <...> Короткие вьющиеся волосы Чалини

⁶ Ср. «В Тамилнаде жители издревле поклонялись Муругану ритуалами, похожими на тантрические». [41, с. 53].

⁷ См.: [10, с. 110 – 114]. Авторы перевода считают, что религиозные и социальные условия жителей Аратты восходят к эпохе Хараппской цивилизации.

были подобраны кверху узлом, украшенным маленькой серебряной змеей и полумесяцем из белого кривого бивня дикого кабана. <...> Ожерельем служили ей нанизанные на крепкую нить белые зубы свирепого тигра, а сари ей заменяли шкуры леопарда. Она сидела верхом на криворогом олене, крепко сжимая в своих руках лук». Через какое-то время пророчица преобразается в саму богиню смерти: «Чалини была украшена полумесяцем молодой луны. Когда она открыла свой лоб, то сверкнул ее немигающий третий глаз. Она была белозуба, с устами, подобными кораллам, и с шеей, почерневшей от выпитого яда. Поясом ей служил исходящий злобой змей. Вместо лука она сгибала великую гору. Грудь ее была закрыта кожей ядовитой змеи. Ручкой, украшенной браслетом, она приготовилась метнуть трезубец. Плечи ее покрывала слоновая кожа, бедра и ноги завернуты в шкуру кровожадного льва... Каждый ее шаг как бы возвещал победу, даруемую богиней. Котравей стояла на голове могучего асуры о двух головах и туловищах».

Подобное описание экстатической пророчицы, перевоплощающейся в зловещее божество, совпадает с образами различных тантрических богинь. С другой стороны, при описании второго облика Чалини заметно влияние шиваизма: пророчица обретает типичные атрибуты бога Шивы (третий глаз, почерневшая шея, змей вместо пояса и пр.)⁸.

Чем ближе мы подходим к эпохе появления собственно тантризма, тем все больше становится свидетельств о подобного рода элементах. Несомненно, что их было бы еще больше, если бы мы лучше знали верования местных народностей, весьма повлиявшие на становление не только тантризма, но и индуизма в целом.

Подобные сведения, естественно, носят отрывочный характер и не дают нам возможность составить более-менее связное представление о «тантрических» культах, практиках и идеях, существовавших в древности. Еще раз подчеркнем, что речь может идти только об элементах, интерпретируемых в свете того, что впоследствии известно как тантризм. Вплоть до оформления письменных текстов тантризм как завершенное целое еще не мог появиться.

Время появления и расцвета тантризма. Ученые выдвигали разные гипотезы относительно времени появления и развития тантризма. Одну из самых радикальных точек зрения поддерживает Дебипрасад Чаттопадхья. В своем труде «Локаята-даршана» он вначале упоминает мнение некоего Бандопадхьяи, согласно которому тантризм столь же древен, как и учение вед. Более того, тантризм оказывается арийским по происхождению: «примерно в одно время с белокожими ариями в Индию проникла и другая арийская раса, более темнокожая. Они пришли из древней Персии. <...> Именно эти племена и занесли в Индию тантризм» [14, с. 356]. Сам же Чаттопадхья

⁸ См. о переносе признаков и атрибутики Шивы на Шакти: [Bake, p. 519 – 525].

склонен еще больше удревянять тантризм, помещая его в эпоху Индской цивилизации: «Тантризм должен существовать в Индии не менее пяти тысяч лет» [14, с. 356]. Первоначальный тантризм, согласно этому автору, был якобы «прост, даже примитивен, и лишь позднейшие интерпретации его носят хитроумный и утонченный характер» [14, с. 327]. Причина столь значительного удревянения тантризма состоит в том, что Чаттопадхья связывает тантризм с ритуальными обрядами земледельческой магии, т. е. с народной средой – причем, более конкретно, с женской частью общества. Несколько более поздним временем, хотя и тоже довольно архаичным, датирует происхождение тантризма Шама Шастри: «тантрическую форму культа можно проследить еще с начала I тыс. до н. э.»⁹.

Однако большинство ученых появление и генезис тантризма увязывают с эпохой Гуптов (Gupta, 320 – 544 гг.), знаменовавшей собой золотой век индийской культуры. Так, чешский исследователь Камил Звелебил считает, что тантризм как отчетливое движение появился в начале IV в., а в V в. он уже распространился по всей стране, «особенно на юге и северо-востоке» [54, с. 26]. Как полагает М. Элиаде, это «мощное религиозно-философское движение, появившись в IV в. н. э., начиная с VI в. приняло масштабы общепринятой моды» [18, с. 272]. К. Болле, видя в тантризме «поздний феномен человеческой истории», датирует его начало «примерно 400 г. н. э., с появлением и увеличением влияния тантр» [26, с. 3]¹⁰.

С другой стороны, иные исследователи отстаивают еще более позднее происхождение индуистской тантры. В послегуптское время помещает начало индуистской тантры Н. Ф. Рукавишников (VII – VIII вв.), А. Паду (после VIII в.), Лэйн Литтл (VIII в., тамильские сиддхи), Ф. О. Шрадер (VIII в., панчаратра)¹¹ и другие.

Как представляется очевидным, такое сложное учение, как тантризм, вряд ли могло появиться без соответствующих систематических руководств – будь то в устной или в письменной форме. Иначе говоря, возникновение тантризма теснейшим образом соотносится с возникновением первых тантрических текстов, прежде всего тантр. Именно появление тантр (к которым можно также отнести агамы и самхиты) дало новому учению идеологическую основу и помогло ему распространиться на больших территориях. Тантризм до тантр – это разрозненные тантрические или прототантрические «элементы», которые существовали

⁹ Цит. по: [Chakravarti, p. 10].

¹⁰ Этим же периодом датируют возникновение тантризма Г. Фойерштайн [17, с. 20], Дж. Нидэм [43, с. 259] (правда, автор имеет в виду прежде всего буддийский тантризм), Г. Ф. Ильин и Г. М. Бонгард-Левин [6, с. 483], Д. Лоренцен [41, с. 53] (применительно к школе капаликов), Н. Д. Бхаттачарья [24, с. 314], Л. Сильбюрн [49, с. 1] (относительно школы крама) и другие авторы.

¹¹ [13, с. 177], [44, с. 43], [40], [47, с. 19]. Однако ср. мнение Я. Гонды, который помещает апогей панчаратры в промежуток между 600 и 800 гг. [35, с. 296], что делает эту традицию более древней, чем полагал до него Шрадер.

в разных регионах и разных духовных религиозных традициях. Мы согласны с теми учеными, которые относят возникновение первых тантрических текстов к эпохе Гуптов.

Несомненно, складыванию тантрических систем очень способствовали те постепенные изменения в обществе, которые привели к превращению ведизма-брахманизма в индуизм. Остановимся вкратце на основных вехах этого процесса, в научной литературе получившего название «индуизация». Древняя ведическая религиозность, достигнув своего пика в период, описанный литературой поздних брахман и сутр, превратившись в разветвленный и сложнейший ритуальный комплекс, примерно в середине I тыс. до н. э. (индийское «осевое время») дала трещину: при всей своей изощренности и претензии на всеохватность она была не в состоянии удовлетворить религиозным чаяниям и потребностям всех социальных групп. Появляется великое множество странствующих отшельников, философов, мистиков, которые, вступая друг с другом в дискуссии по самым разным вопросам, развивали новые способы мысли, системы ценностных отношений, воззрения на мир, общество, человека. В эту эпоху, известную как «эпоха шраманов», складывалась в Индии новая интеллектуальная атмосфера. Именно в этот период появились такие значительные религиозно-философские системы, как буддизм и джайнизм, привлекая множество последователей. Правители индийских государств все чаще стали прибегать к неортодоксальным учениям, отказываясь от услуг ведических жрецов; наиболее ярким примером здесь является царь Ашока (268 – 231 до н. э.). Этот конфликт школ «астики» и «настики» происходил на фоне миграции индоариев, которая не прекращалась с тех времен, когда они впервые пересекли Инд и оказались на холмистых равнинах Пенджаба. К середине первого тысячелетия до н. э. в Северной Индии имелось уже много самостоятельных государств; примерно в то же время началось и проникновение индоариев на юг страны. В процессе этого проникновения и укрепления государственности индоарии, как и за сотни лет до того, встречались с представителями совершенно чуждых им по своему характеру культур, с их специфическими религиозными представлениями.

Если обобщить вышесказанное, то ведическая культура, в лице ее жреческих представителей, столкнулась с тремя основными «вызовами времени», пользуясь терминологией Арнольда Тойнби. Первый вызов шел изнутри самой этой культуры; он был связан с тем, что все большей популярностью у широких народных масс (тех, что объединяются в разряд вайшьев и шудр) индоариев стали пользоваться божества, не самые значимые в глазах брахманского сословия – прежде всего, Вишну и Шива. Эти «маргинальные» боги незаметно расшатывали цитадель официальной религиозности и делали ее более демократичной. Второй

вызов бросали неортодоксальные учения, отрицавшие священный характер вед и не склонные ни автоматически признавать первенство брахманов, ни обожествлять их. Наконец, третий вызов относился к местным племенам и народностям с их культурами и верованиями, совершенно независимыми от «официальной» религиозности.

Какой ответ давали жрецы на эти «вызовы времени»? Если говорить в общем, то каждый раз от брахманов требовался пересмотр своих первоначальных концепций, с тем, чтобы соотнести их с новыми настроениями и тенденциями. Что касается первого вызова, то он разрешался тем, что эти и другие популярные божества постепенно вводились в официальные культы, разрабатывалась их литургия, символика, иконография и т. д. Иначе говоря, этим божествам находили более важное место внутри системы, чем это было раньше. Второй вызов был более серьезен, поскольку ставил под вопрос сами основы существования той картины мира, к которой привыкли жрецы. Но и этот вызов решался посредством тактики инклюзивизма и адаптации. Многие положения буддизма, джайнизма и других, более мелких, неортодоксальных движений, напрямую или опосредованно вводились в брахманистскую систему. Усиление тенденции «онтологического пессимизма», которая была только намечена, но не развита, в ранних упанишадах; развитие этических конструкций брахманизма в сторону смягчения первоначальной механистической, формальной этики (в частности, большое значение приобретает идея ненасилия, или *ахимсы*); рост йогических дисциплин – эти и иные положения, ценности, практики пришли от неортодоксальных учений. Наконец, на третий вызов брахманы откликнулись тем, что усваивали местные религиозные представления, а также соотносили образы ведических (или полуведических, вроде Рудры) божеств с образами этих местных неарийских богов, так что последние оказывались проявлениями, «манифестациями» ведических божеств. [7, с. 384]. Ярким примером вклада местной религиозности является повышение значения женских божеств.

По всей видимости, генезис тантризма происходил в русле поисков ответа на все эти три «вызова», особенно на третий из них. Для большей конкретизации этой темы следует затронуть проблему той социальной среды, в которой впервые появляется тантризм. Кому был выгоден тантризм, кого он мог привлечь? Какие группы способствовали возникновению тантризма? Можно выдвинуть несколько версий. Вот первая из них. Поскольку тантризм – это в первую очередь духовная практика (*садхана*) и оторванные от нее, чисто спекулятивные, вопросы не пользуются среди тантристов большой популярностью, логично заключить, что та общественная сила, которая вывела тантрические элементы из огромного массива прототантрической религиозности и соединила их в некую сис-

тему, состояла из различных духовных искателей – аскетов, отшельников, йогинов, оккультных мистиков, которых в Индии было всегда много, но которых еще больше стало в первых веках новой эры. Все эти искатели, в свою очередь, принадлежали к брахманистской культуре, однако они были достаточно открыты для того, чтобы впитать в себя различные новации, относящиеся к наследию местных народностей или тех групп, которые занимали низкое положение в брахманистском обществе. С другой стороны, эти подвижники и мистики занимались и интерпретацией принципов собственной культурной парадигмы. Все они должны были принадлежать к образованным слоям населения, поскольку они умели составлять грамотные, систематические руководства по сложным духовным практикам, иначе говоря, писать тантры и преподавать их содержание своим ученикам. Вряд ли далеким от истины будет предположение о том, что местные религиозные верования давали им содержание, тогда как брахманистская культура снабжала категориальным аппаратом и символами. Такие ключевые понятия тантрической психотехники, как шакти, кундалини, чакры и многие другие, были известны и намного раньше, однако только в условиях глобального синтеза они приобрели новое значение. Итак, согласно первой версии, тантризм впервые появился в кругах духовных искателей, стоявших несколько особняком в тогдашней брахманистской культуре.

Вторая версия связывает появление тантризма с деятельностью ортодоксального жречества. Многие жрецы совершали магические ритуалы, имевшие охранительное значение. Некоторые такие «магические» жрецы занимали очень высокие государственные посты – достаточно вспомнить *пурохиту*, домашнего царского жреца, который являлся его советником, министром, казначеем и т. д. Основная обязанность такого рода жрецов (теснейшим образом текстуально связанных с «Атхарваведой») – обеспечить благосостояние и процветание данного региона (государства) или своего патрона (которым могла быть любая знатная персона, не только из царской династии), а также создать мощную «систему безопасности», препятствовавшую проникновению демонических или колдовских сил. Арсенал средств, позволявших совершать те и иные операции, разумеется, всегда был достаточно велик и хорошо разработан в Индии, однако по мере развития государства и социума требовались все более действенные способы развития их жизнеспособности. В этом смысле вполне представляема ситуация, при которой жрецы, в том числе жрецы такого уровня, как пурохита, могли прибегать к магическим средствам, «доказавшим» свою эффективность в других регионах и других культурах, народностях. Магия же могла «потянуть» за собой и весь спектр религиозных представлений и культовую сторону тантризма. Не случайно, что немало правителей в своих государствах устанавливали шактистские культы – это могло

означало, что они, вслед за правительственными жрецами, признавали магическое покровительство верховной богини.

Наконец, третья версия увязывает происхождение тантризма целиком с местным субстратом. В этом случае оказывается, что прототантрические локальные формы постепенно трансформировались в тантризм под влиянием брахманистской религиозности, в согласии со стратегией «санскритизации» и «аризации» этого местного субстрата. Достаточно вспомнить о воздействии североиндийского индоарийского ареала на дравидов юга, особенно Тамилнада. В этом случае уже местные представители религии вдохновлялись символами и образцами, выращенными в недрах ведической культуры, писали тексты, в которых сплавлялась воедино и местная религиозность, и индоарийская брахманистская религиозность – что и привело к возникновению тантры.

Итак, мы выдвигаем три версии возможного генезиса тантризма, точнее, условий, которые этому процессу способствовали. Всех их объединяет то, что тантризм оказывается плодом переплетения неарийской и индоарийской (брахманистской) форм религиозности. Отличает их то, насколько эти формы влияли друг на друга. Согласно первым двум версиям, брахманизм как бы «извлек» из себя тантризм, испытывая мощное влияние неарийской религиозности – в одном случае влияние испытывали духовные искатели, в другом – «официальные» или домашние жрецы. Согласно же последней версии, наоборот, местные традиции испытали воздействие со стороны различных брахманистских элементов, что и привело к трансформации прототантризма в тантризм. Нам кажется, что следует учитывать все эти версии, поскольку они взаимосвязаны. Вполне возможно, что тантризм развивался одновременно с трех этих сторон¹².

Библиографический список

1. Атхарваведа. Избранное / Пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. – М., 1989.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.
3. Гюнтер Г., Трунгпа Ч. Заря тантры. – СПб., 1993.
4. Дандарон Б. Д. Махамудра как объединяющий принцип буддийского тантризма // Дандарон Б. Д. Буддизм. – СПб., 1996.
5. Зонтхаймер Г.-Д. Пять компонентов индуизма и их взаимодействие // Древо индуизма. – М., 1999.
6. Бонгард-Левин Г. М. Ильин Г. Ф., Индия в древности. – М., 1985.
7. Кулке Г., Ванина Е. Ю. Орисса: Джаганнатх // Древо индуизма. – М., 1999.
8. Лама Анагарика Говинда. Основы тибетского мистицизма. – СПб., 1993.
9. Ледков А. А. Непал: Таледжу // Древо индуизма. – М., 1999.

¹² Ср. «Тантрические идеи и практики выросли из популярной культуры, а также из популярной йогической культуры, и постепенно были инкорпорированы в консервативное русло» [38, с. 218 – 219].

10. Махабхарата. Карнапарва. Пер. с санскр. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. – М., 1980.
11. Повесть о браслете («Шилаппадикарам»). Пер. с тамильск. Ю. Я. Глазова. – М., 1966.
12. Ригведа. Мандалы I–X. Пер. с санскр. Т. Я. Елизаренковой. – М., 1989–1999.
13. Рукавишников Н. Ф. Колесница Джаяннатха. – М., 1983.
14. Чаттопадхья Д. Локаята даршана. История индийского материализма. Пер. с англ. – М., 1961.
15. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. – СПб., 2000.
16. Упанишады. В 3-х кн. Пер. А. Я. Сыркина. – М., 1992.
17. Фёрштайн Г. Тантра. – М., 2002.
18. Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. – СПб., 2004.
19. Bagchi P. Ch. Evolution of the Tantras // Cultural History of India. – Vol. IV. – Calcutta, 1956.
20. Baki A. A. The Appropriation of Śiva's Attributes by Devī // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Univ. of London, – 1955. – Vol. XII. – Part 3.
21. Banerji S. C. A Brief History of Tantra Literature. – Calcutta, 1988.
22. Banerji S. C. Tantra in Bengal. – Calcutta, 1978.
23. Bharati A. Tantric Tradition. – London, 1992 (4th ed.).
24. Bhattacharyya N. D. Tantric Religion // The History and Culture of the Indian People. Vol. IV. Bombay, 1955.
25. Bhattacharyya N. N. History of the Tantric Religion. Manohar, 1982.
26. Bolle K. Persistence of Religion. Leiden, 1965.
27. Borsani G. S. La Filosofia indiana. Milano, 1976.
28. Bose D. N., Haldar H. Tantras: their Philosophy and Occult Secrets. Calcutta, 1981 (3rd ed.).
29. Briggs G. W. Gorakhnāth and the Kānpḥaca Yogins. Calcutta, 1938.
30. Chakravarti Ch. Antiquity of Tantricism // The Indian Historical Quarterly. Vol. VI, No. 1. March, 1930.
31. Chakravarti C. Tantras. Studies on their Religion and Literature. Calcutta, 1963.
32. Dandekar R. N. Religion and Philosophy in the Age of the Guptas (circa 200 – 700) // Rocznik Orientalistyczny, XXI. Warszawa, 1957.
33. Dasgupta S. B. Obscure Religious Cults. Calcutta, 1946.
34. Glasenapp H. von. Tantrismus und Waktismus // Ostasiatische Zeitschrift. Neue Folge. Jg. 12 (22) 1936.
35. Gonda J. Les religions de l'Inde. Vedism et hindouisme ancien. Paris, 1962.
36. Gupta S., Hoens D., Goudriaan T. Hindu Tantrism. Leiden / Köln, 1979.
37. Hacker P. Inklusivismus // Oberhammer G. (Hrsg.). Inklusivismus. Eine Indische Denkform. Wien, 1983.
38. Hartzell J. F. Tantric Yoga. Columbia University, 1997.
39. Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Vol. V. Part II. Poona, 1964.
40. Little L. An Introduction to the Tamil Siddhas // www.alchemywebsite.com/indian_a.html
41. Lorenzen D. N. The Kāpālikas and Kālāmukhas. Two lost śaivite sects. Berkeley and Los Angeles, 1972.

42. Majumdar R. C. . History of Ancient Bengal. Calcutta, 1971.
43. Needham J. Science and Civilisation in China. Cambridge etc, 1983. Vol. V. Pt. V.
44. Padoux A. Recherchez sur la symbolique et l'énergie de la parole dans certains textes tantriques. Paris, 1963.
45. Renou L. Religions of Ancient India. London, 1953.
46. Schoterman J. A. Introduction // The úacasahasra Samhita. Ed., tr. and annotated by J. A. Schoterman. Leiden, 1982.
47. Schrader F. O. Introduction to the Pancaratra and the Ahirbudhnya Samhita. Adyar, 1916.
48. Sen D. Ch. History of Bengali Literature. Calcutta, 1954 (2nd ed.).
49. Silburn L. Introduction // Hymnes aux Kālī. La roue des énergies divines. Paris, 1975.
50. Silburn L. Introduction // Maheśvarānanda. Mahārthamanjari. Ed. et tr. par L. Silburn. Paris, 1995 (1st ed., 1968).
51. Stutley M. and J. A Dictionary of Hinduism. Its Mythology, Folklore and Development 1500 B. C. – A. D. 1500. London, 1977.
52. Vidyarthi M. L. India's culture through the ages. Kanpur, 1952 (2nd ed.).
53. Winternitz M. Geschichte der Indischen Litterature. Leipzig, 1904 – 1913. Bd. II.
54. Zvelebil K. The Poets of the Powers. London, 1973.

Т. Г. Скороходова

ПГПУ им В. Г. Белинского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО УЧЕНИЯ РАМАКРИШНЫ ПАРАМАХАНСЫ

Бенгальский религиозный реформатор Рамакришна Парамаханса (Гададхар Чоттопаддхай, 1836–1886), обладавший уникальным духовным опытом, – одна из выдающихся фигур религиозной истории Индии Нового времени. Благодаря его знаменитому ученику Свами Вивекананде учение Рамакришны получило мировую известность и признание [9, С. 175–176]. На русском языке вышли переводы его притч, записанных учениками [4; 5; 15], и труды отечественных и зарубежных авторов [4, 5, 15], о религиозном учении Рамакришны, обосновавшего религиозный универсализм, основанный на идее Единого Бога, к которому ведут разнообразные пути. При этом социальное содержание его проповеди остаётся в тени; исключение составляют работы Р. Б. Рыбакова [9, С. 189–191; 8, С. 71]. Между тем без обращения к социальному содержанию учения Рамакришны невозможны ни глубинная интерпретация социальной философии Свами Вивекананды, ни проникновение в сквозные смыслы социокультурной эпохи Бенгальского Возрождения.

Бенгальское Возрождение (Ренессанс) XIX – 1-й трети XX вв. стало интеллектуальным и культурным Ответом на Вызов (А. Дж. Тойнби) бри-

танского колониального господства в Индии, данным в самой развитой её провинции – Бенгалии. Эпоха Бенгальского Ренессанса представляет собой эпоху национально-культурного возрождения, в которую новая бенгальская интеллигенция (*бходролок*) стремилась обосновать возможность синтеза индийского наследия с западными достижениями и инновациями. Начало интеллектуальному и культурному движению, сочетавшему создание социокультурного проекта с попыткой реализации его на практике, религиозное реформаторство с социальным, положил выдающийся мыслитель и общественный деятель, религиозный и социальный реформатор, основатель общества «Брахмо Самадж» (1828) Раджа Раммохан Рой (1772–1833). К моменту появления Рамакришны на исторической сцене духовные наследники Раммохана Роя – младобенгальцы (члены общества «Молодая Бенгалия», основанного Г. В. Л. Дерози), члены общества Брахмо Самадж во главе с Дебендронатхом Тагором, Ишшорчондро Биддешагор, Кншобчондро Сен – многое сделали для создания проекта возрождения Индии, для просвещения и социальных преобразований.

О характере учения Рамакришны спорят различные авторы; одни находят у него религиозный универсализм, другие – неоиндуизм, третьи – традиционалистские и даже ревайвалистские (связанные с возрождением веры) идеи. О двух легендах о Рамакришне – традиционной, представлявшей его сквозь призму чуда, и реформаторской, призванной консолидировать все секты и толки индуизма на новом этапе истории, писал Р. Б. Рыбаков [8, С. 72–73]. Однако достаточно обратиться к социальным аспектам религиозного учения Рамакришны, чтобы увидеть, что оно не просто отвечало велениям времени, но и придало новый импульс развития идеям эпохи Бенгальского Возрождения.

Простой служитель храма богини Кали в Дакшинешваре (Калькутта), Рамакришна придерживался индуистской традиции, что не помешало ему испытать практику других религий (буддизма, ислама, христианства, и др.). Уже один этот момент не позволяет говорить о нём как о традиционалисте. С одной стороны, Рамакришна развивает неортодоксальные шиваитские и вишнуитские идеи *бхакти* – общения и безграничного эмоционально-мистического слияния с личным Богом; разрабатывает традиционные религиозные темы индийской мысли. С другой стороны, его учение «в ряде моментов отражает социальные, экономические и идеологические сдвиги в стране и свидетельствует об отходе от этой традиции, отходе чаще всего бессознательном, но совершавшемся в русле новых, чётко угаданных поведенником буржуазно-реформаторских идей» [8, С. 180].

Социальное содержание учения Рамакришны реконструируется на основе его притч и бесед с учениками, поскольку религиозно-философских трудов он не создал.

Окружающий человека мир Рамакришна трактует в духе ограниченного монизма *вишишта-адвайты* (одного из направлений индийской философской школы веданты): он одновременно реален и нереален. «Пока человек не познал Бога, этот мир для него реален, потому что он ещё делает ошибки и в своём самообольщении говорит: «мне» и «моё», – говорит Рамакришна и сравнивает мир с домом, который сегодня существует, а завтра его нет [5, С. 56]. Мир реален постольку, поскольку он есть воплощение Высшей Реальности, т. е. Бога. Как только человек осознаёт, что его душа – дитя Бога, он понимает, что мир нереален, а реален только Бог [5, С. 140].

Согласно Рамакришне, Бог проявляется в человеческом существе более, чем где-либо [5, С. 234], поскольку человек носит в себе частицу бессмертной божественной души (*атман* в ведантистской философии). Эта идея экстраполируется в сферу социальных отношений: так как души равны, то равны между собой все люди.

В полном соответствии с индийской традицией, склонной всё классифицировать и приводить в систему, Рамакришна прибегает к различным типологиям. В одной из притч он указывает на необходимость для человека «иметь настоящий характер, если он хочет добиться успеха в жизни» и на то, что многие «не имеют в себе твёрдости», «слабы и пугливы, без внутренней силы, без способности к длительному усилию, без силы воли. Это неудачники» [4, С. 59]. Через многие поучения Рамакришны проходит это различие сильного и слабого характера личности. При этом он указывает на социальную обусловленность её становления: «Наш характер образуется сообразно с тем обществом, в котором мы постоянно находимся; мы невольно выбираем такое общество, которое находится в гармонии с нашим характером» [4, С. 136]. Все социальные категории Рамакришна использует в контексте религиозной жизни.

Традиционные категории индийской философской школы *санкхья* Рамакришна истолковывает таким образом, что за религиозным содержанием скрыто социальное. Существует Абсолют (*пуруша*) и существует природа (*пракрити*), обладающая тремя *гунами* (свойствами) – *самтва* (в трактовке Рамакришны – сохраняющая сила вселенной), *раджас* (созидание, творческая сила), *тамас* (разрушение, тёмное начало). Все люди, по Рамакришне, похожи друг на друга, но различаются своей природой, так как в одних преобладает *самтва*, в других – *раджас*, в третьих – *тамас*. Индивидуальная душа (*джива*) обладает знанием о себе. *Тамас* в человеке пытается уничтожить душу, *раджас* связывает мирскими узами, а *самтва* защищает от действия первых двух, освобождая душу от вожделения, гнева и заблуждения, но не приближая к Божественной Мудрости [5, С. 171–172; 4, С. 145–146].

Приближение к Богу в индийской традиции тесно связано с освобождением, поскольку свобода выступает как абсолютная, трансцендентная,

высшая и безусловная ценность [16, С. 214]. Соответственно этому Рамакришна классифицирует человеческие души по критерию свободы: 1) души связанные, которые не только «не понимают гибельности положения», но и «считают себя в полной безопасности» – это «мирские люди», погружённые в погоню за наслаждениями; 2) души, стремящиеся к свободе, – люди, ищущие истину; 3) освобождённые души – люди, преуспевшие в освобождении; 4) вечно свободные – люди, заботящиеся о том, чтобы не попадать в зависимость никогда [4, С. 147; 20, С. 129–130]. Свобода по традиции связана у Рамакришны с укоренённостью души в трансцендентном, поэтому он говорит о двух видах людей (хотя Бог пребывает во всех) – *мануша* «люди лишь по названию», обыкновенные, помешанные на вожделении и золоте, и *ман-хуни* – «знающие люди», жаждущие Бога, истины, свободы [4, С. 148]. Следовательно, подлинная сущность человека, по мнению Рамакришны, заключена в его духе, и главным оказывается духовный прогресс личности, достижение свободы и подлинного знания [4, С. 69, 147–148].

Однако если прежде в индийской традиции освобождение мыслилось как отречение от мира и избавление от перерождений в разных обликах, носящее индивидуальный и трансцендентный характер, то у Рамакришны сделан акцент на стремлении тех, кто освободился и познал истину, поделиться своим знанием с другими: «Есть люди, которые не могут не стремиться к тому, чтобы и другие постигли Божественное Блаженство, когда они сами постигли его» [4, С. 147]. Совершенные люди одного типа достигли истины и замолчали, наслаждаясь ею, другие распространяют познанную истину. Иными словами, знание об истине и свободе имеет у Рамакришны не только индивидуальное, но и социальное значение, поскольку способствует становлению подлинного («знающего») человека и тем самым усовершенствованию общества.

Рамакришна трактует свободу в диалектической взаимосвязи с зависимостью (несвободой); эту тему впоследствии будет развивать Свами Вивекананда [12]. На пути к свободе есть восемь оков, от которых человек должен избавиться – ненависть, стыд, родовая гордость, культура, слава, страх, каста, эгоизм [2, С. 48]. Обратим внимание на то, что все эти оковы – социального характера или социально обусловлены. Главным средством освобождения Рамакришна считает ум человека: «Всё заключается в уме. Рабство и свобода лежат в уме. ...Если вы держите свой ум в дурном обществе, ваши мысли, идеи и слова будут окрашены злом. Но если вы сами будете находиться в обществе истинных *бхакт* (преданных Богу. – Т. С.), тогда ваши мысли, идеи и слова будут принадлежать Богу. Ум – это всё. ... Ум связывает человека, ум же его освобождает. Если я думаю абсолютно свободно, то, живу ли я в мире или в лесу, в чём моя несвобода или оковы? Я дитя Бога, сын Царя царей. Кто может связать меня?» [5, С. 110–111].

Как только свобода осознана, человек становится свободен, и наоборот, считающий себя связанным, грешником и т. п. становится таковым на самом деле [5, С. 111, 4, С. 108–109]. Благодаря уму, таким образом, человек оказывается способным к совершенствованию в любых условиях, в том числе – в социальном мире. Главное требование Рамакришны – использование ума во благо: «У мирских людей всё было бы прекрасно, но есть одна досадная ошибка. Если бы они только переносили все жертвы и трудности и использовали своё образование, интеллект и упорство ради Бога, а не для богатства и славы, какого блага они достигли бы тогда!» [4, С. 250].

Многие притчи Рамакришны пронизаны идеей ведущей роли знания в жизни людей. Проповедник убеждён в том, что пока ум занят анализом всего происходящего, достижений и неудач, то даже ошибки ведут человека к знанию [4, 168]. Этот акцент на рефлексии, рациональном начале в религиозной и социальной жизни в учении Рамакришны необыкновенно созвучен стремлению бенгальских просветителей XIX (от Раммохана Роя до Ишшорчондро Биддешагора) «соотнести европейскую рациональность с местным духовным наследием» [6, С. 65].

В условной реформации индуизма, которую предприняли Раммохан Рой, Дебендронатх Тагор и Кешобчондро Сен, был поднят вопрос о социальном значении религии. На этом пути была обоснована главенствующая роль этики в религии, и на первый план вышло нравственное служение человека обществу. У Рамакришны прослеживаются сходные идеи, несмотря на то, что он критикует некоторые аспекты деятельности реформаторского общества Брахмо Самадж.

Традиционная тема индийской мысли о характере труда – ориентированном на получение результата или не заинтересованном в результате – актуализируется у Рамакришны в социально-этическом контексте. Труд необходим для того, чтобы увидеть Бога: «Сосредоточение, медитация, постоянное повторение имени Божьего, *милосердные дела, самопожертвование* (курсив мой. – Т. С.) – это та работа, которая удаляет с человеческой души тину невежества» [5, С. 59]. Однако есть труд человека, заинтересованного в результате и желающего обрести деньги, богатство, славу, почёт, высокое положение в обществе, и труд свободного человека. Первый не знает, что все его достижения в миру преходящи: «ничто из этого не останется с человеком после его смерти» [4, С. 65]. Истинный труд, который Рамакришна признаёт – труд свободных людей, которые не заняты стяжанием денег: «Вам следует зарабатывать деньги лишь на хлеб. Не считайте их вашей единственной целью и устремлением». [4, С. 64]. Эта трактовка, с одной стороны, традиционна для индийской мысли, но с другой – в ней нельзя не увидеть реакции Рамакришны на вторжение в Индию капиталистической экономики в лице британского колониализма, и появление слоя индийских

предпринимателей, жизненной целью которых становится накопление и приумножение состояния. Блестящее художественное воплощение этого типа – образ Модхушудона в романе Рабиндраната Тагора «Общение» («Джогаджог», в русском переводе – «В тенётах жизни» [14]).

Свободный человек посвящает свою работу Богу, исполняет свои мирские обязанности «с умом, сосредоточенным на Боге» [4, С. 55–56]. Такое служение – которое, по сути, есть социальное служение – Рамакришна признаёт подлинным. При этом вид труда, которым человек занят, значения не имеет, главное – исполнять его с искренностью и глубоким желанием [5, С. 61]. Для Рамакришны важнее этическое содержание труда: делая добрые дела для других и для блага человечества, человек помогает себе самому, если *не стремится* к результатам лично для себя [5, С. 96]. Дело, сделанное для блага других, согласно Рамакришне, абсолютно свободно от недостатков, так как делается из любви, сочувствия и милосердия [5, С. 74]. Поэтому идеальный тип человека, его отношения к миру он видит в служанке, живущей в доме хозяина, работающей не покладая рук, но сознающей, что это не её дом; её настоящий дом – в дальней деревне. «...Тех, кто приходит ко мне, я учу жить так же как эта служанка, без привязанности к миру, быть в мире, но не принадлежать к нему и всё время иметь свой ум направленным к Богу, то есть к небесному дому, откуда все приходят» [5, С. 169; 4, С. 56; 20, С. 179]. Так религиозное отношение освящает и возвышает социальный мир, в котором существуют люди.

Рамакришна не обходит стороной и вопрос о противостоянии злу. Признавая присутствие Бога во всех существах, он предлагает любить всех, но держаться подальше от дурных, злых людей, и поясняет свои мысли остроумными притчами. Так, он предлагает остерегаться богатых, поскольку своей властью они могут легко причинить вред [5, С. 34]. Любому человеку, живущему в обществе, необходимо в целях самозащиты иметь дух сопротивления злу (*тамас*), чтобы помешать другим действительно нанести ему вред. Но возвращение зла за зло Рамакришна не приемлет: так победить зло невозможно [5, 32–33]. Он рассказывает притчу о ядовитой змее, которая потеряла свою злобу и ярость после встречи со святым и перестала кусать людей по его просьбе; после этого все стали её безжалостно мучить. Увидев снова избитую и измученную змею, святой посоветовал ей, как и прежде, никого не кусая, показывать зубы и шипеть, чтобы держать всех на расстоянии. «Нет никакого вреда в «шипении» на злых людей и на ваших врагов; таким образом вы можете защищать себя и знаете, как противиться злу», – заключил Рамакришна [5, С. 33; 20, С. 162–163].

Итак, социальное отношение «человек – человек» у Рамакришны детерминировано трансцендентным отношением «человек – Бог». Пос-

леднее определяет свободу, достоинство, нравственность, деятельность, жизненные устремления и цели человека. Вокруг этого духовного отношения выстраивается и видение Рамакришной социального мира.

С одной стороны, Рамакришна чётко разграничивает в социальном мире сакральное и профанное, разделяя и людей на религиозных (благочестивых), и мирских. С другой стороны, он ставит и решает вопрос о возможности бесконфликтного сочетания сакрального с профанным.

В притчах и проповедях Рамакришны нарисован довольно неприглядный портрет «мирского» человека: прежде всего это чувственный человек, предпочитающий наслаждения и потворствующий своим желаниям, привязанный к мирским благам (славе, богатству, женщинам и т. д.) [4, С. 48, 47, 46]. Он не имеет представления о нечистоте мирской жизни и «никогда не приходят в себя, даже страдая и проходя ужасные испытания» – подобно верблюдам, любящим колючий кустарник, от которого кровоточит их рот [4, С. 44]. В уме мирского человека слишком много нечистых мыслей, а душа, «привыкшая к материалистичным мыслям и окружению, не может долго дышать в атмосфере чистоты и отречения, не чувствуя при этом беспокойства и неудобства» [4, С. 48, 45]. Вследствие привязанности к материальному, мирской человек испытывает неприязнь ко всему религиозному, начиная с молитв и заканчивая духовными темами разговора и благочестивыми людьми [4, С. 45]. Он может совершать религиозные обряды, претерпевать страдания, совершать благочестивые поступки, быть милосердным, но только из соображений воздаяния [4, С. 46, 48; 20, С. 127]. Религиозная преданность сохраняется в мирских людях лишь до тех пор, пока они находятся в местах поклонения или в обществе благочестивых. Их не меняет даже милость Бога [4, С. 48, 49; 20, С. 124].

Вместе с тем Рамакришна постоянно подчёркивает, что жить в миру и не оскверниться его узами и соблазнами, сохранять свободу – очень трудно, это требует много времени и усилий, поэтому герой индуистское мифологии раджа Джанака, который жил в физическом теле, но был освобождён при жизни (*дживанмукта*) – не правило, а исключение. Истинным героем является человек, ум которого полностью упорядочен, который всегда обращён к Богу, несмотря на бремя мирских обязанностей [4, С. 50–51; 20, С. 127]. Известен лишь один случай, когда Рамакришна сравнил одного из своих современников с Джанакой – это был Дебендронатх Тагор [5, С. 145–146], глава общества Брахмо Самадж, на протяжении всей жизни занятый интенсивной религиозной практикой, что не мешало ему вести дела обширного клана Тагоров и участвовать в общественной жизни [См.: 13, С. 83–39, 50–51].

Главным злом и препятствием для мирского человека являются, по убеждению Рамакришны, *камини–канчан* (женщины (в значении вожде-

ления, чувственности и сексуальности) и золото (в значении богатства, денег, влияния)). Они погружают человека в мирское, привязывают его к себе, и под их властью человек превращается в несвободное, зависимое существо. Поэтому главной задачей мирского человека оказывается освобождение от *камини–канчан*, чтобы достичь истинного знания.

В индийской традиции отречение от мира во имя Бога всегда ассоциировалось с аскетизмом, уходом в леса (*ванапратха* и *саньяса*) после стадии жизни домохозяина (*грхастха*), с разрывом всех мирских привязанностей. Однако в этом отношении учение Рамакришны наиболее оригинально: он не только не призывает к аскетизму, но и сам не желает быть аскетом [9, С. 189]. Строгое отречение от *камини–канчан* он предлагает только тем, кто ведёт жизнь монаха [4, 57]. Большинство его учеников, почитателей и, разумеется, люди из более широкого социального окружения были домохозяевами (*грхастха*), «мирскими» людьми, имеющими жён, детей, внуков, родителей. Да и сам Рамакришна формально был женатым человеком (его брак оставался фиктивным, но он почитал свою жену Сарадэу Деви как богиню [10, С. 50–53]). Поэтому проповедь Рамакришны и большинство его советов обращены к обычным, «мирским» людям, которые далеки от напряжённой религиозной жизни. Смысл его советов, на мой взгляд, заключён в необходимости одухотворения повседневных социальных отношений через внесение в них религиозного содержания. По мысли Рамакришны, обретение Бога приносит покой и радость человеку, живущему в миру, и его жизнь коренным образом меняется [4, С. 51]. Во-первых, разум и сердце человека в миру должно быть сосредоточено на Боге, и одновременно он должен быть настороже, остерегаясь соблазнов похоти и жадности [4, С. 53]. Во-вторых, необходимо самоотречение, уединение и отсутствие привязанности к миру. В-третьих, ко всем ближним – детям, жене, внукам, родителям и т. д. – Рамакришна советует относиться как к самому Богу [4, С. 59; 5, С. 57]. Рамакришна хорошо осознаёт, что домохозяину трудно быть истинно праведным, поскольку ему препятствуют болезни, горе, бедность, несогласие с женой, неповиновение и дурные наклонности детей, но, несмотря на это, необходимо стремление к цели и общение со святыми и нравственными людьми [5, С. 57–58].

Самый остросоциальный аспект учения Рамакришны, тесно связанный с общими гуманистическими идеями эпохи Бенгальского Ренессанса, касается отношения к женщине. Благоговейное отношение Рамакришны к своей жене – особое подтверждение заявленной Раммоханом Роем идеи человеческого достоинства женщин. По убеждению Рамакришны, ко всем женщинам всегда следует относиться как к подобию Божественной Матери вселенной; к такому отношению способен, как правило, тот, кто познал Истину, благословлён возможностью видеть Бога [4, С. 67, 68]. На вопрос о том, как победить вож-

деление (*камини*), Рамакришна ответил: «Смотрите на каждую женщину, как на собственную мать; никогда не смотрите в лицо женщине, смотрите всегда вниз, к её стопам. Все дурные мысли тогда исчезнут» [4, С. 67]. От почтенной матери семейства до публичной женщины – во всех них Рамакришна видел Божественную Мать в разных обликах [20, С. 148].

Семейный союз между мужчиной и женщиной для Рамакришны – прежде всего духовный союз двух истинно верующих людей. Его идеал – отношения мужа и жены как брата и сестры после рождения одного–двух детей без физических отношений [4, С. 57; 5, С. 57]. Но об этом он говорил редко, хотя акцент на взаимопонимании супругов и духовной гармонии между ними очень показателен: сходную идею выдвигали в 1830-х гг. в своей публицистике представители общества «Молодая Бенгалия», затем она нашла художественное воплощение в социально-бытовых романах Бонкимчондро Чоттопадхья и Рабиндраната Тагора.

Притчи и поучения Рамакришны в конечном итоге говорят о возможности сочетания сакрального и мирского в социальной жизни – и в контексте индийской традиции, и в соответствии с требованиями эпохи модернизации. Проповедник хорошо понимает, что времена древнего идеального благочестия и полного отречения от мира остались в прошлом, равно как сознаёт необходимость духовного измерения в повседневности, несмотря на то, что мир постоянно изменяется. Есть два средства одухотворения социального мира – *вивека* (различение) и *вайрагья* (отречение). *Вивека* – это различение истинного и неистинного, духовного и материального, Бога и вселенной. *Вайрагья* – это непривязанность к миру и его соблазнам [4, С. 55]. *Вайрагья* и *вивека* позволяют воспитать и преобразовать, направить по другому руслу (по направлению к Богу) все человеческие страсти, и тем самым одухотворить и облагородить его [4, С. 67, 69].

Рамакришна, сознавая трудность предлагаемого пути, неоднократно подчёркивает необходимость настойчивого следования по этому пути, не откладывая его ни на один день. В одной из его притч два земледельца перед засухой заняты проведением воды к своим полям; один без усталости совершает свой труд целый день до тех пор, пока дело полностью не завершено, другой прервал труд при первой возможности и остался без урожая [4, С. 105–106]. Другой притчей – о бедном дровосеке, который по совету мудреца всё дальше и дальше углублялся в лес, находя там сандал, залежи меди, серебра, золота и алмазов и в итоге разбогатевшем [4, С. 106–107; 20, С. 176], – Рамакришна иллюстрирует необходимость постоянного духовного развития, терпения и преданности на этом пути.

Показательно, что Рамакришна говорит о жизни человека в обществе, используя социологический термин «роль». На вопрос о том, почему мирские люди не отказываются от всего ради Бога, проповедник отвечает:

«Может ли актёр, выходящий на сцену, вдруг сбросить свою маску? Пусть мирские люди сыграют свою роль, и в своё время они избавятся от своего ложного облика» [4, С. 60; 20, С. 127]. Рамакришна хорошо понимает, что без труда, без удовлетворения повседневных потребностей в человеке никогда не проснётся духовное начало: «Наша жизнь зависит от материальной пищи; если вам нечего будет есть сегодня, ваш ум отвернётся от Бога» [5, С. 122]. Впоследствии эту мысль будет развивать Свами Вивекананда: «Предлагать религию людям, умирающим от голода – это оскорбление. Преблагать метафизику человеку, умирающему от голода – это оскорбление» [1, С. 347] и «Я не верю в такую религию, которая неспособна осушить слёзы вдовы и накормить сироту» [21, Т. 5, С. 50]. Поэтому Рамакришна признаёт и приветствует все обязанности (роли) мирского человека – воспитание детей, содержание семьи, заботу о жене и родителях, так как именно в этом проявляется любовное отношение к близким. «Не человек тот, кто не обладает сердцем и добротой», – заключает Рамакришна [5, С. 222]. Но главное требование – предать себя воле Бога – неизменно.

В соответствии с религиозно-философской традицией Рамакришна говорит в притчах о трёх путях к Богу и свободе – *джнана* (знание), *бхакти* (любовь) и *карма* (труд). Путь *джнаны* – осознания Абсолюта – Рамакришна считает чрезвычайно трудным в современную эпоху (*Кали-югу*, или железный век, в котором наблюдается крайний упадок *дхармы* (добродетели и религии)): чем больше привязанность к миру, тем менее человек способен достичь знания в высоком смысле. Жизнь человека зависит от необходимости добывать средства к существованию, её срок очень короток, и к тому же человек не свободен от иллюзии отождествления своего «Я» со своим физическим телом [4, С. 71–72]. Ввиду этих трудностей Рамакришна большее внимание уделяет путям *кармы* и *бхакти*.

Карма (или *карма-йога*) объединяет исполнение обязанностей в миру ради прославления Бога, а также всевозможные обряды, молитвы и поклонение. И если с древнейших времён под кармой понимался прежде всего религиозный ритуал, то Рамакришна решительно смещает акценты на повседневную социальную деятельность, социальное служение, исполненное доброты, милосердия, любви к ближнему. В этом со всей очевидностью сказалось влияние христианства, испытанного Рамакришной в религиозном опыте. Но он неоднократно подчёркивает, что карма как «общение с Богом при помощи труда, деятельности» [4, С. 183] – очень трудна в материалистический век Кали-юги, так как трудно исполнить все обязанности, налагаемые на человека священными книгами [5, С. 119], а земной работы оказывается слишком много.

Поэтому самым лучшим и действенным путём к Богу оказывается путь *бхакти-йоги* – искренней любви и преданности, молитве и восхвалении Его

[5, С. 120, 184]. Главное достоинство этого пути – общедоступность и освобождение от внешних проявления религиозности – участия в ритуалах и церемониях [5, С. 185]. И снова учение Рамакришны созвучно новым идеям Бенгальского Возрождения – а именно антиритуалистскому пафосу Раммохана Роя, выступившего против индусского идолопоклонства и суеверий, делающих людей бесчувственными и жестокими, и Дебендронатха Тагора, предпочитавшего непосредственное общение с Богом изощёренным ритуалам. Продолжая с одной стороны антиритуалистскую линию средневекового религиозного движения *бхакти*, Рамакришна указывает на актуальность исканий «Брахмо Самаджа», хотя и подчёркивает, что его подход не исчерпывает всего многообразия религиозного опыта. У Рамакришны, тем не менее, есть указание на взаимосвязь *кармы* и *бхакти*. «Цель жизни – это достижение Бога. Работа (карма) есть только первая глава жизни; она не может быть целью, но работа без стремления к результатам есть средство достижения Бога, хотя, конечно, не цель. Однако никто не может избежать работы, деятельности (кармы)», – говорит Рамакришна ученикам [5, С. 164]. *Карма* и *бхакти* – две стадии на пути к идеалу; одним требуется пройти их последовательно, другим проще перейти от труда без привязанности к любви-*бхакти*.

В соответствии с преобладанием в человеке определённого пути к освобождению, Рамакришна определил четыре типа личности: интеллектуальный (*джнани*), эмоционально-набожный (*бхакта*) мистик-созерцатель (приверженец *раджа-йоги* – ещё одного пути к освобождению) и практик (*карма*). По свидетельству Вивекананды, Рамакришна видел наивысший долг человека в формировании собственной личности, в формировании характера, и был убеждён, что различные религии способствуют формированию одного из четырёх типов личности [1, С. 453]. Кроме того, Рамакришна считал, что в будущем человечество добьётся сочетания в одном человеке всех четырёх типов [1, С. 453]. Иными словами, путь к совершенствованию социального мира лежит через совершенствование человеческой личности. Об этом Рамакришна неоднократно говорит в связи с двумя предметами: кастовой системой и социальными реформами.

Дух отрицания кастовых различий присутствовал в средневековом *бхакти*. Кастовую систему как преимущественно отрицательную социальную организацию рассматривали многие современники Рамакришны. Против всевластия брахманов в социальной жизни и ограничений кастовой системы активно выступал Раммохан Рой; с кастовой дискриминацией в сфере образования довольно успешно боролся учёный, социальный реформатор и просветитель Ишшорчондро Биддешагор; Кешобчондро Сен отстаивал социальный и исторически преходящий характер института каст, отрицая его религиозное содержание. Рамакришна рассматривает касты и в религиозном, и в социальном аспектах. В первом кастовые различия и установле-

ния сохраняют значение до тех пор, пока человек не достигнет духовного совершенства: «Когда осознание своего подлинного «Я» достигнуто, все узы спадают сами. Тогда нет различия между брахманом и шудрой, между высокой и низкой кастой» [20, С. 147]. И далее: «Одухотворённые люди составляют собственную касту, стоящую выше всех условностей общества» [4, С. 136–137]. В социальном аспекте его подход, по сути, доказывает социальный характер кастовой системы. Ощутивший Бога человек не признаёт касты, подобно невинному ребёнку, для которого «всё одинаково и нет ни большого, ни малого. Поэтому у ребёнка нет чувства *касты* или *веры* (курсив мой. – Т. С.)» [4, С. 44]. Смысл высказывания Рамакришны предельно ясен: осознание кастовых и религиозных различий приходит постепенно, в процессе интеграции человека в общество, которое диктует ему свои правила, в том числе – кастовой социальной структуры. И преодолеть их способна только знающая и свободная личность.

«Вы говорите о социальных реформах! Но вы можете делать это после того, как почувствуете Бога. ...Это единственное, что необходимо. Все другие вещи будут даны Вам», – говорил Рамакришна [5, С. 121]. На первый взгляд это позиция традиционалиста – из ряда противников социальных реформ, ортодоксальных гонителей Раммохана Роя и младобенгальцев. Но Рамакришна – не ортодокс и не традиционалист. Он безоговорочно поддерживает социально-реформаторскую деятельность Ишшорчондро Биддешагора: «Вы даёте бесплатное воспитание и образование детям и делаете добрые дела, это хорошо. Тот, кто делает добрые дела из любви, не ища результатов, достигает Бога», – говорил Рамакришна Биддешагору, считая его «Океаном ...истинного знания, ведущего к Богу»¹³ [19, С. 150–151]. Кешобчондро Сену Рамакришна говорит иное: «Вы выступаете против браков, заключаемых детьми, против кастовой системы, защищаете равноправие женщин и женское образование, но я говорю, что нужно только одно: восприятие Бога и преданность Ему» [5, С. 120].

Эти высказывания парадоксальны только на первый взгляд. Во-первых, Рамакришна, как уже говорилось выше, сознаёт трудность *карма-йоги* как пути, поэтому в социальных реформах он признаёт только такое действие, которое делается не ради славы и почестей, но ради мира и человека. Во-вторых, как религиозный проповедник, он не желает, чтобы средства заслонили цель и превратились в деятельность ради деятельности, тем более – чтобы цель была эгоистической. «Не ищите дела больше, чем вы можете исполнить. Если вы будете делать так, вы забудете Бога», – сказал Рамакришна индусу-миллионеру, говорившему об основании больницы, школ и благоустройстве городов [5, С. 118–119]. Но принципиальных различий между подходами бенгальских реформаторов и Рамакришны, по

¹³ Биддешагор (санскр. «Видьясагар») – буквально означает «Океан знания».

моему убеждению, не существует: социальные реформы и просвещение являются для них средствами духовного обновления и развития человека и общества. Рамакришна по-своему признал важность социально-реформаторской и просветительской деятельности и актуальность духовных исканий бенгальской интеллигенции, чем подтвердил верность вектора, обозначенного Раммоханом Роем и его духовными наследниками. В известной степени можно говорить и о том, что в лице Рамакришны традиционная Индия одобрила движение общества по пути модернизации.

Социально-философское содержание учения Рамакришны Парамахансы более, нежели собственно религиозное содержание, позволяет судить о его месте в истории Бенгальского Возрождения и о его влиянии на философию последней трети XIX – начала XX вв.

Личность и учение Рамакришны являются особым фактором, воздействовавшим на философский и культурный синтез Бенгальского Возрождения. Сам он не был представителем того социального слоя, который порождал выдающихся и рядовых деятелей эпохи. В изданиях «Миссии Рамакришны» подчёркивается, что Рамакришна своей жизнью наглядно демонстрировал и отстаивал духовные идеалы древней Индии, и эта древняя Индия в лице проповедника столкнулась с Индией современной в лице ведущих мыслителей девятнадцатого века [17, С. 57]. Это верно лишь отчасти. Учение Рамакришны – это традиция, но не только традиция древности, но традиция *развивающаяся*, включающая в себя *бхакти* и суфизм, развитые философские школы индуизма, к тому же это традиция, испытавшая в личном религиозном опыте Рамакришны воздействие ислама, христианства, буддизма, а следовательно, не имеющая общего с ортодоксальностью. Именно эта неортодоксальность традиционного на первый взгляд учения Рамакришны и привлекла к нему ведущих деятелей Бенгальского Ренессанса, испытывавших всё возрастающий интерес к собственной духовной традиции, к истории и культуре. По духу и содержанию учения Рамакришна – не традиционалист, а реформатор, и в этом причина его серьёзного воздействия на бенгальских мыслителей. Эта неортодоксальная традиция своеобразно уравнивала воздействие Запада, в котором не было недостатка для представителей индийских состоятельных слоёв.

Рамакришна по-своему решает ключевую проблему бенгальского гуманизма о соотношении страдания и счастья в жизни человека [12]. Несмотря на то, что мир и привязанность к нему являются источником страданий, для их преодоления необходимо отречься от привязанности к результатам деятельности и от соблазнов, *не отрекаясь от мира*. Счастье Рамакришна мыслит в религиозном ключе: как обретение Бога, общение с ним, обретение свободы духа, – *но возможное и необходимое в социальной жизни, в миру*.

Синтез Востока и Запада в учении Рамакришны – это прежде всего синтез религиозных идей (на основе индуизма), без обращения к западным инновациям и достижениям, как это было у бенгальских мыслителей Нового времени. Но так же как и у них, внутри этого синтеза в учении Рамакришны есть и другой синтез – *ренессансного религиозного гуманизма*, сострадающего человеку, *реформации*, делающей акцент на монотеизме, непосредственном общении с Богом и диалоге религий, и *просветительского рационализма* – в виде признания главенства разума и знания в религиозной и социальной жизни. Братство людей, благоговейное отношение друг к другу, неприятие кастовых предрассудков, социальное служение, видение Бога в человеке, идеи любви и милосердия, самопожертвования имели параллели в трудах корифеев Бенгальского Возрождения.

Религиозное и социальное содержание учения Рамакришны стало, по моему мнению, одним из серьёзных факторов формирования в идеологии Бенгальского Ренессанса консервативного течения, оппозиционного либерализму. Либерализм в новой идеологии был на подъёме в 1830–1880-х гг., а консерватизм – с 1880 г. [18, С. 16–17]. Консерваторов не следует отождествлять с традиционалистами, придерживавшимися индусской интеллектуальной традиции и не желавшими принимать каких бы то ни было изменений в социокультурной сфере [18, С. 3–5]. Приверженцы обоих течений получили западное образование, были склонны к рационалистическому мышлению, разделяли идеи превосходства монотеизма в религии, необходимости принятия западных наук и продвижения инноваций. Поначалу (1830–1880) либеральным было всё движение Бенгальского Ренессанса, затем, под влиянием деятельности писателя и общественного деятеля Бонкимчондро Чоттопадхья (который встречался и беседовал с Рамакришной) и ученика Рамакришны Свами Вивекананды стал распространяться консерватизм.

Нирад Чоудхури отмечает три момента различия между либерализмом и консерватизмом в Индии: 1) вопрос о степени и темпе проведения инноваций, особенно социальных реформ (так, консерваторы были сторонниками сохранения status quo женщин); 2) вопрос о сохранении того, что рационально в традиционной жизни; 3) вопрос об индийской духовности [18, С. 17]. Последний вопрос консервативная школа мысли решала таким образом, что почти единственной миссией Индии оказывалось раскрытие миру своего духовного послания, а материальное развитие представляло только средством выведения Индии на равный с Западом уровень. Либеральная школа, со своей стороны, была больше сосредоточена на гуманистических и культурных, а не собственно религиозных аспектах и видела миссию Индии в продвижении синтеза культур [18, С. 18]. Однако обе школы были едины в своей цели: сохранении и развитии

культурного и исторического своеобразия Индийского субконтинента в условиях модернизации.

Однако консерваторы (как и многие другие) видели в учении Рамакришны (и в его интерпретации Вивеканандой) прежде всего духовное, религиозное содержание. Но достаточно сопоставить социальные воззрения Вивекананды с воззрениями его учителя, чтобы увидеть, что без них его социальная философия могла и не состояться во всей её полноте. Вивекананда унаследовал и развил такие идеи Рамакришны, как 1) идею тесной связи между духовным развитием личности и социальным развитием, 2) идею о том, что разум способствует совершенствованию социальной жизни через каждого отдельного человека, 3) идею о возможности духовной и социальной свободы человека, 4) идею освобождения через труд в обществе (т. е. социальное служение), 5) отрицание аскетизма и признание возможности высокодуховной жизни в миру, 6) идея взаимопроникновения материальных и духовных аспектов социальной жизни, 7) видение социальной роли религии как средства одухотворения общественных отношений. Поэтому если в сфере религии в учении Рамакришны осуществляется «примирение» различных толков в индуизме, то в социальном содержании его учения не содержатся традиционалистские идеи; напротив, происходит развитие и преобразование ряда социальных идей традиции в соответствии с изменяющимися условиями.

Не только религиозное, но и социально-философское содержание учения Рамакришны объективно было адресовано всем слоям индийского общества – и приверженцам многочисленных направлений и культов «народного индуизма», и брахманам ортодоксам, тщательно культивирующим «брахманский идеал» религиозной и социальной жизни, и реформаторам эпохи Бенгальского Ренессанса и – шире – представителям иных религиозных общин. Тонкой диалектикой совпадения противоположностей в своих притчах Рамакришна продемонстрировал, с одной стороны, относительность истин, проповедуемых в качестве абсолютных разными религиозными и социальными группами, односторонность любых бескомпромиссных подходов – будь то негибкое жёсткое ортодоксальное социальное идеала брахманов или настойчивого продвижения социальных реформ у брахмоистов во главе с Кешобчондро Сенном. С другой стороны, Рамакришна показал возможность достижения социального компромисса между противоборствующими сторонами на основе признания ими единства абсолютной истины и основополагающих ценностей. В качестве религиозного проповедника, святого (традиционной фигуры для Индии) Рамакришна транслировал в своих притчах идеи гуманизма корифеев Бенгальского Ренессанса (вполне независимо от них) в народные массы, и наоборот, говорил о глубоком содержании

«народного индуизма» и традиции представителям «творческого меньшинства» (А. Тойнби) эпохи, поставившим целью не только религиозное и нравственное, но и социальное возрождение Индии.

Библиографический список

1. Вивекананда Свами. Практическая веданта. Избранные работы / Под ред. В. С. Костюченко. – М., 1993.
2. Джиотирупананда Свами. Жизнь по Веданте. Лекции, прочитанные в г. Пензе 19–27 мая 1996 г. / Пер. с англ. – Миасс, 1997.
3. Ишервуд К. Рамакришна и его ученики. Пер. с англ. – М., 1997.
4. Поучения Шри Рамакришны / Пер. с англ. – СПб., 1995.
5. Провозвестие Рамакришны. Предисловие и введение Свами Абхедананды. – М., 2000.
6. Рашковский Е. Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX вв. – М., 1990.
7. Роллан Р. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды. Пер. с франц. – М., 1991.
8. Рыбаков Р. Б. Буржуазная реформация индуизма. – М., 1981.
9. Рыбаков Р. Б. Религиозно-реформаторское учение Рамакришны Парамахансы (1836–1886) // Идеологические проблемы современной Индии. – М., 1970. – С. 175–194.
10. Рыбаков Р. Б. Сарада Деви // Выдающиеся женщины Индии XX века. – М., 2002. – С. 34–60.
11. Скороходова Т. Г. Гуманизм эпохи Бенгальского Возрождения // VI Лебедевские чтения. Материалы докладов научной конференции. – Пенза, 2005. – С. 31–35.
12. Скороходова Т. Г. Свобода в социологических взглядах Свами Вивекананды // Свобода, собственность и нравственность в России: возможно ли согласие: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции. – Пенза, 2003. – С. 71–75.
13. Скороходова Т. Г. Семья Тагоров: живая история Бенгальского Возрождения // Тагор Дебендронатх. Автобиография. Перевод с английского, вступительная статья, примечания Т. Г. Скороходовой. – М., 2007. – С. 5–96.
14. Тагор Рабиндранат. Собрание сочинений в 12-ти тт. / Пер. с бенгал. и англ. – М., 1961–1965. – Т. 9.
15. Так учил Рамакришна / Составители Р. Б. Рыбаков, Н. С. Макаренко. – М., 1993.
16. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада. – СПб., 2005.
17. Шри Рамакришна. Биография в фотографиях. – М., 2004.
18. Chaudhuri N. Ch. The Intellectual in India. – New Delhi 1967.
19. The Gospel of Sri Ramakrishna / Transl. into English with an introduction by Nihilananda. – N. Y., 1988.
20. Müller F. M. Collected Works. Vol. X. Ramakrishna, His Life and Sayings. – L., 1910.
21. Vivekananda Swami. Complete Works. Mayavati Memorial Edition. Mayavati – Almora, 1998–2002. – 9 vols.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КИТАЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX В.

Первичные представления о предмете социологии. Китайская интеллектуальная элита получила первичные представления о последних достижениях западной гуманитарной науки только во второй половине XIX в. Социология как отрасль научного знания привлекла в первую очередь теоретиков, близких к «движению за усвоение заморских дел» (*янью юньдун*). Особенно большую роль сыграл в процессе рецепции представлений европейских и японских социологов переводчик и мыслитель Янь Фу (1854 – 1921), в 1903 познакомивший китайскую общественность с «Изучением социологии» (кит. *Цюнь сюэ и янь*) Г. Спенсера [1]. Естественно, что первоначально речь шла именно о популяризации, т. е. просветительской деятельности [2].

Янь Фу впервые познакомился с творчеством Г. Спенсера в конце 1880 – начале 1881, популяризовав его в ряде статей («Об источнике могущества» и проч.). Именно под влиянием Г. Спенсера Янь Фу впервые в китайской интеллектуальной истории занялся определением предмета социологии. В результате социология (*цюнь сюэ*) определялась им как наука, «служащая ключом к постижению процесса развития общества и доминирующее орудие, способствующее эволюции и совершенствованию государства» [3].

Публикация в Японии перевода «Социологии» Ф. Хиддингса дала новый толчок теоретическим изысканиям. Своеобразная политическая обстановка в Китае после провала реформ 1898 (*у сюй*) и консервативного переворота императрицы Цы-си делала теоретическое творчество в значительной степени анонимным. Основной формой пока были статьи в периодических изданиях.

В 1901 в анонимной статье «Теория беспредельного и великого предела» социология упоминается как наука, исследующая взаимоотношения между людьми. Интересна статья «Об отборе», опубликованная в 1902, и посвящённая сравнительному анализу биологии и социологии как наук. Социология в понимании автора этой статьи должна была заниматься постижением процессов эволюции общества, но одновременно содействовать пониманию явлений в мире живых существ [4].

Особое внимание в начале XX в. уделял социологии Чжан Тай-янь (именуемый также Чжан Бин-линь, 1876 – 1936), ибо став одним из первых китайских журналистов, он последовательно знакомил китайскую

публику с работами О. Конта, Г. Спенсера и Ф. Хиддингса, а также японских учёных (напр., Касимото Номута). Однако Чжан Бин-линь первым стал последовательно проводить метод «аналогии культурных ценностей» [5]. Он провозгласил, что доктрины Гуань-цзы, Чжуан-цзы и Хань Фэй-цзы можно сравнивать с доктринами персон, перечисленных выше [6]. Эта же мысль была повторена в предисловии к новому переводу «Социологии» (*Шэ хуй сюэ*) Г. Спенсера. Исходя из постулатов китайской традиционной мысли, Чжан Тай-янь заявил, что задачей социологии как науки является – вскрывать истоки формирования и развития человеческого сообщества, и прогнозировать его будущее. Он писал: «*Даосы* [7] *начинали как летописцы. Они хорошо изучили памятники и приснопамятную старину, так что в конце концов [отыскали] те скрытые [в прошлом] пружины, которые способствовали управлению движением людей и событий вперёд и назад*» [8].

Интересно при этом, что переводчик Г. Спенсера совершенно отверг социал-дарвинистское отождествление человеческого общества с животным миром, поскольку социология в его понимании является универсальной наукой, объясняющей сущность мироздания в целом, что корреспондирует отнюдь не с даосской, а с конфуцианской доктриной. В результате он даёт следующее определение: «*Социология (шэ хуй чжи сюэ) помогает судить и о различных аспектах естественных наук: о формах притяжения, о распространении звука и света, о разложении материи на составные части. Она объясняет, почему если в одном месте так, то и в другом месте не может быть иначе. Что же касается обширности разума и многообразия деятельности людей, к ним нельзя подходить односторонне*» [9].

Таким образом, О. Конт и Г. Спенсер оказались в конце концов Чжан Бин-линем отвергнуты. В обоих случаях основаниями для критики выступала гносеология, в частности приводящая к религиозному индифферентизму, в то время как для Китая было немислимо усовершенствовать мораль совершенно без религии.

Итак, как видим, уже на самом раннем – просветительском этапе, воззрения на предмет и ценность социологии в Китае существенно различались. Оригинальным может показаться, что современник Янь Фу и Чжан Бин-линь – Сунь Ят-сен (1866 – 1925) упоминал о социологии вскользь и достаточно противоречиво. К опыту социальной науки он обратился в 1906, трактуя третий свой Великий принцип – «народного благосостояния» (*минь шэн чжуи*), который он, как известно, отождествлял с социализмом (*шэ хуй чжуи*). Для Сунь Ят-сена социология оказывается тесно связанной с экономической наукой, точнее, даже с аграрной проблемой [10].

В этом плане не могли не быть солидарны с учителем его соратники – Ху Хань-минь (1879 – 1936) и Ван Цзин-вэй. Они полемизировали с Лян Ци-чао, который пренебрежительно высказался по поводу включения экономических проблем в сферу социологии. Однако для Ху Хань-миня первичным было подчеркивание тесной связи биологии социологии, но, в отличие от вышеназванной статьи 1902, первичной для него была биология. Ван Цзин-вэй увязывал социологию с национальной проблемой. Он писал: *«Социологи (шэхуйсюэчжэ) утверждают, что определение “нация” (минцзу) предусматривает строгие границы, постоянство и однородность [этнического состава]. По мере ослабления [этих признаков] нации рано или поздно грозит гибель. Но её численный рост за счёт объединения с другой нацией сулит обществу (шэхуй) грядущий расцвет и постепенное стирание национальных границ»* [11].

Крупнейший китайский теоретик начала XX в. Лян Ци-чао (1873 – 1929) не раз в своих исследованиях обращался к социологическим проблемам, но специально социологией не занимался. Соответственно, тщетным было бы искать определение социологии как науки в его трудах. Однако в своих исторических штудиях он подметил трансформацию воззрений на «естественный закон» на протяжении XVIII в., так что фактически увидел тесную связь между социологической и исторической науками. Это произошло в период его сближения с крайне левыми, к краткой характеристике взглядов которых на социологию мы и переходим.

Лидер китайских анархистов Лю Ши-пэй (1884 – 1919) [12] прямо зависел от западных социологических концепций при обосновании своих собственных социально-политических взглядов. Однако в главном он был неоригинален: связывал успехи социологии с распространением эволюционной теории. Социология, в трактовке Лю Ши-пэя, занимается, главным образом, проблемами независимости и равенства людей [13]. В его суждениях явно видно увлечение руссоизмом: *«Согласно книгам западных социологов, у первобытных жителей поначалу отсутствовала [какая-либо] организация, тем не менее, [как утверждал] господин Руссо, они были равноправными (пиндэн) и независимыми (ду ли) людьми, и, с научной точки зрения, [такое положение] должно стать всеобщим законом (гун ли), не подлежащим изменению»* [14]. Не менее привлекательными были для него теории социологов относительно религии и суеверия, особенно того же Ж. Ж. Руссо: религия возникла в древности в умах правящего сословия как механизм контроля их подданных... Причудливым образом сюда вплеталась борьба за существование: *«В книгах социологов нового времени имеется такая информация: “Когда у дикарей не хватало еды, они [выходили на тропу] войны, и нередко наблюдались*

случаи каннибальства... Если же не съедали [пленников], то привязывали их к себе и превращали в рабов» [15]».

Лю Ши-пэй также относил к социологическим сюжетам обычай бракосочетания и проч. В целом, социология в его понимании объединяла политологию, историю, религиоведение и этнографию.

Проблема моизма. Особое место в ряду прочих социологических проблем, заняла в Китае начала XX в. интерпретация учения древнекитайского мыслителя Мо Ди [16]. Он жил и творил в период Борющихся царств (481 – 221 до н. э.) в середине V в. до н. э. Учение его в древности не выдержало конкуренции с конфуцианством и легизмом, и было до такой степени забыто, что в традиционных китайских библиографиях место моистским трактатам не нашлось, и они в конце-концов оказались в ряду даосских канонов... В конце XIX в. учение воина-пацифиста, оказывающего силами своей секты помощь слабым в военном отношении царствам, оказалось востребованным в некогда великой державе, теснимой империалистическим хищниками на всех фронтах... Первыми к его наследию обратились ученики Кан Ю-вэя. Затем настала пора остальных.

Неизбежно Мо Ди должен был оказаться основателем китайской социологии. Впервые такой взгляд был высказан неким Цзюэ Фо в статье *«Мо Ди чжи сюэшо»* (Учение Мо Ди). Дословно он писал: *«Период Семи сражающихся государств – это самая славная и прогрессивная эпоха с точки зрения [развития] нашей науки... Первый выдающийся человек среди социологов нашей страны Мо Ди [именно в это время] проявил себя на арене [научной жизни]»* [17].

Главным аспектом учения Мо Ди, одинаково популярным у правых и левых в начале XX в., была концепция *цзянь ай* («всеобщей любви») [18]. *Цзянь ай* моистов – концепт, позволяющий отвергать деление общества на социальные группы и пропагандировать всеобщее равенство [19].

Цзюэ Фо подошёл к проблеме *цзянь ай* как типичный конфуцианец. Хотя он критикует конфуцианское социальное учение с позиции моизма, он при рассмотрении учения Мо Ди, не колеблясь, отождествляет социологию и этику. Идея «равной ко всем любви» должна составлять основу государственной и семейной этики (опять конфуцианские концепты, моизму чуждые!). Цзюэ Фо писал: *«Этика Мо-цзы – это равная ко всем любовь. Чтобы разрушить деление на ранги (це цзи) следует пропагандировать принцип равной ко всем любви, который означает социализм (шэхуйчжун).* Как член общества, индивид обязан со всей искренностью отдавать свои физические и нравственные силы на благо общества... Государство представляет собой коллективную организацию общества, поэтому с появлением нового общества возникает и новое госу-

дарство. Такая общая этика, как равная ко всем любовь, содействует формированию общества (*шэхуй*)» [20].

Итак, в понимании Цзюэ Фо (видимо, на него оказала воздействие доктрина Кан Ю-вэя) принцип *цзянь ай* предопределяет отношения между социумом и личностью, побуждая человека опираться на собственные возможности. Мо-цзы сосредоточивался на деяниях людей, ведущих к процветанию государства, умножение познания при этом закономерно влекло за собою усовершенствование управления.

Цзюэ Фо, также в конфуцианском духе, после рассмотрения пары «человек – общество» рассматривает пару «человек – семья». Однако в его интерпретации моизма на первое место выходит семейная этика, но не в контексте «школы человеческого общежития», как она рассматривалась конфуцианством [21], а применительно к положению женщины в Китае. Впрочем, справедливости ради заметим, что Мо Ди был утилитаристом, и утилитаристское его отношение к семье хорошо видно применительно к проблеме демографического спада: содержание гаремов оставляло безбрачными множество мужчин низших сословий, в силу чего податное население сокращалось... Цзюэ Фо же писал: «*Несмотря на то, что Мо-цзы [непосредственно] не затрагивал вопрос равноправия женщин, но его [принципиальная] идея равенства даёт об этом некоторое представление. Почему? Потому что Мо-цзы глубоко сожалел о существовании такого обычая, как многожёнство. Во многих цивилизованных странах Запада одному мужчине не разрешается иметь нескольких жён...*» [22]

Цзюэ Фо идёт далее: приписывает Мо Ди как социологу приоритет в разработке теории эволюции! Это было необходимо для того, чтобы заявить, что метод применения принципа *цзянь ай* был социологическим. Равная ко всем любовь, согласно Цзюэ Фо, исполняла роль общей морали, на основе которой и зиждилась (автор стыдливо умалчивает, что общепринятым учением в Китае моизм так и не стал), объединяя его членов для перманентного обновления социума. *Цзянь ай* позволяет массе людей (*жэнь цюнь*) превратить в общество (*шэхуй*), создаваемое путём единения (*тун и*) его членов на основе закона (*фа люй*). Общая этика (*гун дэ*) обретает статус неформального свода законов [23].

Осовременивание древнего автора налицо (здесь, возможно, Цзюэ Фо следовал по стопам немецкого миссионера Э. Фабера, ещё в 1876 опубликовавшего монографию об учении Мо Ди, заявив, что тот был теистом и социалистом). Помимо Цзюэ Фо похожие взгляды демонстрировал Май Мэн-хуа (1875 – 1916), ученик Кан Ю-вэя, объявлявший себя сторонником и последователем социологического учения Мо-цзы.

Оба публициста согласны в одном: длительное пренебрежение моизмом со стороны современников привело к застою китайского общества

и неразвитию общей морали. Здесь следует вспомнить статью «Теория о Беспредельном и Великом Пределе» (*У цзи Тай цзи лунь*), о которой мы упоминали в начале статьи. Её анонимный автор, явно отождествляя понятие любви – *ай* и конфуцианского человеколюбия – *жэнь* [24], акцентировал чувство любви к себе подобным в человеческом обществе, а также и во всём органическом мире как квинтэссенцию социологии. Более того, объектом социологии как науки провозглашается исследование любви человека к себе подобным. Однако в статье содержится призыв не ограничиваться любовью только к себе подобным, что явно указывает на буддийский генезис подобных взглядов [25]. Впрочем, эти мотивы дополнялись органической теорией общества Г. Спенсера... [26].

Чжан Бин-линь несколько менее восторженно подошёл к проблеме моизма. Приоритетным для него, разумеется, оставался концепт равной ко всем любви. Этой проблеме посвящена специальная статья *Жу мо* («Конфуцианство [и] моизм»). Чжан Тай-янь признаёт, что этические установки Мо Ди чрезвычайно отличны от конфуцианских, и не вписывались в нормы морали ни по суровому Конфуцию, ни даже более терпимому Лао-цзы [27]. Однако его, как и всех его современников, «подкупал» характер постановки Мо-цзы вопроса об отношениях между индивидом и обществом. Впрочем, в оригинале у древнего мыслителя индивид воспринимался сугубо биологически...

Обращение китайских мыслителей начала XX в. к социологическим проблемам в основе своей было вынужденным и объяснялось иностранным влиянием. В традиционной мысли Китая, по преимуществу ориентированной социально-политически, не было аналогов социологическим системам, созданным даже в европейской античности. Китайская мысль (в т. ч. общественная) столкнулась с проблемой комплексной рецепции духовных ценностей западной цивилизации. Так получилось, что наследие Платона и Аристотеля, Ш. Л. Монтескьё и Ж. Ж. Руссо, О. Конта, Дж. С. Милля, К. Маркса и Г. Спенсера стало восприниматься одновременно, что породило ошутимый гносеологический кризис. В отдельных случаях получалось, что, высоко оценив совершенство какой-либо из «новомодных» теорий, китайские теоретики обнаруживали, что в Европе она уже давно стала историческим раритетом... [28]

В области социологии альфой и омегой китайских просветителей стал Г. Спенсер. Впервые с социологией Китай ознакомил, видимо, Шэнь Сяньюнь, назвав своим современникам имена Ж. Ж. Руссо, И. Канта, Ш. Л. Монтескьё и Г. Спенсера, но время глубоко осваивать их теории наступило позднее. Воздействие Г. Спенсера было наиболее глубоким, его признавали все идейные противники: анархисты, суньятсенисты и последователи Лян Ци-чао, сплотившиеся позднее вокруг его Прогрессивной партии.

Упомянутый выше гносеологический кризис вынуждал изобретать теории, скрадывающие его. Китайские теоретики и публицисты предприняли заранее обречённую на поражение попытку скорректировать заимствованные идеи с теоретическим арсеналом мыслителей эпохи Поздней Чжоу (в первую очередь, Мо Ди, Гуань-цзы, Сюнь-цзы и Хань Фэй-цзы), содержащим, на их взгляд, так называемые «социологические постулаты».

В центре внимания теоретиков оказался ряд чрезвычайно объёмных вопросов, среди которых на первое место поставим два: 1) характер и природа общества; и 2) взаимоотношения личности и общества. Характерно, что в ответах на них у мыслителей с чрезвычайно несходными политическими взглядами, образовалось известное единство. Так, социум воспринимался как образование, созданное усилиями людей, способствующее приумножению материальных и духовных ценностей, противостоящее популистским тенденциям к свободе и независимости его членов. В качестве связующих скреп общества фигурировал почти исключительно морально-нравственный фактор.

Однако при единодушной констатации факта тесной взаимосвязи в рамках бинарной оппозиции «личность – общество», существовал широкий спектр мнений относительно характера связи в этой оппозиции. Проконфуциански настроенные авторы писали не только о позитивном влиянии общества на отдельного человека, но и о стимулирующем воздействии личности на социум. Прочие (особенно анархисты) отрицали всякую положительную роль общества, и усматривали в нём источник всякого зла и орудие закабаления человека.

Всего перечисленного достаточно для доказательства того, что все основные предсиньхайские идеологи Китая сформулировали своё понимание и определение науки об обществе. Их социологические взгляды преимущественно питались из двух источников – западной общественной мысли и национальной политической философии. Особого внимания удостоился Мо Ди, теоретики прочих политических школ Древнего Китая пользовались не меньшим вниманием. Вместе с тем первые социологические работы Китая не отличались глубиной содержания или особыми исследовательскими откровениями. Они были только первоосновой для формирования в Китае представления о социологии в современном её виде.

Примечания

1. Особенно высоко деятельность Янь Фу оценивала Л. Н. Борох. См.: Общественная мысль Китая и социализм. – М., 1984. – С. 31. Специально изучением его наследия занимался А. А. Крушинский. См.: Творчество Янь Фу и проблема перевода. – М., 1989.

2. Интересно, что лидер китайских просветителей и реформаторов Кан Ю-вэй (1858 – 1927) специально социологией не интересовался, и термина этого в своих трудах не использовал. Однако множество проблем, поднятых в его собственных трудах, особенно *Да тун шу* («Книге о Великом Единении») могут быть определены только как социологические, в частности, проблему конкурентной борьбы в мировом сообществе.

3. Крушинский А. А. Творчество Янь Фу и проблема перевода. – С. 26-27.

4. Н. М. Калюжная. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. – М., 2002. – С. 24.

5. Термин введён Дж. Левенсоном применительно к теориям Лян Ци-чао. Сущность его – отыскание аналогий феноменам современной западной науки в китайской традиции, соответственно, и провозглашение их прототипами...

6. См.: Н. М. Калюжная. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. С. 25.

7. Имеются в виду Гуань-цзы и Чжуан-цзы.

8. Шэхуйсюэ цзысюэ (Предисловие к «Социологии») // Чжан Тай-янь чжэн-лунь сюаньцзи. Пекин, 1977. С. 170-171.

9. «Шэхуй тунцюань» шаньдуй (Осуждаю «Политическую историю») // Чжан Тай-янь цюаньцзи.– Шанхай, 1985. – Т. 4. С. 323.

10. Подробнее см.: Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм. – М., 1984. С. 223 – 229.

11. Ван Цзин-вэй. Минцзу ды гоминь (Народ нации). Цит.: Н. М. Калюжная. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. С. 29.

12. Человек уникальной и тяжкой судьбы: получив традиционное конфуцианское образование, он был автором авторитетного комментария к древнему памятнику Цзо чжуань, сотрудничал в газетах. В 1907 был вынужден эмигрировать в Японию, где и основал «Курсы по изучению социализма», где проповедовал анархизм. Сотрудничал в журнале Тянь и бао («Естественный закон»). Вернувшись на родину в конце 1909, стал осведомителем генерал-губернатора Цзянси-Цзянсу... В 1912 был арестован, но освобождён благодаря личному знакомству с Сунь Ят-сеном – временным Президентом Республики. В 1915 вошёл в состав «Монархического союза», добиваясь коронации Юань Ши-кая... Подробнее см.: Стабурова Е. Ю. – Анархизм в Китае. 1900–1921. – М., 1983.

13. Интересно, что Лян Ци-чао, при переводе слова independence на китайский язык, был вынужден прибегнуть к биному ду ли (стоять одиноко), встречающемуся в конфуцианских канонах Ли цзи и И цзин. Подробнее см.: Мартынов Д. Е. Конфуцианское учение и маоизм. – Казань, 2006. С. 85. Несколько подробнее о том же: Мартынов Д. Е. Усвоение конфуцианским сознанием новых жизненных ценностей (конец XIX – начало XX в.) // Modern History: Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Материалы научной сессии кафедры новой и новейшей истории БашГУ. Вып. III. – Уфа, 2004. – С. 69-84.

14. Шэнь Шу (Лю Ши-пэй). Учжэнфучжуи чжи пиндэн гуань (Теории анархического равенства). Цит. по: Н. М. Калюжная. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. – С. 30.

15. Там же. – С. 31.

16. Его социальному учению посвящена единственная на русском языке работа: Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. – М., 1985. Крайне негативно к моизму относился В. А. Рубин (1923 – 1981). См.: Рубин В. А. Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта) // Личность и власть в Древнем Китае: собрание трудов. – М., 1999. С. 31–34.

17. Цит. по: Калюжная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. – С. 33.

18. Такой перевод предлагают М. Л. Титаренко и В. А. Рубин. Однако А. И. Кобзев в 2002 предложил переводить данный термин как «равная ко всем любовь», что точнее передаёт коннотацию термина.

19. Характерно, что соответствующая глава в монографии В. А. Рубина озаглавлена «Утопия всеобщего конформизма». См.: Идеология и культура Древнего Китая. С. 31.

20. Цит. по: Калюжная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. – С. 33.

21. См.: Мартынов Д. Е. Конфуцианское учение... С. 42–43 и далее.

22. Цит. по: Калюжная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. С. 34.

23. Об этом (в предельно кратком виде): Мартынов Д. Е. Моизм как базис социальной программы учения «Датун» Кан Ю-вэя // IV научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов Республики Татарстан. Тезисы докладов. Социально-гуманитарное направление. – Казань, 2002. – С. 181.

24. Подробнее см.: Win-Tsit Chan. The Evolution of the Confucian Concept *Jen* // Philosophy East and West. 1955. Vol. IV. P. 295-316; Win-Tsit Chan. K'ang Yu-wei and the Confucian Doctrine of Humanity (*Jen*) // K'ang Yu-wei. A Biography and a Symposium. Ed. by Jung-pang Lo. – Tucson (Arizona), 1967. – P. 356-367.

25. Ср.: Борох Л. Н. Влияние буддийского философии на утопию Кан Ю-вэя // Общество и государство в Китае: XXXIV научная конференция. – М., 2004. – С. 153-160.

26. О воздействии моизма на ведущих идеологов реформ: Тань Сы-туна, Сунь Ят-сена и других, см.: Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо Ди... – С. 140 и след.

27. Об этом см.: Калюжная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей. С. 36.

28. Мартынов Д. Е. Конфуцианское учение... С. 62.

ПРЕПОДАВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

А. Б. Тугаров, Т. В. Голодяевская
ПГПУ им. В. Г. Белинского

УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА «АНТРОПОЛОГИЯ» В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ (научно-методические рекомендации)

В соответствии с требованиями ГОС ВПО по специальности «социальная работа» общий объём часов, предусмотренный на изучение учебной дисциплины «Антропология», составляет 108 часов. Учебный план, по которому ведётся подготовка специалистов по социальной работе (дневная форма обучения) в Пензенском госпедуниверситете, отводит данной учебной дисциплине 114 часов, в том числе на аудиторные занятия: лекции – 38 часов, семинары – 19 часов и на самостоятельную работу студентов – 57 часов.

Учебная дисциплина ОПД. Ф. 01 «Антропология» изучается во II семестре I курса первой из блока общепрофессиональных дисциплин. «Антропология» изучается студентами после курса философии (I семестр) и параллельно с курсом социологии (II и III семестры). Данное обстоятельство позволяет рассматривать содержание учебной дисциплины «Антропология» как введение в человековедение, необходимое для профессиональной деятельности социального работника в его взаимоотношениях с клиентом.

Содержание дисциплины «Антропология» (ОПД.Ф.01) в соответствии с ГОС ВПО.

Понятие антропологии. Ее место в системе наук и практике.

Антропогенез: природно-социальная природа и эволюция человека. Человек – личность – индивидуальность.

Основные потребности, интересы и ценности человека. Его психофизические возможности и связь с социальной активностью.

Проблемы девиантности развития человека.

Антропологические основания социальной работы.

Учебная рабочая программа по дисциплине «Антропология».

№	Темы	Количество аудиторных часов	
		Лекции	Семинарские занятия
	<p><u>Предмет и методы антропологии.</u> Понятие антропологии. Место антропологии в ряду гуманитарных и естественных наук. Связь антропологии с социологией, культурологией, лингвистикой, психологией и биологией человека. Физическая антропология. Методы антропологии. Антропология биологическая, социальная, философская, теологическая</p>	2 2 2	2 2
	<p><u>Происхождение человека.</u> <u>Палеоантропология.</u> Закономерности эволюции живой природы. Факторы эволюции. Естественный отбор. Изоляция. Виды изоляции. Место человека в системе животного мира. Человек как примат. Биологические предпосылки очеловечения приматов. Ранние этапы эволюции приматов. Этапы эволюции человека. Социальное поведение антропоидов. Гипотезы моно- и полицентризма в антропогенезе.</p>	2 2 2 2 2	2
	<p><u>Происхождение человека.</u> <u>Проблема антропогенеза.</u> Основные концепции антропогенеза. Теории возникновения языка в человеческом обществе. Функции языка. Орудия труда первобытного человека. Эволюция орудий труда. Трудовая теория социогенеза Ф.Энгельса. Первобытные формы религии. Мифотворчество. Особенности первобытной психики.</p>	2 2 2	2 2

<p><u>Биология современного человека.</u> Проблема биологической и социальной детерминации поведения человека. Человеческая агрессивность как «инстинкт борьбы» по К.Лоренцу. Условия, вызывающие деструктивное поведение человека по Э.Фромму. Биологическая изменчивость в современных популяциях. Биологические типы и конституции человека. Основные закономерности роста человека. Биологический возраст. Экология человека.</p>	<p>2 2 2</p>	<p>2 2</p>
<p><u>Человек – личность – индивидуальность.</u> Основные потребности, интересы и ценности человека. Его психофизические возможности и связь с социальной активностью.</p>		<p>2</p>
<p><u>Антропологические основания социальной работы.</u> Эволюция человека: биологический, психологический, социокультурный аспекты.</p>	<p>4</p>	
<p><u>Этническая антропология (расоведение).</u> Видовое единство человека. Эволюционный принцип в систематике рас. Факторы расообразования. Антропологический состав народов мира. Морфологическая и экологическая характеристика крупнейших рас.</p>	<p>2 2</p>	<p>2</p>

За последние годы в отечественной учебной литературе обнаружилась определённая тенденция в построении структуры курса «Антропология». Суть этой тенденции – следовать классическому подходу к научному содержанию знания об антропологии. В этом случае в учебной программе выделяются разделы:

1. «Антропогенез. Происхождение и эволюция человека», в котором наибольший интерес представляют пункты: Эволюционная экология. Социальное поведение антропоидов. Человек современного типа (неоантроп). Распространение современного человека. Схемы, гипотезы, причины и факторы эволюции человека. Факторы и критерии гоминизации: саванная гипотеза; человек – «обезьяний урод?»; водяные гипотезы. Социальные аспекты происхождения человека. Возможные пути эволюции человека в будущем.

2. «Морфология человека. Соматическая и функциональная антропология» с основными пунктами: Многообразие форм и факторов изменчивости человека. Рост и развитие человеческого организма. Перюдицизация индивидуального развития. Биологический возраст. Основные закономерности роста человека. Физическое и умственное развитие. Акселерация. Старение и продолжительность жизни. Конституция человека. Социально-профессиональные вариации конституциональных типов. Связь телосложения с физиологическими функциями, болезнями и поведением. Проблемы биологической адаптации человека.

3. «Этническая антропология», в котором обращают на себя внимание пункты: Классификация человеческих рас. Современное распространение человеческих рас. Этнический и антропологический состав европейской части России и северной Азии. Основные факторы расообразования. Расообразовательный процесс в современную эпоху. Расизм и его социальные корни. Научная несостоятельность расистских теорий. (См.: 1)

Учебная программа, разработанная преподавателями Самарского госуниверситета для студентов специальностей «Социология» и «Социальная работа», своей структурой в целом отражает классический подход к содержанию антропологии. Её особенностью является высокая степень информативности отдельных пунктов разделов программы.

В разделе «Введение. Предмет и методы антропологии» физическая антропология определяется как «наука, изучающая биологические и психологические изменения человека вследствие возникновения социальной жизни, языка, культуры» (К. Леви-Строс). (См.: 2, с.)

В разделе 1. «Происхождение человека (антропогенез). Палеоантропология» информационно наполненными оказываются следующие пункты: Изоляция как фактор эволюции. Виды изоляции: географическая, сезонная, экологическая, поведенческая. Фундаментальные отличия человеческого общества от сообществ млекопитающих: производство орудий посредством орудий, использование языка, запрет инцеста. (См.: 2, с.4–5)

В разделе 2. «Происхождение человека. Проблема антропосоциогенеза» содержательный интерес представляют пункты: Социальные аспекты происхождения человека. Биологическое и социальное значение экзогамии. Овладение знаками как способ вхождения в социальный порядок. Теория возникновения языка в человеческом обществе. Орудия труда первобытного человека. Эволюция орудий труда. Трудовая теория социогенеза Ф. Энгельса. Первобытные формы религии: анимизм, тотемизм, фетишизм. Мифотворчество как первая «наука» человечества. Особенности первобытной психики.

В разделе 3. «Биология современного человека» следует отметить пункты: Проблема биологической и социальной детерминации поведе-

ния человека. Человеческая агрессивность как «инстинкт борьбы» по К. Лоренцу. Условия, вызывающие деструктивное поведение по Э. Фромму. Социальная регламентация сексуальности человека. Психофизиологические аспекты конституции человека. Экология человека.

Раздел 4. «Расоведение и этнография. Этнология» больше всего совпадает по содержанию с аналогичным разделом предыдущей учебной программы по антропологии. Поэтому студентам могут быть рекомендованы пункты: Эволюционный принцип в систематике рас. Антропологический состав народов мира. Морфологическая и экологическая характеристика крупнейших рас. Предмет и методы этнографии и этнологии. Проблемы этнопсихологии и этносемиотики (См.: 2, с.3,5,6).

Опыт преподавания антропологии студентам I курсам специальности «социальная работа» факультета социологии и социальной работы Пензенского госпедуниверситета в 2001–2006 гг. даёт возможность обратить внимание на ряд моментов научно-методического характера.

Во-первых, лекционный курс следует начинать с темы «Предмет и методы антропологии», являющейся по своему содержанию пропедевтической. Внимание студентов обращается на то, что «Антропология» для будущего специалиста по социальной работе предстаёт как введение в человекознание, поскольку именно люди являются и объектом социальной работы, и её субъектами. Именно поэтому социальному работнику необходимы антропологические знания: о происхождении человека и его рас, об изменчивости строения тела человека во времени и пространстве (В. П. Якимов, 1960.)

Во-вторых, с точки зрения профессиональной подготовки социального работника важно соотнести содержания учебных дисциплин «антропология» и «социология». Если первая даёт студентам научные знания о клиенте социальных служб и самом специалисте – социальном работнике, то вторая – о социальной среде и условиях, в которых проходит их жизнь. Поэтому правильное понимание биологической эволюции человека невозможно без анализа закономерностей развития человеческого общества. В силу этого антропология тесно связана не только с биологической, но и с общественными науками. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» весьма точно определил антропологию как науку, «опосредствующую переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории».

В-третьих, уже во вводной лекции у студентов следует сформировать представление о том, что задачами и методами исследования обуславливаются структура современной антропологии, её деление на три основных раздела: учение о происхождении человека (антропогенез), морфология человека и этническая антропология, или расоведение.

Складывается впечатление, что рассмотрение на лекциях и семинарских занятиях проблем антропогенеза в известной мере абстрагировано,

весьма косвенно связано с задачами и содержанием общепрофессиональной подготовки специалиста по социальной работе. Кроме того, точное восприятие студентами данных антропологии, археологии, палеонтологии и этнографии бывает весьма затруднительным. Выход из сложившейся ситуации видится в строгой целевой установке преподавателя: изучение проблем антропогенеза должно привести студента к формированию вопроса: «Завершается ли эволюция с появлением человека современного типа или же эволюционные изменения определённого свойства характерны и для сегодняшнего клиента социальных служб?»

Поиск ответа на данный вопрос будет более оптимальным, если по рекомендации преподавателя студенты составят на занятиях «Краткий словарь терминов теории антропогенеза», в который войдут следующие понятия:

- Архантроп: древнейший человек, вторая стадия эволюции человека. «Человек прямоходящий (или выпрямленный)».
- Неандерталец: человек разумный неандертальского типа, палеоантроп.
- Неоантроп: человек разумный современного типа, завершающая стадия эволюции человека.
- Плейстоцен: нижнее подразделение антропогена, характеризующееся появлением относительно большого количества новых форм жизни.
- Понгиды: представители подсемейства орангутангов и подсемейства антропоморфных (человекообразных) обезьян. Понгиды включают наиболее близкие к человеку роды обезьян: шимпанзе, гориллу и орангутанга.
- Сапиентация: процесс эволюционного развития вида *Homo sapiens*, заключительная эволюционная стадия очеловечивания, приведшая к появлению неандертальца и неоантропа. (См.: 2, С. 33, 62, 63, 68, 77).

Ответ на поставленный выше вопрос становится для преподавателя той содержательной основой, на которой строится рассмотрение целого ряда проблем морфологии современного человека, непосредственно связанных с рядом аспектов практической социальной работы. Данное обстоятельство заставляет преподавателя остановиться на этой теме подробнее.

Противостояние эволюционизма и креационизма – это хорошая возможность для дискуссий студентов по проблемам антропогенеза. Постоянен спор о том, Творец или эволюция создали всё живое на земле. Ни одна из сторон в нем никогда не победит. Но научить студентов - социальных работников думать самостоятельно, дать им минимум знаний для таких раздумий и пробудить в них интерес и уважение к двум важнейшим социальным институтам, науке и религии, этот спор может. Данное обстоятельство важнее того, какую из двух соперничающих теорий происхождения человека, студент возьмёт за основу своего мировоззрения.

На наш взгляд, сторонники материалистического объяснения процесса антропогенеза не должны бояться, что в этой полемике пострадает авторитет сэра Чарлза Дарвина. В научном творчестве Дарвина весьма показательна роль аналогии. Теоретические выводы в его основном труде «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859 г.) были сделаны по аналогии с искусственным отбором. Первоначальным в его научной работе было обобщение практики изменения человеком домашних животных и культурных растений. Авторитет ученых-эволюционистов XIX–XX в.в. в современном мире настолько непоколебим, что в итоге таких споров может лишь повториться примерно то, что уже бывало в России, когда со словами «ну а теперь потрепем старика», лицейский учитель Пушкина профессор Галич с величайшим уважением открывал на своих лекциях томик Гомера или Вергилия.

Что же касается Дарвина, то в 1872 году против перевода и издания в России статей известного британского биолога выступил Михаил Лонгинов, занимавший пост начальника Главного управления по делам печати. И получил стихотворный ответ графа Алексея Константиновича Толстого:

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зёрна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошёлся с Моисеем!

Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья –
Твой контроль с какого права?
Сам ты был при Сотвореньи?

Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати –
Знать не может председатель
Комитета о печати.
(приводится в сокращении). (См.: 3, с.13.)

В теме «Биология современного человека» целесообразно выделить три вопроса:

Вопрос 1: Эволюция современного человека: биологический аспект

Рассмотрение темы начинается с напоминания студентам о том, чем завершилось рассмотрение проблем антропогенеза: эволюционное учение включает не только факторы, конкретные пути и механизмы эво-

люции отдельных групп организмов и всего живого мира в целом, но и закономерности индивидуальных изменений организма.

Обращение к данному суждению позволяет студентам в дальнейшем понять, что современная практическая социальная работа базируется на так называемой биопсихосоциальной парадигме эволюции и поведения человека. При этом биопсихосоциальная модель современного человека согласуется с общей теорией систем. Она представляет собой попытку понять поведение индивида как открытое проявление сложного взаимодействия биологических, психологических и внешних (социокультурных) факторов, как воздействующих на личность, так и порождаемых ею.

В современной антропологии и медицине имеются клинические доказательства того, что эндокринная система, процессы, связанные с углеводным обменом, недостаточность определенных витаминов и минеральных веществ и другие физические факторы оказывают серьезное воздействие на мозговые центры, регулирующие эмоции человека. (См.: 4, С. 414.)

Такие научные данные позволяют студентам сделать очевидной необходимость привлечения внимания практических социальных работников к информации о биологических факторах, которые можно использовать для социальной диагностики состояния клиента, в социально-профилактических целях: для предупреждения поддающихся лечению расстройств и в социальной терапии: для более эффективного реагирования на уже возникшие осложнения и заболевания. Такие факторы могут быть врожденными или приобретенными в любой момент жизненного цикла человека.

Студентам будет полезна информация о том, что к психическим расстройствам, вызываемым или в значительной степени определяемым биологическими факторами, относятся нарушение внимания, эпизодическая неуправляемость, общая депрессия, маниакальное депрессивное расстройство, аутизм, шизофрения, острая форма алкоголизма, некоторые виды антиобщественного поведения и специфические нарушения развития (неспособность учиться).

При этом следует учесть, что список известных факторов, вызывающих эмоциональные расстройства и нарушения познавательной способности, включает обширный перечень метаболических, инфекционных, сосудистых, эндокринных, неврологических заболеваний, опухолевых новообразований и таких причин, как токсические вещества, травмы головы и пищевая недостаточность.

В итоге у студентов формируется представление о том, что биологические факторы имеют огромное значение не только для физических функций человека, но и для деятельности мозга в любом возрасте. В свою очередь, вмешательство социальных работников в решение психических и умствен-

ных проблем клиентов может принимать самые разные формы (обеспечение связи и защиты, консультирование семьи, группы помощи и организация защиты, системы естественной помощи) и давать неплохие результаты.

Вопрос 2: Эволюция современного человека: психологический аспект. Рассмотрение вопроса начинается с утверждения о том, что психологическая сторона эволюции человека, т. е. выявление закономерностей процесса его индивидуальных изменений на протяжении всей жизни, всегда занимало существенное место как в практике социальной работы, так и в профессиональном обучении специалиста.

Далее рассмотрения требует термин «психологическая эволюция», используемый в современной антропологии. Независимо от того, рассматривается ли развитие человека как поступательный ход жизни индивида или как изменение его опыта, в любом случае ясно, что клиентов социальных служб можно эффективно диагностировать и с ними можно работать на благо развития их жизненного потенциала. То, что еще в 1960 – 1970-е гг. в практической социальной работе считалось патологическим или девиантным поведением, в современной антропологии рассматривается как обычные, но неуместные и преждевременные проявления эволюции индивида.

Термин «эволюция» в антропологии относится к упорядоченным и последовательным изменениям во всех сферах деятельности индивида. Изменения могут происходить в одной или в нескольких сферах, так же как в их взаимосвязях. Эволюция означает, что человек находится в состоянии постоянного изменения и что в процессе этих изменений меняются и жизненные обстоятельства индивида. Понимание непрерывности процесса изменения, в котором различимы ожидаемые эволюционные и индуцированные обществом фазы всего жизненного цикла индивида, нашло свое отражение в теоретических положениях З. Фрейда и Ж. Пиаже, а также в исследованиях, специально адаптирующих общие теории развития к проблемам практической социальной работы.

Для изучающих антропологию важно, что изменения, связанные с жизненным циклом человека, эмпирически предсказуемы и поддаются социокультурному планированию. Хотя такие изменения происходят непрерывно, некоторые из них возникают просто как результат объективного течения времени, чаще же всего они требуют соответствующего жизненного опыта.

Психологические компоненты эволюции современного человека понимаются в антропологии как синонимы познания, восприятия, эмоций, темперамента или поведения. Психологическая деятельность может рассматриваться как поведение личностное или межличностное, т. е. как относящееся к людям вообще, либо как феномен, направленный на саморазвитие и постоянно изменяющийся на протяжении жизненного цикла

индивида. На психику клиентов социальной работы может оказывать влияние взаимодействие таких факторов, как развитие личности, первичный и вторичный жизненный опыт, а также культурные, социальные и другие факторы окружающей индивида жизни.

Независимо от профессиональной подготовки практического работника во всех сферах социальной работы психологические детерминанты постоянно присутствуют и являются немаловажными. Психологические процессы проявляются в таких видах профессиональной деятельности социального работника, как организация социального планирования, ведение переговоров и принятие решений на макросоциальном уровне. Подход с эволюционных позиций, т. е. понимание того, что индивиды изменяются в зависимости от той или иной окружающей среды, особенно полезны в плане оказания надлежащих социальных услуг.

Внимание студентов обращается на то, что психологическое развитие клиента социальных служб может затрагивать биологические или генетические аспекты, оказывая воздействие на анатомическое строение и на развитие способностей индивида, особенно на рост организма и его созревание. В практической социальной работе всегда признавались биологические потребности человека, но эта область знания никогда не была главной при изучении и решении психологических или жизненных проблем клиентов. Однако антропологический подход не может игнорировать того обстоятельства, что когнитивное, поведенческое и эмоциональное развитие человека и его функциональная деятельность давно заняли важное место в социальном обслуживании населения и учитываются при разработке соответствующих технологий.

Когнитивное развитие. Эволюцию индивида можно интерпретировать как когнитивное развитие. В этом случае получается, что обобщения, рассуждения и другие проявления мыслительной деятельности рассматриваются как детерминанты поведения индивида.

Преподаватель не упустит из вида то, что когнитивный или бихевиорально-когнитивный подход, в сущности, является линейным; он рассматривает нарушения в проявлении эмоций человека и его поведения как следствия неадекватного восприятия и формирования идей, связанных с представлениями людей о самих себе и о своей жизненной ситуации. Именно коррекция этих ошибочных суждений, которые часто лежат за пределами понимания тех, кому они принадлежат, требует вмешательства социального работника.

Бихевиоральное развитие. Эволюцию современного человека на индивидуальном уровне можно также рассматривать на лекционных и семинарских занятиях в контексте изучения поведения клиента социальных служб.

Студентам следует напомнить: все принципы бихевиоризма в целом базируется на том, что поведение людей определяет течение их жизни. Можно привести много примеров того, что имидж человека, как и его самовосприятие, определяется поступками. Следовательно, в социальной практике основное внимание следует направлять на достижение изменений в поведении клиентов – оказывать им профессиональную специализированную помощь в умении правильно организовать свое поведение.

Эмоциональное развитие. Эволюция индивида описывается в антропологии также с помощью аффективного эмоционального измерения, в котором эмоциональные переживания считаются первичным фактором, определяющим жизненный опыт человека. Преподаватель предлагает студентам вспомнить о том, что в течение нескольких десятилетий прошлого века психоаналитические принципы считались самыми важными в объяснении эмоционального состояния индивида, особенно разработанные З. Фрейдом.

В настоящее время ситуация в практической социальной работе несколько изменилась и то, что раньше, следуя психоаналитической традиции, считалось принадлежащим исключительно области эмоциональных процессов, современной антропологией рассматривается как часть физиологического и неврологического склада людей. Другими словами, эмоциональное состояние клиента во многом связано с биохимическими процессами организма и работой аппарата его нервной системы. Именно поэтому химические препараты (в частности, лекарства) могут очень сильно воздействовать на психическое состояние человека, вызвать эмоциональный дисбаланс или стабилизировать эмоциональное состояние.

Эта сфера психосоматических знаний, необходимая практическому социальному работнику, находится в стадии становления. По мнению некоторых современных исследователей она либо расширит диапазон психологических знаний, либо войдет в психологию как новый раздел – «физиология поведения». (См.: 5, С. 425.)

Вопрос 3: Эволюция современного человека: социокультурный аспект. Биопсихосоциальная парадигма эволюции человека исходит из того, что процесс становления индивида включает в себя помимо созревания биологических систем, обеспечивающих рост и функционирование организма, также эволюцию познавательных способностей и формирование индивидуальности по мере приобретения жизненных навыков и умения вести себя в социокультурной среде.

На конкретных примерах студентам следует показать, что клиентами социальных служб становятся индивиды, обладающие различным культурным уровнем, физическими возможностями, эмоциональным восприятием себя и окружающих их людей. Клиенты отличаются друг

от друга возрастом, социально-классовой принадлежностью, этническим и расовым происхождением. Хотя все они принадлежат к единому роду человеческому, ни одна концепция современной антропологии не способна исчерпывающе объяснить, почему люди ведут себя в конкретной ситуации именно так, а не иначе, и чем, в конечном счете, определяется их поведение.

Подобная сложность теоретического объяснения студентам социокультурных аспектов биологической эволюции современного человека требует от преподавателя компаративного рассмотрения наиболее распространенных в социальной теории точек зрения.

Студентам предлагается обзор основных социокультурных теорий эволюции человека. Критики той модели индивидуального развития человека, которая является составной частью теории психоанализа, указывают, что в соответствии с этой теорией личность формируется в течение первых пяти лет жизни. Сами же они исходят из того, что изменение личности происходит в течение всего жизненного цикла. Сторонники такого концептуального подхода делят человеческую жизнь на критические периоды или возрастные стадии.

Например, вариантом периодизации является «календарь жизни», состоящий из семи периодов:

- младенчество и раннее детство (до 5 лет);
- позднее детство (от 5 до 12 лет);
- подростковый возраст (12 – 18 лет);
- молодость (19 – 25 лет);
- взрослое состояние (25 – 40 лет);
- средний возраст (40 – 65 лет);
- преклонный возраст (от 65 лет и старше) (См.: 6, С. 428).

В процессе эволюции продолжительности жизни представления о возрастных периодах меняются. Данное обстоятельство иллюстрирует другая примерная периодизация жизни человека, которая дается студентам с учетом относительности возрастных границ:

- 1 – 7 дней – новорожденный
- 7 дней – 1 год – младенцы
- 1 – 3 года – раннее детство
- 4 – 7 лет – первое детство
- 8 – 12 лет (мальчики)
- 8 – 11 лет (девочки) – второе детство
- 13 – 16 лет (мальчики)
- 12 – 15 лет (девочки) – подростки
- 17 – 21 год – юноши
- 16 – 20 лет – девушки

- 22 – 35 лет (мужчины) – взрослые зрелые
- 21 – 35 лет (женщины) – 1-й период зрелости
- 36 – 60 лет (мужчины)
- 36 – 55 лет (женщины) – 2-й период зрелости
- 61 – 74 года (мужчины)
- 56 – 74 года (женщины) – пожилые люди
- 75 – 90 лет (мужчины)
(женщины) – старые люди
- 90 лет и более – долгожители. (См.: 7, С. 61.)

Студентам следует пояснить, что обе приведенные в качестве примера периодизации условны, поскольку значимы не для всех культур и обществ, не учитывают всех социокультурных особенностей клиентов.

Специалисты по теории эволюции человека используют также концепцию, в соответствии с которой личность на каждом этапе своего развития должна решать генеральную задачу, которая возникает в определенный период или в связи с определенным периодом жизни индивида. Ее успешное решение приводит к личному счастью человека, успешному осуществлению им своих последующих задач и целей, а неудача делает его несчастным, вызывает осуждение общества и затрудняет достижение последующих целей.

Таким образом, при рассмотрении данного вопроса у студентов должно сложиться точное представление о существовании в современной науке трех основных социально-антропологических подходов. В первом случае Ж. Пиаже и З. Фрейд считали, что становление личности заканчивается задолго до достижения человеком взрослого состояния. Другие ученые указывают на существование у индивида задач, решение которых не может быть ограничено пределами определенного, а именно раннего периода жизни.

Третьи ученые критикуют модель, основанную на жизненных периодах и задачах, отмечая, что каждый индивид претерпевает изменения по мере того, как изменяется общество. Соответственно цели и задачи могут различаться для разных поколений и жизненных циклов. Эта точка зрения предполагает, что различные социальные и культурные группы населения предъявляют индивидам разные нормы и требования на стадиях жизненного цикла и, что эти нормы и требования могут меняться от поколения к поколению.

Преподаватель не оставляет в стороне то, что социокультурные факторы способны также, как и психологические, воздействовать на биологическую эволюцию человека. Данные многочисленных эмпирических исследований дадут возможность показать студентам, что обнищание населения, неудовлетворительное питание и неадекватные жилищные условия приводят к появлению на свет ослабленных младенцев, обладающих ограниченными возможностями физического и интеллектуального развития.

Заключительной частью рассмотрения биопсихосоциальной парадигмы эволюции человека станет понимание того, что социально-психологические факторы, воздействующие на эволюцию человека, в значительной мере представляют собой ценности, взгляды, убеждения, стиль общения и нормы поведения, присущие агенту социализации, т.е. являются функцией культуры. Их воздействие на клиентов социальной работы лучше всего можно проследить через положение различных социальных и культурных групп (расовые меньшинства, конфессии, демографические группы, этнические группы). Знание этих групп необходимо будущим социальным работникам во всех случаях, когда нужно выявить этиологию проблем отдельного клиента-индивида или семьи, возникающих в их общем социокультурном функционировании.

Вопросы к зачету по антропологии

1. *Почему, используя чисто позитивистскую точку зрения (П. Тейяр де Шарден), антропология не может правильно понять человека?*
2. *Что такое «феномен человека» и «парадокс человека»? Как они соотносятся?*
3. *Какие антропологические условия повлияли на усовершенствование мозга человека?*
4. *Как соотносятся между собой религиозные, философские и научные концепции происхождения человека?*
5. *В чем по М. Шелеру, заключено отличие человека от животного?*
6. *Чем два понятия человека, по М. Шелеру, интересны с антропологической точки зрения?*
7. *Какое систематическое положение занимает современный человек в кругу других живых организмов?*
8. *Почему Ф. Энгельс считает труд характерным признаком человеческого общества, отличающим его от стада обезьян?*
9. *Что представляет из себя закон соотношения роста Чарлза Дарвина, на который ссылается Ф. Энгельс?*
10. *В чем различие трех ступеней дикости как эпохи доисторического развития человека относительно прогресса в производстве средств к жизни?*
11. *В чем различие трех ступеней варварства как эпохи доисторического развития человека относительно прогресса в производстве средств к жизни?*
12. *В чем различие дикости и варварства как эпох доисторического развития человека относительно прогресса в производстве средств к жизни?*
13. *Счастье и страдание человека – вопросы биологической и социальной детерминации.*

14. З. Фрейд о методиках защиты человека против страданий и достижения счастья.
15. Э. Фромм об изначальной природе человека.
16. Э. Фромм о причинах агрессивности человека.
17. Понятие «акселерация». Эпохальные колебания темпов развития.
18. Закономерности и особенности биологической адаптации человека.
19. Соотношение понятий «нация» и «раса».
20. Основные факторы расообразования.
21. Теории полицентризма и моноцентризма в монофилетическом происхождении человека.

**Задания для текущего контроля знаний студентов
по дисциплине «Антропология»**

Вариант 1

1. Дайте определение терминам архантроп, сапиентация.
2. Какие вопросы рассматривает морфология как раздел антропологии?
3. Как рассматривается в антропологии эволюция?
4. Что такое «физическая антропология»?
5. Назовите экологические теории гоминизации.
6. Назовите этапы эволюции орудий труда.
7. Что является феноменом человека?
8. В соответствии с теорией русского дарвинизма что является:
а) элементарным материалом эволюционного процесса?
б) движущей силой эволюции?
9. Какой уровень развития животного можно считать человеческим началом согласно трудовой теории социогенеза?
10. К какому типу и классу принадлежит человек с биологической точки зрения?
11. Что изучает расогенез?
12. Кому принадлежит определение антропологии как науки, «опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»?
13. Кто выявил условия, вызывающие «деструктивное поведение человека»?

Вариант 2

1. Дайте определение терминам «неоантроп», «понгиды».
2. Какие вопросы рассматривает антропогенез как раздел антропологии?
3. Что является в антропологии важнейшим признаком вида?

4. *Каким понятием в антропологии является «раса»?*
5. *Назовите теории монофилетического происхождения человека.*
6. *Назовите виды изоляций.*
7. *В чем заключается парадокс человека?*
8. *В соответствии с теорией русского дарвинизма что является:*
 - а) *элементарной эволюционной единицей?*
 - б) *элементарными факторами эволюции?*
9. *В чем согласно трудовой теории социогенеза Ф. Энгельс видит главное отличие человека от животного?*
10. *К какому подклассу и отряду принадлежит человек с биологической точки зрения?*
11. *Какие расистские идеи отвергает отечественная этническая антропология?*
12. *Кто считал человеческую агрессивность «инстинктом борьбы»?*
13. *Кто изучал социальную регламентацию сексуальности человека?*

Вариант 3

1. *Кому принадлежат следующие утверждения:*
 - *«человеческая агрессивность как инстинкт борьбы»;*
 - *«трудовая теория социогенеза»?*
2. *Верны ли следующие утверждения?*
 - *архантроп – современный человек, первая стадия эволюции человека;*
 - *когнитивный подход к эволюции человека является линейным;*
 - *важнейшим признаком вида является отсутствие его изоляции в природных условиях;*
 - *эволюционным достоянием человека является разум.*
3. *Внесите соответствующие изменения в следующие высказывания:*
 - *соматическая и функциональная антропология – это наука, изучающая закономерности происхождения рас и виды изоляции;*
 - *понгиды – это животные, имеющие ряд психических, метаболических и клинических признаков, сближающих их с человеком;*
 - *характерным признаком, отличающим человеческое общество от стада обезьян, является членораздельная речь;*
 - *животное не только пользуется внешней природой, но производит в ней изменения, господствует над ней.*

Вариант 4

1. *Кому принадлежат следующие утверждения:*
 - *«социальная регламентация сексуальности человека»;*
 - *«условия, вызывающие деструктивное поведение человека»?*

2. Верны ли следующие утверждения?
 - неолит – древнейший человек, начальная стадия эволюции человека;
 - изменения, связанные с жизненным циклом человека, эмпирически предсказуемы и планируемы;
 - современные эволюционисты рассматривают эволюцию как реабилитационный процесс;
 - животное обладает самосознанием, сознает себя.
3. Внесите соответствующие изменения в следующие высказывания:
 - физическая антропология – это наука, изучающая социокультурные изменения человека, вследствие возникновения его психики;
 - изоляция – один из эволюционных факторов, содействует интеграции ранее дифференцированных видов в классы;
 - действительным человеческим началом следует считать такой уровень развития животного, когда производство перестает быть особой потребностью;
 - человек только пользуется внешней природой, не изменяет ее.

**Задания для контроля самостоятельной работы студентов
по антропологии (темы рефератов)**

1. Проблемы современной антропологии (по материалам журналов «Вопросы антропологии», «Вопросы психологии» и «Вопросы языкознания» за последние годы).
2. Проблема человека в истории философии.
3. Основные направления эволюции приматов.
4. Учение Ч. Дарвина о происхождении человека.
5. Особенности эволюции мозга в процессе антропогенеза.
6. Развитие кисти руки в процессе антропогенеза.
7. Основные стадии эволюции человека.
8. Особенности психики первобытного человека.
9. Роль факторов внешней среды в процессе эволюции человека.
10. Проблемы биологической адаптации человека.
11. Характеристика первых индустриальных культур человечества.
12. Культурно-историческая концепция психогенеза Л. С. Выготского.
13. Роль трудовой, изобразительной и иных знаковых форм деятельности в становлении сознания.
14. Проблемы биологии человека.
15. Морфологические типы (конституции) современного человека. Биологическая изменчивость в современных популяциях человека.
16. Связь телосложения с физическими функциями, болезнями и поведением человека.

17. Биологический возраст человека. Старение и продолжительность жизни.
18. Гормональные, генетические и средовые факторы, регулирующие рост человека.
19. Современное представление о расообразующих факторах.
20. Социальные факторы расообразования.
21. Морфологическое описание современных человеческих рас.
22. Научная несостоятельность расистских теорий.
23. Магическая ситуация как общественное явление.
24. Мифы современного человека.
25. Социальные аспекты языка.

Литература, рекомендуемая студентам

1. Акинщикова Г. И. Антропология. – Л., 1974.
2. Акинщикова Г. И. Соматическая и психофизическая организация человека. – Л., 1977.
3. Алексеев В. П. Становление человечества. – М., 1984.
4. Алексеев В. П. Першиц А. И. Исследования первобытного общества. – М., 1990.
5. Алексеев В. П. География человеческих рас. – М. 1974.
6. Антропология. Учебник для вузов. – М., 2003.
7. Антропологический словарь. – М. 2003.
8. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М., 1993.
9. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Дарвин Ч. Собр. соч. – М., 1953. – Т. 5.
10. Дембовский Я. Психология обезьян. – М. 1963.
11. Иорданский Н. Н. Эволюция жизни. Учебное пособие. – М., 2001.
12. Иорданский Н. Н. Основы теории эволюции. – М., 1979.
13. Казурова Е. Социальная антропология современного российского общества. – Саратов, 2005.
14. Ладыгина-Котс Н. Н. Предпосылки человеческого мышления. – М., 1965.
15. Ладыгина-Котс Н. Н. Развитие психики в процессе эволюции организмов. – М., 1959.
16. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М., 1994.
17. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1985.
18. Майр Э. Человек как биологический вид // Природа. – 1973.– № 12.
19. Мецержаков Б., Мецержакова И. Введение в человековедение. – М., 1994.

20. Матюшин Г. Н. *У истоков человечества*. – М., 1982.
21. Минюшев Ф. И. *Социальная антропология: Учебное пособие*. – М., 2004.
22. Нейструх М. Ф. *Происхождение человека*. – М., 1970.
23. Нелье П., Нелье Дж. *Обезьяны*. – М., 1984.
24. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. *Антропология*. – М., 1978.
25. Рогинский Я. Я. *Проблемы антропогенеза*. – М., 1977.
26. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. *Основы антропологии*. – М., 1978.
27. Столяренко В. Е., Столяренко Л. Д. *Антропология – системная наука о человеке*. – Ростов н/Д., 2004.
28. Тайлор Э. Б. *Первобытная культура*. – М., 1989.
29. Тейяр де Шарден П. *Феномен человека*. – М. 1987.
30. Тих Н. А. *Предистория общества*. – Л., 1970.
31. Фридман Э. П. *Приматы. Современные обезьяны, полубезьяны и человек*. – М., 1979.
32. Фрэзер Дж. *Золотая ветвь. Исследование магии и религии*. – М., 1986.
33. Харитонов В. М., Ожигова А. П. и др. *Антропология. Учебное пособие для студентов вузов*. – М., 2004.
34. Хрисанфорва Е. Н., Перевозчиков И. В. *Антропология*. – М., 1991.
35. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. *Народы, расы, культуры*. – М., 1985.
36. Яблоков А. В., Юсуфов А. Г. *Эволюционное учение*. – М., 1989.

Преподавание и изучение «Антропологии» невозможно без учета принципиально важного момента. В основе содержания всех разделов учебного курса лежит синтетическая теория эволюции – современная эволюционная теория, которая дополнила и несколько видоизменила теорию Ч. Дарвина на основе объединения современных данных хромосомной теории наследственности, популяционной генетики, биологической концепции вида и многих других биологических и палеонтологических теорий.

Характерными чертами нового синтеза антропологических знаний является подчеркивание неравномерности эволюционного процесса, понимание того, что эволюционные явления происходят на популяционном уровне, «широкое» понимание естественного отбора как статистического механизма, а не механизма единичной выбраковки.

Важно учитывать, что эволюционное явление в пределах популяции можно рассматривать как результат действия противоположных сил, создающих и сортирующих генетическую изменчивость. На направление и ско-

рость эволюции оказывают влияние размеры популяции, параметры среды обитания, «волны жизни», географические и иные формы изоляции.

Библиографический список

1. Антропология. Хрестоматия. Авт.-состав.: Россолимо Т.Е., Рыбалов Л.Б., Москвина-Тархова К.А. М.-Воронеж, 1998. - 416 с.
2. Антропология. Учебно-методическое пособие. Самара, 1999. - 118 с.
3. Литературная газета, 14-20 февраля, 2007, №6.
4. Джонсон Г. Эволюция человека: современный аспект// Энциклопедия социальной работы. В 3 томах. /Пер. с англ. Том 3. М., 1994, с. 414-422.
5. Майер Г. Эволюция человека: психологический аспект. // Там же, с. 422-427.
6. Соломон Б. Эволюция человека: социокультурный аспект. / Там же, с. 427-433.
7. Ярошенко К.Б. Возраст человека// Социальная энциклопедия. – М., 2000, с. 61-63.

Т. И.Лаврёнова

ПГПУ им. В. Г. Белинского

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Социология культуры, как отраслевая социологическая теория, как научная и учебная дисциплина, существует не первый десяток лет. Тем не менее, до сих пор ощущается недостаток учебной и учебно-методической литературы по данному направлению, а различия в авторских позициях лишь затрудняют освоение курса. Имея некоторый опыт преподавания данной дисциплины, считаем целесообразным выделить несколько методологических вопросов, которые, на наш взгляд, являются принципиальными.

Очевидно, что одной из первых возникает задача определения объекта социологии культуры. Учитывая, что существует несколько методологических подходов к изучению культуры, не говоря уже о количестве дефиниций, важно зафиксировать внимание студентов на том, что универсального, единственно верного определения культуры нет и быть не может. Рассматривая содержание наиболее распространенных методологических подходов, следует выделить этносоциологический подход, трактующий культуру как всё, что создано человеком. Необходимо донести до сознания студента, что наличие нескольких методологий, нескольких теорий – это естественное, нормальное явление в науке вообще и в исследовании культуры в частности. Социологический анализ – лишь один из способов ее изучения. В этом контексте этносоциологический подход рассматри-

вается как одна из возможных «систем координат», в которой действуют свои «правила игры». Он позволяет уйти от ценностной смысловой нагрузки понятия «культура», определяющей гуманистический (или гуманитарный) подход, когда с данным понятием ассоциируется нечто позитивное, такие явления и процессы, которые направлены на духовное совершенствование человека. С другой стороны, в нем нет механистической ограниченности методологии символизма, рассматривающего культуру как совокупность знаковых систем. Одним словом, примеры различных способов объяснения и исследования культуры необходимы для понимания специфики социологического анализа данного явления.

Определившись, что культура будет рассматриваться как процесс и результат творческой деятельности людей, следует обратить внимание на то, что и в рамках социологического анализа надо учитывать сосуществование разных методов познания. Без этого не обойтись при изучении таких проблем курса, как структурирование культуры и её развитие, или, другими словами, морфология и динамика. Следует напомнить общие тенденции в развитии научного знания от классической парадигмы к современности, от позитивизма к постпозитивизму, в социологии – от структурализма к постструктурализму, в культурной аналитике – от модернизма к постмодернизму. Известно, что методологические позиции с приставкой «пост» (постпозитивизм, постструктурализм, постмодернизм) возникли не как антагонистические по отношению к своим истокам. В них выразилось стремление преодолеть ограниченность исходной методологии, заявить, что, например, признавая безусловные преимущества рациональных, логико-формальных процедур позитивизма в формировании объективных научных представлений, нельзя не видеть их недостаточность. Другими словами, не отрицая предыдущие парадигмы, дополнить их новыми. В результате сложилась ситуация своеобразной методологической всеядности, когда на равных сосуществуют и признаются очень разные способы познания. Соответственно, если мы хотим поговорить о структурных характеристиках культуры, то, с точки зрения классического позитивизма, всегда можно выделить некоторые признаки, по которым, в свою очередь, классифицируются типологически сходные объекты. В этом случае образуется несколько вариантов «структур»: по признаку распространенности (или доминирования) культура включает доминирующую (ордодоминантную – термины могут быть различны) культуру и субкультуры; по территориальному признаку – городскую и сельскую; по уровню деятельности субъекта – профессиональную и непрофессиональную (часто называемую народной) и так далее. Подобным образом возникло разделение культуры на материальную и духовную, массовую и элитарную. Очевидно, что количество способов структурирования зави-

сит от количества выбираемых признаков или критериев. Для углубленного анализа объекта все это, безусловно, полезно и необходимо, важно только подчеркнуть, что все эти структуры – это веберовские «идеальные типы», существующие в нашей голове. А главное, одни и те же объекты группируются в разных вариантах, что не позволяет ответить однозначно на вопрос о строении культуры. Структуралистский метод, стремящийся к систематизации объекта, не дает возможности говорить о культуре в целом, как системе. Тем не менее, традиционное толкование культуры как сложного целого, состоящего из множества взаимосвязанных между собой подсистем, распространено очень широко.

В постмодернистской парадигме вопрос о структуре решается проще. В самом деле, есть ли смысл классифицировать бесконечное количество объектов на основании неограниченного числа критериев? Ответ на этот вопрос приводит к тому, что любое явление или процесс обозначается как культурная единица, и всё, что можно сказать о морфологии культуры, в этом случае сводится к утверждению, что культура – это совокупность культурных единиц.

Приведенные примеры показывают главное отличие двух парадигм: классические подходы претендуют на то, чтобы дать законченное исчерпывающее знание об объекте (что вряд ли возможно), постклассические исходят из того, что характеристики объекта могут меняться, его нельзя описать «раз и навсегда».

Обращаясь к вопросу о динамике культуры, можно продолжить сопоставление двух парадигм. Эволюционизм и прогрессизм, как его разновидность, исходят из линейной и однонаправленной траектории развития культуры, и эта классическая схема «восходящего» движения усваивается легко и прочно. Вместе с тем, реальные процессы в культуре никак в эту схему не укладываются. Скорее, можно говорить о неравномерности развития культуры как объективной характеристике. Она проявляется как при сопоставлении национальных культур, так и при рассмотрении темпов и качественных характеристик любой культурной единицы на разных этапах ее существования. Прогрессистская концепция, при всей своей тенденциозности, естественным образом была востребована советской идеологизированной наукой, так как социалистическая культура объявлялась высшей точкой развития мировой культуры. Западная наука, как известно, самокритично рассуждала о кризисе культуры. В конечном итоге сформировались представления о том, что невозможно и бессмысленно ранжировать культурные явления по степени совершенства, так же, как нельзя ответить на вопрос, что более прогрессивно и развито – Античность или Возрождение. В контексте постмодернистской парадигмы утверждается не только множественность и многообразие

культурных единиц, но их самоценность и несоизмеримость. Заметим, что постмодернистское мышление свойственно не только авторам второй половины XX века, просто в этот период его так назвали. На ограниченность «линейной» модели развития культуры обратил внимание ещё Н. Я. Данилевский [1], а его теория «культурно-исторических типов» очень помогает донести до студентов мысль, сформулированную век спустя Ю. Н. Лотманом: «Культура, как сложное целое, составляется из пластов разной скорости развития, так что любой её синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействия этих пластов» [2; 26].

Рассматривая особенности динамики культуры, невозможно обойти вопрос о преемственности в её развитии. Целесообразно обратиться к истории и напомнить, что развернутый анализ преемственности был дан Г. Гегелем на основе диалектической концепции развития. Гегель рассматривает преемственную связь как отношение «прошлое-настоящее», осуществляемое через отрицание, которое абсолютно «снимает» прошлое настоящим. Другими словами, диалектически понятое отрицание предполагает не только отмену, разрушение, уничтожение старого, но сохранение, удержание и развитие некоторого содержания предыдущего этапа в последующем. Л. Фейербах, критикуя гегелевский вариант структуры преемственной связи, признает генетическую связь ступеней развития, но истолковывает ее гораздо шире, учитывая аспекты координации и сосуществования. Временное отношение ступеней развития дополняется пространственным. «Снимается» и «удерживается» не только «старое», предшествующее, но и то, что одновременно существует рядом.

Применяя понятие «преемственность» для характеристики развития культуры, следует акцентировать внимание студентов на том, что речь идет именно о пространственно-временном взаимодействии культурных явлений или культурных единиц, как способе существования культуры. Это не значит, что «всё взаимодействует со всем». Однако, можно утверждать, что всякое культурное явление взаимодействует с каким-либо культурным явлением, или представляет собой результат взаимодействия в тот или иной отрезок времени. Другими словами, преемственность, проявляющаяся через «вертикальные» и «горизонтальные» взаимодействия культурных единиц, можно рассматривать как всеобщую закономерность развития культуры. Специальные исследования подтверждают это [3–11].

Наконец, необходимо остановиться, по крайней мере, на двух проблемных вопросах, связанных с особенностями культурных взаимодействий. Первый из них связан с разнообразием промежуточных форм, возникающих в результате взаимовлияния культурных единиц. Второй

вопрос касается того, насколько важна «подготовленность» воспринимающей культуры к усвоению инокультурного влияния.

Для рассмотрения первого вопроса можно остановиться на примере взаимодействия язычества и христианства, как различных религиозных систем, или, в данном контексте, различных культурных единиц. Конкретный фактический материал позволяет увидеть как взаимное отторжение, борьбу, так и взаимопроникновение этих явлений. Так, в Византии в IV–VI вв. шла борьба язычества и христианства на теоретическом уровне, между философскими школами, следовавшими традициям позднеантичной литературы, и представителями патристики, развивавшими христианскую доктрину. В итоге к 7 веку христианская идеология победила и стала доминирующей [12]. Соприкосновение язычества и христианства не изменило качества ни того, ни другого.

Иначе складывалась ситуация в Древней Руси и в средневековой Европе. Здесь, фактически, имело место двоеверие [13–14]. Подобные процессы отмечены специалистами и в современном мире, в странах Африки, Латинской Америки, Океании [15–16]. Например, для африканских синкретических культов характерно то, что, испытывая на себе влияние христианских, главным образом, протестантских церквей, они существуют независимо от них, их догматика и мифология представляют собой переделку на местный лад библейской истории, а культовая и бытовая обрядность представляет собой соединение традиционных африканских религий и христианства. В странах Латинской Америки религиозный синкретизм проявляется через наличие в официальной католической религии обрядов и культовых форм, заимствованных из индейских и африканских культов, через «народный католицизм», в котором главное место занимает культ святых.

Таким образом, на примере язычества и христианства можно показать, что взаимодействие, при котором изменению подвергаются обе стороны, может проявляться по-разному.

Второй вопрос, на который нельзя ответить однозначно, касается того, насколько степень влияния одной культуры на другую зависит от их сходства, и всегда ли усвоение воспринимаемых культурных характеристик обусловлено внутренней зрелостью, готовностью к нему культуры-«реципиента». Очень устойчивы представления о том, что воспринимающая культурная единица берет от другой культурной единицы только то, что она может освоить, или, иначе говоря, если внутри самой заимствующей культурной единицы созрели для этого предпосылки. Не составляет труда привести множество примеров, подтверждающих эту точку зрения. Более того, зачастую «подготовленность» воспринимающей культурной среды или культурной единицы обнаруживается даже там, где ее вообще трудно предположить. Казалось бы, что общего было между европейской

архитектурой XVII–XVIII вв. и индийской культурой? Тем не менее, перенесенный в латиноамериканские колонии стиль барокко распространился там не столько вследствие прямого давления метрополии и погони креольской знати за модой прародины. Своим динамизмом, эмоциональной приподнятостью и декоративностью он оказался созвучным культуре аборигенов и эмоциональному складу вывезенных их Африки рабов.

Но есть и другие примеры, когда привносимые культурные элементы ложатся на совершенно неподготовленную почву, и тем не менее укореняются в инородной культурной среде. Так, культура, сложившаяся на территории Средней Азии в 3 в. до н.э. в результате похода Александра Македонского, стала результатом слияния эллинских и местных традиций, хотя культура Бактрии имела мало общего с эллинской культурой до того, как на ее территории возникло государство с греческими царями во главе – Греко-Бактрийское царство [17]. Другой пример – становление «сибирской» ветви русской культуры. В этом случае встретились совершенно разные культуры, однако в культурах народов Сибири укоренились отдельные элементы культуры-«донора» [18]. В этом же ряду явлений стоит влияние арабской культуры на средневековую Европу [19]. Таким образом, существуют формы взаимодействий, когда ни о какой «подготовленности» говорить нельзя, но привнесенные культурные элементы усваиваются. Велик соблазн объяснить это тем, что во многих случаях «донором» является более развитая культура, обладающая сильным влиянием. Однако встречаются и такие случаи, когда более развитая культура заимствует отдельные элементы у менее развитой. К примеру, не только греческое искусство оказывало влияние на скифскую культуру, но имело место и обратное воздействие. В частности, в VI в. до н. э. среди ионийских мастеров был широко распространен известный «звериный стиль» в художественном изображении, изобретенный скифами, причем он был заимствован без какой-либо переработки, напрямую [20]. Очевидно, что вопрос о том, насколько степень влияния одной культуры на другую зависит от их сходства, требует дальнейшего изучения.

Мы коснулись лишь некоторых аспектов преподавания курса, но этого достаточно, чтобы убедиться в необходимости проблемного изложения материала, ориентированного на развитие самостоятельного, творческого мышления будущих социологов.

Библиографический список

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991.
2. Лотман Ю. Н. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1991. – С.26
3. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. – М.: Наука, 1987.

4. Древний Восток и античный мир. / Под ред. Кузищина В. И. – М.: Изд. Моск. Ун-та, 1980.
5. Древний Восток: этнокультурные связи. – М.: Наука, 1988.
6. Европа в средние века: экономика, политика, культура. – М.: Наука, 1972.
7. Культура Востока. Древность и раннее средневековье. – Л.: Аврора, 1978.
8. Культура в странах Азии и Африки: Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1989.
9. Культура Латинской Америки: проблема национального и общерегионального. – М.: Наука, 1990.
10. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVII–XVIII вв. Типология и взаимодействия. – М.: Наука, 1990.
11. Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1976.
12. Иванов В. Г. История этики средних веков. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1984.
13. Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. Пашуто В. Г. – М.: Наука, 1976.
14. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1989.
15. Локальные и синкретические культы. – М.: Наука, 1991.
16. Традиционные и синкретические религии Африки. – М.: Наука, 1986.
17. Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. – М.: Наука, 1978.
18. Копылов А. И. Очерки культурной жизни Сибири 17 - начала 19 вв. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1974.
19. Уотт У. М. Влияние ислама на средневековую Европу. – М.: Наука, 1976.
20. См.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока.

А. С. Попов

доктор исторических наук
ПГПУ им. В.Г.Белинского

ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

В этом году исполняется 110 лет со дня публикации первого (1897) и 100 лет со времени выхода второго (1907) издания «Введения в изучение социологии» Николая Ивановича Кареева, которое с полным основанием можно считать первым российским учебником социологии. Заметим, что это была одна из первых работ подобного рода не только в России, но и во всем мире. Известно, что первый университетский учебник по социологии «Введение в изучение общества», авторами которого были американские ученые А. Смолл и Дж. Винсент, был издан в 1894 году, то есть всего лишь тремя годами ранее. При этом следует учесть, что в отличие от США, где социология к тому времени уже получила статус

науки и учебной дисциплины, в России её преподавание находилось под запретом. В 1892 году в Чикагском университете под руководством того же Альбиона Смолла был открыт первый социологический факультет, а в 1901 году социология уже преподавалась почти в двухстах университетах и колледжах страны. Первый же опыт преподавания социологии в России состоялся лишь с открытием в 1908 году частного Психоневрологического института, в котором была организована кафедра социологии под руководством М. М. Ковалевского.

Как в таких условиях возник сам замысел «Введения в изучение социологии»? Очевидно, что оно изначально было задумано автором как учебник. Но кому он предназначался, если преподавание социологии в российских университетах было запрещено? Ответ дал сам автор, признававшийся в том, что к мысли о создании «Введения» его привело усилившееся в русском обществе стремление к самообразованию. Ученый и талантливый педагог сожалел об отсутствии подходящего пособия, с помощью которого желающие могли бы познакомиться с предметом, методом, задачами, основными проблемами и историей социологии. Он отмечал, что если по другим наукам всегда можно указать на общие пособия в виде школьных или университетских учебников, то «по социологии нельзя указать решительно ничего» [2; С. 413]. Кареев решил восполнить существующий пробел, познакомив своих читателей с основами новой науки об обществе, которая только еще пыталась утвердиться в качестве академической дисциплины. Таким образом, учебник был создан Кареевым для самообразования в целях популяризации социологии в России. Автор прямо указывал на это, заявляя, что «ставил своей целью дать лицам, интересующимся социологией, общее руководство, которое помогло бы им ориентироваться в социологической литературе, познакомило бы их с важнейшими вопросами, в ней поставленными, позволило бы им критически отнестись к решениям, какие получили эти вопросы у различных писателей» [2; С. XIV]. Позже Кареев заметит, что задачей его книги «было подвести систематические итоги под развитием социологической литературы на Западе и у нас в разных направлениях» [3; С. 80].

Публикация «Введения» была вызвана также стремлением Кареева защитить социологию как молодую, еще только становящуюся на ноги науку. Он прекрасно понимал, что у неё есть не только сторонники, но и противники, как среди ученых, отстаивающих позиции своих академических наук от «посягательств» социологии, так и в Министерстве народного просвещения, которое усматривало её подрывной антиправительственный характер. Своей публикацией он высказался в поддержку новой науки, предпринял попытку доказать её легитимность. В предисловии он с сожалением констатирует, что «до сих пор социологам при-

ходится быть апологетами своей науки, приходится доказывать, что она имеет право на существование» [2; С. XIII].

Еще одним мотивом публикации учебника было желание Кареева открыть социологии дорогу в университеты. При этом он ссылаясь на опыт других стран, в частности Бельгии и Франции. Он приводил данные о том, что еще в 1886 году известный сторонник социологического образования Де Грееф в своем «Введении в социологию» доказывал необходимость учреждения кафедр социологии и даже особого социологического факультета, что ему фактически удалось осуществить, основав кафедру социологии в Брюссельском университете. Ссылаясь он и на пример Франции, где первый университетский курс по социологии начал читать в университете города Бордо профессор Эмиль Дюркгейм. Кареев подчеркивал необходимость преподавания социологии, утверждая, что она «важна и в качестве такого предмета общего образования, с которым по своему заключению не может сравниться ни одна из частных общественных наук» [2; С. 406].

По его мнению, социология должна была получить статус самостоятельной университетской науки. Он был убежден, что она не должна влачить жалкое существование, скрываясь за прикрытием какого-либо обществоведческого курса. Она «не должна рассматриваться как какой-то придаток, например к истории или одной из частных общественных наук», – пишет он, утверждая – «Социология, как предмет университетского преподавания должна быть совершенно отдельной и самостоятельной наукой, от представителей которой должно требовать определенных фактических и литературных знаний подобно тому, как делается по отношению к другим наукам» [2; С. 410].

Выступая за включение курса социологии в университетские программы, Кареев преследовал еще одну практическую цель. Он был уверен, что постановка преподавания социологии приведет к дальнейшему развитию самой социологической теории. Он писал: «Чтение социологических курсов ... может иметь важное значение и в деле систематизации социологии. Ничто до такой степени не содействует систематизации тех или других знаний, как преподавание...» [2; С. 413].

Впрочем, обратимся к свидетельствам самого автора, дающим представление об истории появления его работы. Он вспоминал, что для того, чтобы читать студентам Санкт-Петербургского университета общеобразовательные курсы по социологии и философии истории, ему приходилось скрывать их под названием «исторической энциклопедии». По собственному признанию Кареева, именно на материалах этого курса, который был разрешен министром народного просвещения И. Д. Деляновым и читался начиная с осени 1891 года, им и был написан учебник

«Введение» [4; С. 183, 202]. Об этом же он вспоминал в своей неопубликованной при жизни работе о русской социологии, замечая, что преподавал социологию «под разными псевдонимами», а само «Введение» возникло в связи с университетским курсом исторической методологии [3; С. 242]. Кареев прямо указывал, что в основу учебника был положен план курса исторической энциклопедии 1896–1897 учебного года, в котором им была предпринята попытка изложения с университетской кафедры наиболее важных социологических вопросов с историко-критической точки зрения. По свидетельству ученого, не будучи обязательным, курс, тем не менее, пользовался устойчивым интересом у студентов самых разных факультетов, поэтому сама мысль о «Введении» возникла, отчасти под их влиянием. Кстати, Кареев замечал, что таким же образом осуществлялась пропаганда курса социологии и другими профессорами. Так М. М. Ковалевский в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. читал в Московском университете в сущности социологический курс по эволюции общественных форм. О самом Ковалевском Кареев отзывался весьма высоко, отмечая, что для него «социология является основой и опорой более специальных наук об обществе, поставляющих ей материал для её умозаключений» [3; С. 119]. Также он приводил в пример лекции петербургского профессора Н. М. Коркунова по энциклопедии права, в которых видное отводилось место чисто социологическим вопросам. Кареев позднее замечал, что Коркунов «ввел в свой курс довольно подробное рассмотрение социологических теорий» [3; С. 123].

Стоит заметить также, что публикации «Введения» предшествовало создание Кареевым первой в России программы самообразования по социологии, которая была опубликована в 1896 году в VIII книге «Исторического обозрения», редактором которого он был. В ней автор отметил основные на его взгляд проблемы социологии: социология как наука, научный и этический элемент в социологии, отношения социологии с другими общественными науками, социальная структура общества, прогресс как сущность исторического процесса, роль личности в истории. Именно эти проблемы будут раскрыты им во «Введении», в связи с чем можно считать, что подготовленная программа легла в основу структуры учебника.

Любопытно, что Кареев в предисловии к первому изданию «Введения» счел необходимым упомянуть о том, что ему было суждено выйти в свет между двумя годовщинами, связанными с именем основоположника социологии Огюста Конта, а именно столетием со дня рождения (19 января 1798 г.) и сорокалетием со дня кончины (5 сентября 1857 г.). Это показалось автору знаменательным, тем более что, по его убеждению, эти сорок лет не прошли даром для основанной Контом науки. [2; С. XI]. В доказательство он обращает внимание на то, что за это время появи-

лась обширная социологическая литература на разных языках, социологическая точка зрения успела оказать влияние на другие общественные науки – государственное устройство, юриспруденцию, политическую экономию, историю. Кроме того, возникли специальные социологические журналы, начали проходить международные съезды социологов, были предприняты попытки основания социологических обществ. Наконец, в ряде государств социология стала входить в число предметов университетского преподавания. Отметил ученый и возрастающий интерес к социологии в российском обществе, о чем свидетельствовала масса переводов на русский язык сочинений иностранных социологов и появление многочисленных произведений отечественной социологической литературы.

Н. И. Кареев признавался, что «Введению» предшествовала большая и кропотливая научная работа. Он подчеркивал, что книга в известной степени резюмирует, развивает и систематизирует взгляды, которые были высказаны в опубликованных ранее работах – «Основные вопросы философии истории», «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», «Старые и новые этюды об экономическом материализме» [2; С. XIII].

Следует упомянуть, что Кареев умышленно подчеркивает, что в его намерения не входило изложение собственной социологической теории. Свою задачу он видит прежде всего в том, чтобы дать историко-критический очерк главных направлений, существующих в социологической литературе, в особенности тех, которые нашли своих представителей в России. Он замечает, что пристально следил за движением русской социологической мысли и появлением самых первых работ, под влиянием которых складывались его собственные социологические взгляды. Особенно важными принципами русской социологии автор считает признание ею психологической основы общества, её взгляд на значение личности и защиту субъективного отношения к общественным явлениям. Вместе с тем автор счел нужным заявить о своих симпатиях к «субъективной школе социологов» [2; С. XVIII, XIX]. Заметим, что позже, он будет использовать в отношении к ней более точное, как ему казалось вслед за С. Н. Южаковым, название «этико-социологическое направление» [3; С. 43].

Итак, «Введение» должно было познакомить студенчество и самые широкие круги общественности с новой наукой об обществе. Этим во многом объясняется структура книги, состоящая из предисловия, шестнадцати разделов и библиографического указателя, содержащего на 24 страницах первый в российской литературе обзор библиографии по социологии из 880 работ, 260 из которых принадлежали отечественным авторам. Это позволило признанному знатоку истории русской социологии А. И. Голосенко с полным основанием заметить, что «Введение в изучение

социологии» было задумано Н. И. Кареевым одновременно и как учебник, руководство, модель преподавания социологии, и как оригинальное историко-критическое исследование главнейших направлений в социологии тех лет. С него, по мнению Голосенко, началась «русская традиция» историографии социологии, включившая в себя со временем исследования крупнейших социологов — М. М. Ковалевского, В. М. Хвостова, К. М. Тахтарева, П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева и других. [1].

Доминирование истории социологии нашло выражение в построении учебника, структура которого включала следующие главы:

Глава 1. Происхождение социологии.

Глава 2. Социология Огюста Конта.

Глава 3. Основные социологические направления.

Глава 4. Органическое направление в социологии.

Глава 5. Внесение принципов дарвинизма в социологию.

Глава 6. Экономический материализм как социологическая теория.

Глава 7. Психологическое объяснение общественных явлений.

Глава 8. Гипотетическое и фактическое в социологии.

Глава 9. Влияние социологии на другие общественные науки.

Глава 10. Социологическая методология.

Глава 11. Предвидение и воздействие в общественной жизни.

Глава 12. До-социологическая постановка вопроса о личности и обществе.

Глава 13. Личность и общество в социологической литературе.

Глава 14. Объективизм и субъективизм в социологии.

Глава 15. Социологическая проблема прогресса.

Глава 16. Взгляд на современное состояние социологии.

Безусловно, строгий критик обнаружит явное несоответствие построения учебника современным дидактическим требованиям, но вряд ли стоит осуждать автора с позиций сегодняшнего дня. Кареев видел свой долг ученого и педагога в том, чтобы способствовать распространению передовых научных взглядов на общество, которые в его представлении, безусловно, ассоциировались с социологией. Именно поэтому в своем учебнике он основное внимание уделил истории социологии, что было продиктовано стремлением познакомить читателей с генезисом социологического знания.

Прежде всего, Н. И. Кареев указывает на интеллектуальные предпосылки возникновения социологии, проявляя себя последовательным сторонником позитивистского направления, для которого социология – абстрактная наука, созданная по типу естественных наук, изучает общество путем опыта и наблюдения.

Разделяя позитивистский взгляд на социологию, Кареев связывает её зарождение с утверждением мысли о том, что общество может изучаться

так же, как естественные науки изучают явления природы, не ставя вопрос о лежащей в их основе сверхчувственной сущности. Он отмечает, что одним из первых, сформулировавших идею создания положительной науки об обществе по подобию естественных наук, был Анри Сен-Симон, учеником которого являлся Конт. Заметим, что, отдавая дань Конту как основоположнику социологии, Кареев отдает должное и его учителю, оказавшему большое влияние на социологические воззрения своего ученика. Вывод Кареева однозначен: «социология явилась результатом стремления заменить в изучении общества прежний метафизический метод методом научным, образцы которого представляли собою более развитые отрасли естествознания» [2; С. 8].

Признавая родоначальником современной социологии Огюста Конта, Кареев вслед за ним к истокам социологии относит работы Аристотеля, считая его «Политику» прообразом всех последующих сочинений подобного рода. Он справедливо отмечает, что Аристотель может по праву считаться одним из родоначальников науки об обществе потому, что строил свою теорию на основании систематических наблюдений над государственной жизнью современных ему народов. К основоположникам социологии он относит также Шарля Луи Монтескье, в «Духе законов» которого можно обнаружить предчувствие закономерности общественных явлений.

Кареев замечает, что к основанию социологии привел также синтез истории и философии, или, по его выражению, «внесение в историю философского начала» [2; С. 8]. Именно в XVIII веке передовые историки стали задаваться вопросом о законах в применении к исторической жизни человечества и начали строить философию истории на чисто научной основе. Кареев обращает внимание читателей на то, что в числе своих предшественников Конт справедливо называет Жан-Антуана Кондорсе. Он полагает, что идея социальной динамики Конта связана с его знаменитой концепцией прогресса человеческого разума.

Н. И. Кареев приходит к выводу, что стремление создать новую общественную науку, было следствием общего недовольства метафизикой XVIII века после того серьёзного практического испытания, какому она подверглась во время революции.

В третьей главе своей книги Кареев переходит к анализу основных направлений мировой социологической мысли, среди которых он выделяет: органическое, дарвинистское («дарвинистическое» по собственному выражению Кареева), социально-психологическое и экономический материализм.

Ученый подчеркивает, что первые два направления имеют между собой много общего, так как каждое стремится свести социальные явления к явлениям чисто биологического характера, устраняя все психические моменты. В то же время он отмечает, что органическая теория более

соответствует идее общества, нежели перенесенный в социологию принцип борьбы за существование.

Однако гораздо большее значение, по мнению Кареева, имеют два других направления, поскольку обладают антропологическим, а не зоологическим характером.

Вместе с тем ученый отмечает, что «к счастью для социологии, отдельные её направления и школы не до такой степени между собой разобщены, чтобы не испытывали влияния одна со стороны другой» [2; С. 51]. Более того, в действительности различные школы и направления разделяют многие общие взгляды и различным образом комбинируют одни и те же или родственные идеи. Исключение из этого общего правила представляет лишь экономический материализм.

Далее он характеризует названные направления в специальных главах.

Так, в четвертой главе он рассматривает органическое направление в социологии, родоначальником которого по праву считается Герберт Спенсер. Наряду с ним упоминаются работы «Строение и жизнь общественного тела» Альберта Шеффле и «Мысли о социальной науке будущего» русского исследователя П. Ф. Лилиенфельда. Кроме этого Кареев дает критику органической школы представителем русской субъективной школы Н. К. Михайловским.

В пятой главе Кареевым описывается дарвинизм в социологии в связи с чем упоминаются работы «Душа человека и животных» Вильгельма Вундта и «Очерк социологии» Людвиг Гумпловича. Также как и в предыдущей главе дается критика этого направления представителями субъективной школы Миртовым (псевдоним П. Л. Лаврова), Н. К. Михайловским и С. Н. Южаковым.

В шестой главе Кареев рассматривает экономический материализм, получивший обоснование как социологическая теория в трудах Карла Маркса. Также упоминаются Ф. Энгельс, Ф. Меринг и Бельтов (псевдоним Г. В. Плеханова). Следует отметить, что сам Кареев весьма критически относился к экономическому материализму, утверждая, что это «явление отсталое, сравнительно с позитивной социологией» [2; С. 92]. В качестве его недостатков с социологической точки зрения он называл теоретическую неразработанность и отсутствие собственной методологии, с чем, впрочем, довольно трудно согласиться. Впрочем, видел он и положительные стороны данного направления в обращении внимания на экономический фактор.

Будучи представителем психологического направления в социологии, Кареев уделил ему большое внимание в седьмой главе своей работы, заявляя, что «социологическая теория, которая игнорирует духовную жизнь личности и общественные проявления этой жизни, не может считаться результатом действительного понимания человеческой природы» [2; С.

111]. По его мнению, личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология, поскольку народы или классы – суть собирательные общности, состоящие из отдельных личностей. На его взгляд существование между людьми общественной связи порождает постоянное психологическое взаимодействие, из чего следует, что коллективная психология является непосредственной основой социологии. Кареев исходил из того, что «общество не есть простая совокупность личностей, находящихся в психологическом практическом взаимодействии, но и целая система этих взаимодействий, в коей последние получают известные постоянные формы, известную организацию» [2; С. 319].

В связи с этим Кареев описывает позиции авторов, которые уделили особое внимание психологическому объяснению общественных явлений – Н. К. Михайловского, Ф. Гиддингса, Г. Тарда. Кстати, он весьма критично замечает, что основная идея «Законов подражания» Тарда, гласящая, что общество – это подражание, содержит несомненное преувеличение.

Немало внимания Н. И. Кареев уделил актуальной проблеме отношения социологии с другими общественными науками. В главе «Основные социологические направления» он, подчеркивая «социологическое значение истории», заявлял, что «из конкретных наук самое важнейшее значение для социологии имеет, несомненно, история» [2; С. 45–46]. Аргументация его сводилась к следующему. Несмотря на строгое разграничение наук, согласно которому история – конкретная наука, а социология – наука абстрактная, ученый, тем не менее, видел у них наличие общего предмета – общества. Различие же состояло в том, что они изучают его различными способами и в различных целях. «Первая воспроизводит прошлое, вторая открывает общие законы», – подчеркивает Кареев [2; С. 144]. Вместе с тем он был убежден в том, что они могут и должны тесно сотрудничать, потому что главный фактический материал социология получает из изучения прошлого, поскольку рассматривает общество в историческом развитии.

К тому же Кареев отмечает, что история сближается с социологией, поскольку все более сосредоточивает свое внимание на тех же явлениях, которыми интересуется социология. По его мнению «в процессе своего развития историческая наука все более и более подчиняется социологической точке зрения, делая главным своим предметом общество в его строе и быте. При таком понимании истории наука эта и социология – одна конкретная, другая абстрактная - должны взаимно дополняться» [2; С. 45-47].

Н. И. Кареев также считает, что социология важна не только для историков, но и для других ученых, в частности, специализирующихся в области религии, литературы и т. д.

Десятую главу своего учебника «Социологическая методология» Кареев специально посвящает методам социологии. Его анализу подлежат взгляды на методы социологии О. Конта, методы дедукции и индукции Дж. Ст. Милля, методологические взгляды Ф. Гиддингса. Критично как крайне поверхностные оценивал Кареев методические взгляды В. Вундта. К сожалению, он лишь вскользь упоминает о «Правилах социологического метода» Э. Дюркгейма. Заметим, что Кареев был хорошо осведомлен о работах основоположника французской социологической школы, о чем свидетельствует глубокий и заинтересованный анализ его работы «О разделении общественного труда» (1893) [2; С. 292–297].

Из русских авторов в поле зрения ученого попали Н. К. Михайловский и А. И. Стронин. Работу последнего «История и метод» (1869) он ценит весьма невысоко, заметив несколько позже, что такие произведения только «компрометировали новую науку», что, впрочем, было не вполне справедливо [3; С. 92].

Вместе с тем он особо отмечал работу М. М. Ковалевского «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права» (1880). Очевидно, это было связано с вниманием, уделяемым Кареевым сравнительно-историческому методу, который, по его мнению, «состоит в изучении частных фактов в целях выведения из них общих положений путем обобщения единичных случаев одной и той же категории» [2; С. 129]. Этот метод наряду с эволюционной теорией Кареев считает главными достижениями социологии. «Эволюционная точка зрения и сравнительный метод суть научные приобретения XIX века» – утверждает он [2; С. 141].

Под эволюцией Кареев подразумевал прежде всего прогресс, характеристике которого посвящена пятнадцатая глава книги. Он подчеркивает, что уже в социологии Конта идея прогресса играла весьма важную роль. Его социальная динамика, составлявшая V и VI тома «Курса позитивной философии» была, по мнению ученого, «грандиозным опытом философского обзора всемирной истории о совершающемся в ней прогрессе в смысле перехода человечества из теологического фазиса через метафизический в позитивный» [2; С. 376]. Анализу подлежат также взгляды Герберта Спенсера на эволюцию. Однако главное внимание автор уделяет пониманию прогресса субъективной школой, в частности анализируя различные предлагаемые ею формулы прогресса.

Интересны взгляды Кареева на современное состояние социологии, которые он излагает в последней, шестнадцатой, главе. Прежде всего он обращает внимание на то, что социология как наука еще не достигла высокой степени зрелости. На это указывает тот факт, что она не обладает достаточно четкой и определенной социологической терминологией. По

его мнению, «наука не может успешно идти вперед, если у неё нет своего общепринятого и всем понятного языка. Чем совершеннее наука, тем точнее её общие понятия» [2; С. 414].

В заключение Кареев высказывает некоторые предположения о том, в каком направлении должна развиваться социология. Во-первых, ей следует отказаться от метафизики, поскольку «основные теоремы в социологии должны доказываться средствами самой этой науки» [2; С. 417].

Во-вторых, он считает, что социология должна опираться как на факты, так и на теории, гармонично сочетая их в структуре своего знания. К тому же в духе субъективной школы он заявляет, что социология может вполне оставаться на научной основе, внося в общие социологические теории этическую точку зрения.

В-третьих, ученый подчеркивает, что место, которое социология занимает среди других наук, делается все более определенным. По мнению Кареева она вовсе не призвана упразднить или заменить собой другие общественные науки. Вместе с тем она должна стать рядом с ними как совершенно отдельная и самостоятельная наука. От общей истории она отличается, как абстрактная наука от науки конкретной, а от специальных наук о государстве, праве и народном хозяйстве она отличается тем, что изучает общество не специально с политической, юридической или экономической точки зрения, а с точки зрения общего консенсуса общественных явлений. Более того, Кареев уверен, что социология уже успела оказать своё влияние на постановку и решение различных исторических, экономических, юридических и экономических вопросов. Он выражает надежду, что это влияние со временем будет только возрастать и что на этой общей социологической почве будут все более сближаться между собой отдельные общественные науки.

Наконец, по предположению Кареева, развитие самой социологии будет осуществляться в направлении синтеза с другими общественными науками, особенно с психологией. Согласно его прогнозу следует ожидать, что «социология будущего выработается из научного синтеза биологических, психологических и экономических объяснений» [2; С. 420].

Можно с уверенностью утверждать, что учебник Н. И. Кареева «Введение в изучение социологии», выдержавший при жизни автора три издания (1897, 1907, 1913), выполнил свою миссию – познакомил российское общество с основами и историей возникновения и развития социологии как новой науки об обществе. Тем самым Кареев в немалой степени содействовал становлению социологии в России, положив начало традиции создания литературы учебного характера, которая была продолжена видными российскими социологами [5]. Сам же Н. И. Кареев в 1919 году издал еще одну работу учебного типа «Общие основы социологии»

[6]. Учёный в немалой степени содействовал становлению социологии в России как науки и учебной дисциплины, благодаря чему сегодня его по праву относят к пионерам отечественной социологии.

Библиографический список

1. Голосенко А. И., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. – М.: Онега, 1995.
2. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. – СПб., 1907.
3. Кареев Н. И. Основы русской социологии. – СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996.
4. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. – Л.: ЛГУ, 1990.
5. Ковалевский М. М. Социология. В 2-х т. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910; Тахтарев К. М. Социология как наука о закономерности общественной жизни (Введение в общий курс социологии). – Пг.: Жизнь и знание, 1916; его же: Социология, её краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. – Пг.: Кооперация, 1918; Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. – Ярославль, 1921 и др.
6. Кареев Н. И. Общие основы социологии. – Пг.: Наука и жизнь, 1919.

Е. В. Викторова

ассистент

ПГПУ им. В.Г. Белинского

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА НА ПОДРОСТКОВ

Гуманистическая сущность искусства, его высокая социализационная роль и непреходящее значение в нравственном формировании личности осознаны с давних пор (Аристотель, И. Фихте, Г.-В.-Ф. Гегель, А. Бергсон, Б. Кроче, Ж. Маритен, К. Маркс, Г. В. Плеханов, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, Л. С. Выготский, М. С. Каган, С. Х. Раппопорт, В. Мириманов, Е. В. Волкова и мн. др.). Эффективность эмоционально-нравственного воздействия искусства на личность теоретически обоснована и эмпирически подтверждена (Е. В. Волкова, Л. С. Выготский, Е. И. Дворникова, Л. П. Дуганова, Н. А. Лепская, Б. М. Неменский, Л. Т. Потанина, Б. М. Теплов и мн. др.), описаны механизмы такого воздействия (Н. Б. Берхин, Л. С. Выготский, С. Х. Раппопорт, Г. Х. Шингаров и мн. др.).

Активное приобщение к нравственным ценностям, заложенным в изобразительном искусстве, наиболее эффективно в подростковом возрасте, когда идет интенсивное нравственное и социальное формирова-

ние личности, (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, Л. И. Божович и др.), восприятие школьника становится более целенаправленным и организованным по сравнению с младшим школьным возрастом, активно формируется способность воспринимать эмоционально-нравственный потенциал художественного образа (В. А. Сухомлинский, Б. М. Неменский, В. А. Гуружапов, Е. Л. Глущенко, В. П. Полуянов и др.).

Целью данного исследования является выяснение эффективности эмоционально-нравственного воздействия изобразительного искусства на современных подростков.

Опираясь на описанную А. С. Карминым [1] систему уровней восприятия произведений искусства и проанализированный Н. Б. Берхиным [2] механизм воздействия произведения искусства на личность, можно заключить, что эмоционально-нравственное воздействие живописного полотна на реципиента может происходить только при условии достижения последним интеллектуально-эмоционального уровня восприятия произведения искусства [3].

Реципиент, достигший интеллектуально-эмоционального уровня восприятия произведения изобразительного искусства, характеризуется следующими чертами:

- он понимает, что перед ним живописное полотно;
- понимает язык живописи (язык цвета, света, форм и т. д.);
- настроен на общение с произведением искусства, его переполняет чувство предвкушения общения с прекрасным;
- не дает резких оценок увиденному;
- эмоционально захвачен увиденным;
- воспринимает живописное полотно в целом, в единстве его формы и содержания (художественный образ, а не отдельные его элементы);
- понимает смысл изображенного;
- не остается сторонним наблюдателем, переживает изображенное (эмпатия);
- осознавая искусственный характер эмоций, не пугается силы нахлынувшего переживания и отдается ему целиком;
- находит в изображенном отголоски своих чувств и мыслей: свои чувства переживаются как чувства другого;
- в реципиенте происходит рефлексия себя самого в другом;
- произведение искусства надолго остается в памяти реципиента;
- у него появляется желание вновь увидеть это произведение;
- ценность искусства в целом для человека возрастает.

В работах Е. В. Волковой, С. Х. Раппопорта и др. справедливо отмечается, что проследить происходящее в душе человека при восприятии произведения искусства очень сложно. Этот процесс почти не контролирует-

ся. Можно лишь создать максимально благоприятные условия для такого восприятия. Учитывая это, можно заключить, что главными признаками способности личности к полноценному общению с произведением искусства могут быть: 1) осознание ценности искусства в жизни человека, придание ему личностного смысла, 2) открытость личности произведениям искусства, 3) наличие ярких впечатлений от общения с произведениями искусства, 4) высокий уровень эмпатии, рефлексии личности.

Все вышеперечисленное предопределило основные задачи, которые необходимо решить в процессе исследования:

1) каково отношение подростков к искусству в целом: наделяется ли оно личностным смыслом;

2) какова специфика восприятия ими произведений изобразительного искусства;

3) достигают ли они интеллектуально-эмоционального уровня восприятия произведений живописи.

В эксперименте участвовали 275 подростков 11 – 13 лет, обучающихся в общеобразовательных школах. Экспериментальное исследование осуществлялось в ходе анкетирования, изучения творческих работ подростков, включенного наблюдения, бесед с учащимися.

Эксперимент проводился в несколько этапов. Каждый из этапов, с одной стороны, может рассматриваться как самостоятельное исследование, с другой стороны, все этапы находятся в отношениях взаимообусловленности. Здесь будут рассмотрены лишь основные моменты трех этапов исследования и представлены результаты всего эксперимента в целом (без рассмотрения промежуточных результатов).

На первом этапе подросткам была предложена анкета, содержащая открытые вопросы. Они направлены на изучение впечатлений подростков от общения с произведениями живописи в стенах школы и вне школы и призваны выявить специфику отношения подростков к искусству в целом и к его эмоционально-нравственному потенциалу в частности.

В ходе анкетирования были получены следующие данные. 23 % опрошенных указали на то, что яркие впечатления от общения с произведением живописи были получены на школьных уроках. На 8,5 % подростков впечатление произвели репродукции, которыми украшены школьные помещения, на 7,5 % – репродукции, размещенные в учебниках. Большая часть опрошенных (61 %) отметила, что самые яркие впечатления от общения с произведениями изобразительного искусства были получены вне школы. Специфика ответов на данный вопрос зависит от особенностей семейного воспитания. Подростки указывали на работы, выполненные родственниками или знакомыми, профессионально занимающимися или увлекающимися живописью, на репродукции картин, украшавших ком-

наты в их доме или доме родственников и знакомых (26 %). Далее идут репродукции картин, увиденные в альбомах, в книгах, на открытках, на почтовых марках, на обертках конфет и на даже спичечных коробках (16 %). В 3 % случаев указываются художественные школы, кружки и т. д. 4 % опрошенных отметили, что им запомнились произведения живописи еще из детского сада. И очень яркие впечатления у подростков остались от посещения самых разных музеев, галерей, выставок (11 %), церкви (1 %).

На вопрос о том, вспоминаются ли указанные картины, когда происходит знакомство с другими произведениями живописи, 76 % ответили, что вспоминаются (из них 57 % ответили, что вспоминают часто, 19 % – вспоминают редко), 24 % – не вспоминают. Описанные респондентами чувства, которые возникают у них при воспоминании об этих произведениях, можно условно поделить на три группы. Первую – самую многочисленную (44 % из 76 %) – составляют чувства радости, умиления, беззаботности, защищенности, теплоты. Вторую группу составляют чувства грусти, безвозвратности ушедших приятных мгновений (24 %). И ответы 8 % опрошенных составили третью группу, включающую в себя чувства восхищения, гордости от осознания того, что эти произведения им известны. На вопрос о том, хочется ли вновь увидеть эти произведения, 64 % из 76 % ответили утвердительно, 12 % – отрицательно.

Особый интерес представляют ответы на вопросы, касающиеся нравственного влияния произведений живописи на респондентов. На вопрос о том, обогащало ли произведение изобразительного искусства Ваши знания о нравственных качествах человека, 58 % ответили утвердительно, 16 % – отрицательно, 26 % затруднились ответить на этот вопрос. На вопрос о том, задумывались ли Вы о себе, о своих нравственных качествах благодаря произведению изобразительного искусства, половина респондентов – 51 % – затруднилась ответить, 28 % – ответили, что задумывались, и 21 % ответили, что не задумывались.

Что касается актуальности классических произведений изобразительного искусства в целом, а не только на уроках, то 42 % респондентов считают, что классическое изобразительное искусство не теряет своей значимости в наши дни, 39 % считают его неактуальным, 19 % затруднились ответить на этот вопрос.

Вполне объяснимыми в этом смысле представляются и следующие цифры. Большая часть опрошенных призналась, что не разбирается в классическом изобразительном искусстве (58 %), лишь 17 % опрошенных считают, что достаточно хорошо разбираются в нем, 25 % вообще не смогли ответить на этот вопрос.

В то же самое время немалое значение искусства в наши дни вообще и в жизни подрастающего поколения в частности подтверждается следу-

ющими цифрами. На вопрос о том, испытывают ли они желание или потребность лучше понимать произведения изобразительного искусства, 69 % опрошенных ответили утвердительно, 31 % – отрицательно, аргументируя это чаще всего тем, что нет на это времени.

На следующем этапе экспериментального исследования была организована работа по восприятию произведений изобразительного искусства. Эта часть эксперимента была призвана определить уровень восприятия подростками произведений живописи, в частности определить степень открытости произведениям живописи, изображающим внутренний мир человека, способность к эмоциональному отклику на изображенное, эмпатии, способность подростков к «считыванию» и принятию нравственной «информации», заложенной в художественном полотне, способность проецировать ее на себя, степень осмысленности, осознания протекания этих процессов. Подросткам было предложено несколько портретов (С. Пен «Портрет сестры», В. А. Тропинин «Кружевница», Н. А. Ярошенко «Курсистка», З. Серебрякова «Этюд девушки», Ф. Богородский «Братишка», Н. А. Ярошенко «Студент», А. Дейнека «Тракторист», Н. Жуков «В атаку», П. Пикассо «Девочка на шаре», А. ван Дейк «Автопортрет» и др.). Портретный жанр, раскрывающий перед зрителем социально-психологический мир одного (реже – нескольких) человека, более других позволяет проследить усвоение и присвоение реципиентом нравственных ценностей, заключенных в художественном образе, проследить наличие или отсутствие рефлексии со стороны зрителя в процессе восприятия. Кроме того, как показывают исследования (В.А. Гуружапов и др.), портретный жанр по указанным выше причинам особенно интересен подросткам. Названия полотен и авторы указаны не были, что давало возможность реципиентам, не знакомым с этими работами, выражать свое понимание образа, не сбиваясь на ассоциации, связанные с автором или названием работы. Результаты были зафиксированы в ходе анкетирования.

На вопрос о том, чем симпатичны представленные персонажи, были получены ответы, касающиеся таких черт, присущих, по мнению респондентов, персонажам, как внешняя привлекательность – 34,5 %, трудолюбие – 16,5 %, решительность, целеустремленность, уверенность в себе – 11,5 %, серьезность, способность мыслить, ум – 8,5 %, материнство – 6 %, физическая сила – 6 %, романтичность, простодушие – 3 %, патриотизм, смелость, жертвенность – 3 %, гордость, неприступность – 2,5 %. И 8,5 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. В качестве черт, вызвавших антипатию к персонажу, респонденты назвали неуважение к труду – 14 %, хитрость – 11 %, мрачность, строгость – 8,5 %, высокомерие – 8,5 %, подозрительность – 8,5 %, желание казаться лучше, чем на самом деле, притворство – 8,5 %, непристойность, рас-

пущенность, капризность – 5 %, внешняя непривлекательность – 5 %, простодушие – 3 %.

На вопрос о том, есть ли среди этих репродукций такая, которая натолкнула на какие-то раздумья, переживания, 18,5 % опрошенных не смогли ответить. Остальные ответили положительно, многие описывали возникшие при восприятии полотен чувства.

На вопрос, почему раздумья и переживания вызвали именно эти репродукции, были получены ответы, демонстрирующие нравственную направленность размышлений респондентов (ответы схожи с размышлениями о чертах характера персонажей, указанными в ответах на предыдущие вопросы), но чаще представлены размышления, преломленные через призму ассоциаций и воспоминаний из их личной жизни. Так, многие респонденты говорили о том, что представленных персонажей хотели бы видеть в качестве друга или подруги, старшего брата и сестры и т. д. Или же эти персонажи вызывают воспоминания об указанных людях.

На вопрос о том, есть ли среди предложенных репродукций такая, которая способствовала раздумьям о самом себе 48 % опрошенных ответили отрицательно, 30,5 % – утвердительно, остальные – 21,5 % – затруднились ответить на этот вопрос. 10,5 % из 30,5 % ответивших утвердительно не смогли объяснить, что именно натолкнуло их на раздумья о себе при восприятии репродукций. 10 % реципиентов отметили, что персонажи напомнили им самих себя чертами характера, душевным состоянием. Еще 10 % опрошенных указали на то, что персонажи им близки родом своих занятий.

Последний этап экспериментального исследования был организован в Пензенской картинной галерее имени К. А. Савицкого. Работа в картинной галерее была необходима для того, чтобы уточнить и расширить полученные в ходе второго и третьего этапов эксперимента данные, чтобы исключить погрешности, проистекающие из качественных различий в восприятии репродукций и оригиналов живописных полотен. Для восприятия были предложены полотна К. А. Савицкого. Ребятам было дано задание в письменном виде в свободной форме выразить свои впечатления от общения с 3-мя работами разных жанров.

Особое внимание привлекает к себе описание восприятия подростками работы К.А.Савицкого «Инок». 64 % реципиентов отметили, что были эмоционально захвачены увиденным. Все реципиенты в той или иной степени поняли смысл изображенного. Несмотря на то, что были предложены самые разные версии происходящего в душе персонажа, попытки проанализировать то, что изображено в данный момент и что этому могло предшествовать, присутствуют во всех студенческих работах.

В 25 % из 68 % работ, посвященных описанию «Инока», можно обнаружить такие особенности восприятия произведений живописи, как:

- целостное восприятие художественного образа. О нем свидетельствует то, что главный смысл картины схватывается мгновенно, с первого взгляда, внимание не отвлекается на детали;

- проникновение в смысл изображенного происходит в неразрывной связи с эмоциональным откликом на него;

- внешний облик персонажа, поза, детали одежды, обстановки и т.д. воспринимаются как способ передать его внутренний мир;

- наличествует эмпатия, позволяющая предположить о возникновении рефлексии в процессе восприятия.

Однако значительное число студентов (43 %) оказалось не способно воспринять художественный образ в целостности. Об этом свидетельствуют следующие характеристики восприятия ими полотна «Инок»:

- описание картины начинается с ее размера,

- концентрируется внимание на цветовой гамме (чаще всего не всей картины, а отдельных ее элементов),

- описанию инок уделяется недостаточно внимания,

- в описании инок акцент делается на детали, которые способны выявить сюжет,

- не устанавливаются связи между цветовой гаммой полотна, деталями обстановки, портрета инок и его внутренним миром,

- описание резюмируется краткой характеристикой чувства, которое вызвало полотно.

Восприятие пейзажа в большинстве рассмотренных нами случаев сводится лишь к пониманию того настроения, какое, по мнению реципиентов, попытался выразить автор. Пейзаж, по мнению значительного числа подростков, призван вызывать положительные эмоции («легкие», «приятные»). Об этом свидетельствует то, что при восприятии пейзажа подростки могли давать картинам полярные оценки, связанные с нежеланием и неспособностью глубже проникнуть в смысл изображенного (24 %). Очень часты здесь ничем не подкрепляемые высказывания «нравится» – «не нравится». В 60 % случаев реципиенты видят смысл картины только в передаче зрителю эмоций.

В некоторых работах 16 % присутствуют признаки целостного восприятия пейзажа, появления рефлексии: попытки понять глубинный смысл изображения через предположение того, как мог выглядеть пейзаж до изображенного момента и после него; появление слуховых ассоциаций; усмотрение в пейзаже глубинной символики и личностно важного философского смысла.

Восприятие жанровой живописи (бытового жанра) в подавляющем большинстве случаев (59 %) из 83 %) ограничилось рассматриванием деталей, а описание было сведено к передаче сюжета. Особо следует отме-

тить полотно «Не сошлись характерами», т. к. при его восприятии некоторые студенты поднялись до интеллектуально-эмоционального уровня (24 % из 83 %): переживание внутреннего конфликта в душе персонажей отодвинуло на второй план заинтересованность деталями картины, желание проникнуть в суть произошедшего повлекло за собой ярко выраженную эмпатию, позволяющую говорить о проецировании реципиентами ситуации на себя и возникновении рефлексии.

Анималистический жанр взяли для описания немногие подростки (20 %). В результате бесед было выяснено, что остальные школьники считают анималистический жанр не заслуживающим особого внимания, «неинтересным».

Наблюдение же за восприятием этого жанра теми, кто выбрал его, привело к интересным результатам. Эмпатические способности реципиентов, взявших для описания одновременно портретный и анималистический жанры, часто более ярко проявлялись при восприятии именно анималистического жанра (16 % из 20 %). Об этом свидетельствует то, что данная группа реципиентов уделила значительно больше внимания описанию грустного взгляда собаки (в большинстве случаев это была работа «Зорька») и предположению того, что именно могло быть причиной этой грусти, нежели подобному описанию портретов.

В результате анализа творческих работ подростков, бесед с ними и наблюдения за процессом восприятия ими оригиналов живописных полотен на последнем этапе экспериментального исследования были получены данные, позволяющие судить об уровнях восприятия подростками произведений живописи разных жанров. На интеллектуально-эмоциональном уровне портретный жанр воспринимается 25 % подростков, пейзажный жанр – 16 %, бытовой жанр – 24 %, анималистический жанр – 16 %.

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет сделать выводы, которые отражают решение задач, поставленных в его начале.

1. Современные школьники подросткового возраста достаточно высоко ценят изобразительное искусство, понимают его непреходящее значение в культуре в целом и в жизни каждого человека. Высокое искусство признается многовековым этико-эстетическим эталоном, наделяется значительным личностным смыслом, но рассматривается как нечто недостижимое, не всем и не всегда понятное.

2. Для художественного восприятия большинства опрошенных характерны такие черты, как

- достаточное понимание языка живописи;
- нестабильная открытость произведениям изобразительного искусства;

- неспособность к целостному восприятию художественного образа;
- недостаточное понимание смысла изображенного;
- высокая ориентированность на эмоциональный потенциал живописного полотна;
- достаточно высокая эмпатийность;
- слабое осознание искусственного характера художественных эмоций;
- низкий уровень проецирования нравственных ценностей, заложенных в произведении, на свою иерархию ценностей;
- незначительная способность к рефлексивному восприятию художественного образа.

3. В большинстве случаев подростки не способны воспринимать произведения изобразительного искусства на интеллектуально-эмоциональном уровне.

Следовательно, не обеспечивается полноценное эмоционально-нравственное воздействие художественного произведения на личность реципиента. Эмоционально-нравственный потенциал изобразительного искусства оказывается нереализованным. Предпосылки возможного полноценного общения с произведением изобразительного искусства – способность сохранять яркие впечатления от произведений живописи, желание эмоционально насыщенного восприятия живописного полотна, способность к нравственному осмыслению изображенного и интерес к изобразительному искусству в целом, несмотря на недостаточное его понимание, – в большинстве случаев не находят своего продолжения.

Искусство предоставляет огромные возможности в деле эмоционально-нравственного воспитания личности, но, следует признать, что возможности эти не всегда эффективно используются педагогами и родителями. Современная педагогика, позиционируемая как гуманистически ориентированная, в поисках средств формирования личности, способной к раскрытию своего духовного потенциала, не должна забывать о высоком искусстве.

Библиографический список

1. Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 200.
2. Берхин Н. Б. Специфика искусства (Психологический аспект). – М.: Знание, 1984. – С. 44.
3. Викторова Е. В. Специфика нравственного воздействия изобразительного искусства на личность // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. / Под общей ред. С. Н. Волкова. Пенза: Изд-во ПГТА, 2006. – С. 106.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Осуществляя мероприятия по развитию системы сельскохозяйственных школ, укреплению их учебно-материальной базы, правительство и Департамент земледелия пристальное внимание уделяли кадровой проблеме, так как эффективность учебно-воспитательного процесса в своей основе определялась качеством педагогических кадров.

Первоначально эти должности занимались в соответствии с уставом школ и училищ. Затем Нормальное положение от 27 декабря 1883 года определило и упорядочило работу с ними. Ключевое значение в жизни с/х школ имел попечитель.

В соответствии с законодательством попечитель школы избирался ее учредителями и утверждался в этом звании Министерством госимуществ после согласования с местным губернатором. Однако закон предусматривал иной путь в попечители. «Если землевладелец, – говорилось в нем, – учредивший школу в своем имении, изъявит желание принять на себя обязанности Попечителя, то он утверждается в сем звании» [1].

Попечители с/х учебных заведений обеспечивали их нормальные отношения с местными землевладельцами и крестьянами, общественными организациями и властью. Они активно участвовали в создании учебно-материальной базы и привлекали к этому всех заинтересованных, руководили подбором преподавательских кадров и возглавляли Советы школ, в ведении которых находились все хозяйственные и учебные вопросы.

Вместе с тем многие учредители школ, как правило, местные землевладельцы, обязанности попечителей брали на себя, активно участвуя в организации учебно-воспитательной работы. К их числу относился учредитель и попечитель Завиваловской с/х школы Ф. И. Лодыжинский, созданная им школа располагалась в с. Завиваловке Чембарского уезда Пензенской губернии [2].

Работоспособность педагогических коллективов низших с/х учебных заведений определялась тем, кто их возглавит, личностными и профессиональными качествами первых руководителей-управляющих. Поэтому подбору управляющих правительство придавало самое серьезное значение.

Анализ имеющегося материала показывает, что основным принципом работы с руководящими кадрами был коллегиальный подбор управляющих. Кандидатуру на вакантную должность подбирали не только лица и организации, общества, участвующие в учреждении учебного заведения, но и сочувствующие и оказывавшие эпизодическую помощь

им. Все это давало возможность всесторонне изучить деловые и личностные качества претендентов, не замыкаясь на формальной стороне дела.

Принцип оптимального сочетания специального образования и практической подготовки по-прежнему лежал в основе кадровой политики. Так летом 1906 г. управляющим Пензенским училищем садоводства был назначен А. И. Журавский, работавший здесь с 1893 г. в должности главного садовника и имевший большой опыт практической работы по садоводству в различных регионах России [3]. Существенную помощь местным органам власти, земствам, обществам и частным лицам в подборе управляющих оказывал Департамент земледелия. Он ежегодно собирал данные о вакансиях и списки лиц, желавших работать на различных должностях в низших с/х школах, и рассылал их по губерниям. Из представленных кандидатур местные власти могли выбрать и пригласить того, кто соответствовал предъявляемым критериям. Данная работа имела определенные успехи, а образовательный уровень руководителей низших сельских школ свидетельствовал о популярности и авторитете учебных заведений.

Из сказанного следует, что в конце XIX – начале XX вв. в России сложилась определенная система подбора руководящих кадров. Этого нельзя сказать о системе подготовки управляющих. Ее отсутствие можно объяснить недостатком должного опыта в строительстве сельской школы. А также тем, что в условиях централизованного управления инициативные, предприимчивые и методически грамотные руководители не требовались, нужны были добросовестные исполнители министерских предписаний.

Действия управляющих регламентировались соответствующими инструкциями. Инструкция управляющему Пензенским училищем садоводства, утвержденная Министерством земледелия и госимуществ 1 ноября 1896 г., полностью расписывает не только его функциональные обязанности, но и последовательность их исполнения: «1) Управляющий, как начальник..., по всем частям управления... обязан прилагать постоянное попечение о благоустройстве училища и заведений при нем состоящих. 2)...Обязан наблюдать, чтобы все правила, в положении, в уставе и общих указаниях заключающиеся, и особые, Инструкции и предложения начальства были исполнены в точности и своевременно. 3) На его же обязанности лежит наблюдение, чтобы преподавание направлялось сообразно с предложенною целью и с соблюдением надлежащей постепенности при исполнении учебных программ... Для этой же цели ... должен а) возможно чаще посещать классные и практические занятия, подвергая воспитанников испытаниям; б) возможно-чаще просматривать классные журналы и журналы по практическим занятиям...10) Управляющий рекомендует окончивших курс воспитанников на места и следит, по возможности, в течение десяти лет за их деятельностью» [4].

Положение о с/х школах 1883 г. ничего не говорило о системе подготовки преподавательских кадров, оно лишь декларировало, кто может преподавать в низших учебных заведениях. «Преподаватели сельскохозяйственных предметов в общих школах, – сказано в нем, – назначаются из лиц, окончивших курс в сельскохозяйственных учебных заведениях высшего или среднего разряда. Преподавателями специальных предметов в школах, учрежденных по отдельным отраслям сельского хозяйства..., разрешается определять сверх выше указанных лиц. Также и таких, которые не окончили курса в означенных учебных заведениях, но доказали основательные свои познания по преподаваемым предметам» [5].

Анализ имеющихся документов и архивных материалов показывает, что проблем с преподаванием общеобразовательных дисциплин не было. Это объясняется относительной немногочисленностью низших сельскохозяйственных школ в России на рубеже XIX – XX вв. и довольно развитой сетью учебных заведений, готовивших преподавателей общеобразовательных дисциплин.

В конце XIX века решение кадровых проблем низших с/х школ шло по двум направлениям. С одной стороны, совершенствовалась система подбора и расстановки преподавателей специальных дисциплин, окончивших различные высшие и средние с/х учебные заведения. С другой – начали устраиваться специальные курсы при земледельческих училищах для подготовки учителей низших сельских школ. Кроме того, в условиях кадрового дефицита в учебные заведения принимались лица, имеющие низшее с/х образование, но непременно большой практический опыт работы по специальности.

Проводимая работа давала определенные результаты. Так, в 1898 году из 509 управляющих и преподавателей низших сельских школ всех типов высшее образование имели 73 человека или 14,3 %, из них 44 – высшее сельскохозяйственное, 29 – вообще высшее. Преподавателей со средним образованием было большинство – 251 человек или 49,3 %, в том числе 122 – со средним сельскохозяйственным образованием и 129 – с общим средним. Незначительно меньшую по численности группу составляли преподаватели с низшим образованием. Их было 194 человека или 38,1 % [6].

В начале XX века правительство продолжало работу по поиску наиболее оптимальных форм решения кадровой проблемы в сельской школе. Однако потребность в кадрах не сопровождалась должным материальным и социальным улучшением их положения. Поэтому сохранялась их текучесть, неукомплектованность школ кадрами и недостаточная профессиональная подготовленность некоторых преподавателей.

Несмотря на разнообразие форм работы, кадровая ситуация в низших с/х школах с 1898 по 1909 годы практически не изменилась. У специа-

листов с высшим образованием по-прежнему авторитетом пользовались общие с/х школы всех разрядов. Школы всех разрядов по отдельным отраслям, а также народные и начальные в большей степени привлекали к себе внимание специалистов сельского хозяйства среднего звена [7].

Департамент земледелия искал формы совершенствования профессиональной и методической подготовки работающих преподавателей. В первое десятилетие реализации Нормального положения 1883 г. эти вопросы быстро накопились. Обострение ситуации стало следствием непродуманной политики. Считалось, что хорошо подготовленный специалист может решать все вопросы. Однако реальная практика показала, что у них отсутствовали элементарные познания по педагогике и методике преподавания.

Поиск форм и методов улучшения педагогической и методической подготовки преподавателей привел к осознанию необходимости взаимного посещения уроков. Первый опыт был проведен в 1912–1913 учебном году в Александровском-Нартасском с/х училище. В начале года управляющий предложил всем преподавателям совместно разбирать «...уроки, даваемые каждым из преподавателей в присутствии всех, ...с целью выяснения тех или иных, всегда могущих быть, дефектов в преподавании», а также для «выработки более общих приемов и рациональных приемов преподавания». Открытые уроки давали все, включая управляющего и законоучителя. Было проведено и обсуждено 19 уроков [8].

Проходивший в Киеве с 3 по 10 января 1914 г. съезд деятелей по сельскохозяйственному образованию высоко оценил данную инициативу и рекомендовал этот опыт активно использовать в учебных заведениях. Участники съезда предложили в каждом низшем учебном заведении в целях повышения методической подготовки продумать систему самообразования преподавателей [9]. Кроме того, проанализировав весь накопленный к тому времени опыт повышения квалификации и подготовки преподавателей специальных дисциплин, съезд категорично заявил о необходимости «...предварительной подготовки для лиц, желающих преподавать в сельскохозяйственных учебных заведениях». Среди множества систем подготовки кадров «специальные учебные заведения» съезд назвал наиболее эффективной и основной формой.

Кроме того, Департамент земледелия приступил к созданию педагогических классов при низших сельскохозяйственных училищах. В уставе училищ 1912 г. говорилось, что они «...учреждаются для подготовки учащихся к учительской деятельности в народных сельскохозяйственных школах и начальных училищах» [10]. На учебу в эти классы принимались ученики «...с успехом окончившие курс трех начальных классов низших сельскохозяйственных училищ и рекомендованные для подготовки к педагогической деятельности Советами этих училищ». Срок обучения в классах продолжался один год.

В правительственных кругах, в общественной среде давно дебатировался вопрос о возможности привлечения женщин к преподавательской работе в низших с/х школах. 30 июня 1913 г. Высочайше был утвержден проект закона о допущении лиц женского пола к педагогической деятельности в сельскохозяйственных учебных заведениях. В законе подчеркивалось, что женщины, имеющие соответствующую подготовку, на равных основаниях с мужчинами могут занимать все должности по учебно-воспитательной части как в женских, так и в мужских сельскохозяйственных учебных заведениях без ограничения. Они только не имели права занимать руководящие должности в низших сельских школах [11]. Данный закон не только активизировал работу по подбору преподавательских кадров, но и расширил круг поиска нужных специалистов.

Кадровая политика, осуществлявшаяся по этой относительно оформившейся схеме, давала на рубеже XIX–XX вв. положительные результаты. Во-первых, в большинстве школ вакантных должностей не было, а если появлялись, то на короткий срок. Во-вторых, она способствовала улучшению качественного состава преподавателей специальных и общеобразовательных предметов.

В конце XIX – начале XX вв. в России определились основные направления работы с кадрами с/х школ. Однако складывавшиеся формы не были совершенными, так как система с/х школ находилась в развитии. Кроме того, существенный вред этой работе и всему учебно-воспитательному процессу наносили несогласованные, а иногда даже враждебные действия учредителей, попечителей и управляющих.

Весьма важным с точки зрения стабилизации кадров, совершенствования учебной работы являлся вопрос социально-классового состава преподавателей низших с/х школ.

Совокупность обстоятельств и имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что руководители и преподаватели специальных и общеобразовательных дисциплин в низших с/х школах были выходцами из всех сословий российского общества, но распределялись по учебным заведениям неравномерно. В основном представители среднего и обедневшего дворянства, получившие соответствующее образование, работали в общих сельскохозяйственных училищах и школах, реже – в других типах учебных заведений. Напротив, основной костяк преподавателей и заведующих в практических, народных и начальных школах составляли крестьяне, разночинцы, мещане и представители других сословий.

Итак, контингент педагогических работников с/х школ готовился из представителей всех сословий России, имевших соответствующее образование, либо желавших работать в сфере сельскохозяйственного образования. Все это, в конечном итоге, способствовало не только взаимно-

му сближению сословий, передаче сельскохозяйственного опыта, но и личному участию в хозяйственной жизни каждого преподавателя через своих учеников, что благотворно отразилось на повышении эффективности с/х производства.

Библиографический список

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. Третье. Т. 3. – Спб., 1886. — С. 494.
2. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. VIII.- Спб., 1905. — С. 81.
3. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XVI.- Спб., 1911. — С. 119.
4. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XV.- Спб., 1910. — С. 382-393.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. Третье. Т.3.-Спб., 1886. — С. 494.
6. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. IV.- Спб., 1900. — С. 118-123.
7. Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XVI.- Спб., 1911. — С. 264-275.
8. Сельскохозяйственное образование. 1914. № 1. — С. 22.
9. Сельскохозяйственное образование. 1914. № 2. — С. 51.
10. Труды Совещания по организации сельскохозяйственных училищ ... в 1912 году. — Спб., 1912. — С. 113.
11. Краткие статистические сведения... Вып. IV. - Спб., 1915. — С. VIII - IX.

О. В. Плешакова

ПГПУ им. В. Г.Белинского

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ – СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ (на примере студентов 4-го курса дневного отделения факультета социологии и социальной работы)

Для социального работника рефлексия как процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний, осознание действующим субъектом того, как он в действительности воспринимается и оценивается другими индивидами или общностями, является важным аспектом профессиональной деятельности.

В процессе обучения рефлексия помогает студенту получить обобщенное знание о мире и себе (А. Бандура, И. С. Кон, М. И. Лисина, Д. В. Ольшанский), «помогает заметить противоречивость, взаимную несовместимость некоторых своих мыслей, поступков и принципов, что, в

свою очередь, активизирует внутренний диалог, превращая самопознание и самовоспитание в сознательное закрепление новых желательных элементов поведения» [7, с. 256]. Это выражается в усвоении специальных знаний, умений и профессиональных ценностей в процессе обучения, с последующей их аккомодацией в личностные свойства, профессиональные навыки и собственную систему смысложизненных ценностей студента. Интериоризация этих знаний и ценностей совершается не только переходом во внутренний план сознания в виде умственных действий, но и рефлексивным путём осмысления полученной информации.

По мнению Г. Р. Харре, необходимость в рефлексии как средстве когнитивного освоения ситуации взаимодействия возникает в асимметричных ситуациях (обучение, руководство), в ситуациях конфликта, групповой дискуссии, ведения переговоров. Ученый особо подчеркивает роль рефлексии в проблемных эпизодах социальной жизни, когда действия человека не регулируются правилами, а он сам вынужден конструировать свое поведение [6, с. 15]. Для работника в сфере социального обслуживания населения подобные проблемные ситуации являются обычными рабочими моментами.

Здесь необходимо отметить, что рефлексия всегда связана с порождением нового содержания (Н. Г. Алексеев, В. В. Давыдов, С. Ю. Степанов), так как является «процессом соотнесения способа действия с особенностями условий, в которых это действие требуется выполнить» [1, с. 44]. Так, сталкиваясь с проблемами клиентов, на первый взгляд, однотипными, социум вырабатывает индивидуальное решение, в зависимости от конкретной ситуации каждого клиента.

Особый акцент в деятельности социального работника делается на понимании того, что думает клиент, какова его персональная ситуация, требующая определенной стратегии и тактики, а также в чем уникальность человека, его персонального опыта, социально-психологических характеристик. Не менее важно определенное влияние социального опыта, событий жизни индивида на его психологический облик, эволюцию этого облика, оценка влияния последнего на решение проблем жизнеустройства личности.

При этом социальный работник должен учесть собственные психические способности и динамику развития отношений с клиентом, возможности контактов с людьми из его окружения, динамики и характера их взаимозависимости с подопечным. Принципиальное значение в данном контексте отношений, взаимодействия социального работника и клиента имеет учет индивидуального опыта, психологического склада, уникальности личности того, кому оказывается помощь.

Принимаемые социальным работником решения в процессе трудовой деятельности касаются не только той ситуации, с которой пришел клиент в социальную службу, а всей его жизни. Возможно, от принятого решения

будет зависеть направление, «жизненный вектор» клиента. То есть социальный работник должен осознавать ответственность не только за принимаемые решения, а и за их последствия. Так, С. Л. Рубинштейн отмечал, что рефлексия определяет нравственную позицию личности, ответственность в моральном плане за все содеянное и упущенное [8]. Рефлексия помогает понять, что почувствовал другой человек после моего поступка. Отражением рефлексивного взгляда на социальное поведение является евангельская заповедь: «Не сотвори другому того, чего себе не желаешь».

Рефлексивным можно назвать такое общение между социальным работником и клиентом по решению проблем клиента, которое характеризуется наличием следующих механизмов:

1) осуществление планирования новых способов действия на основе критического анализа предыдущих. Г. Р. Харре утверждает, что человек, обладающий рефлексией, может регулировать свои действия, вмешиваясь в самого себя как на стадии планирования действия, так и во время его осуществления. Важную роль в этом играет рефлексия прошлого опыта взаимодействия, позволяющая предпринимать шаги по изменению правил и планов, привычек и соглашений, регулирующих социальную жизнь. Рефлексия как знание о знании и действие над действием позволяет не только строить поведение, соответствующее ситуации социального взаимодействия, но изменять и развивать саму ситуацию [6, с.17].

2) осуществление сравнения эффективности нового способа действия с эффективностью предыдущего. По мнению Х. Хеккаузена, рефлексивный акт предусматривает особого рода «обратную связь», которая позволяет «до и во время действия оценивать намеченную цель с точки зрения перспектив успеха, корректировать с учетом различных норм, чувствовать себя ответственным за возможные результаты, продумывать их последствия для себя и окружающих, а также сообщать это другим людям» [11, с. 13].

Эти механизмы развивают способность адекватно оценивать себя и других; находить причины своих и чужих неудач и тем самым преодолевать их (а не сваливать все на обстоятельства); находить рациональные моменты в своей и чужой деятельности и развивать их; мыслить диалектически, охватывая противоположности в их единстве, а не впадать в крайности.

Для определения уровня развития рефлексивных способностей у студентов 4-го курса факультета социологии и социальной работы, мы использовали:

- методику диагностики уровня развития рефлексии К. Е. Данилина;
- модифицированный вариант методики определения уровня самооценки С. А. Будасси.

Результаты исследования уровня сформированности рефлексивных способностей студентов – социальных работников мы выразили в следующих таблицах.

Таблица 1.

Показатели уровня самооценки соответствия системы личностных качеств с требованиями, предъявляемыми к личности социального работника, необходимыми для успешного выполнения им профессиональной деятельности у студентов (в процентах)

Группы	Общее кол-во студентов	Уровни самооценки									
		Низкий		Ниже среднего		Средний		Выше среднего		Высокий	
		Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
СР-41, 42, 43	68 чел.	13	19	11	16	14	21	15	22	15	22

Полученные показатели свидетельствуют о том, что лишь 21 % студентов обладают оптимальным уровнем самооценки, при котором субъект правильно оценивает свои возможности и способности, достаточно критично относится к себе, стремится реально смотреть на свои успехи и неудачи, старается ставить перед собой достижимые цели. К оценке достигнутого он подходит не только со своими мерками, но старается предвидеть, как к этому отнесутся окружающие. Такая самооценка является наилучшей для конкретных условий и ситуаций профессиональной деятельности социального работника.

На уровне «ниже среднего» находится самооценка у 16 % студентов, которая, в сущности, может быть также приемлемой в условиях профессиональной деятельности социального работника, так как характеризуется заниженной оценкой реальных возможностей личности, неуверенностью в себе, критичностью по отношению к себе, тревожностью. Такие люди не ставят перед собой труднодостижимые цели, ограничиваются решением обыденных задач.

У остальных студентов (63 %) уровень самооценки не способствует продуктивной профессиональной деятельности в области социальной работы, так как у человека возникает неправильное представление о себе, идеализированный образ своей личности и способностей, своей ценности для окружающих, для общего дела. В таких случаях человек идет на игнорирование неудач ради сохранения привычной высокой оценки самого себя, своих поступков и дел. Происходит острое эмоци-

ональное «отталкивание» всего, что нарушает представление о себе, идеализированный образ «Я». Восприятие реальной действительности искажается, отношение к ней становится неадекватным.

Изучая уровень развития рефлексии у студентов с помощью методики К. Е. Данилина, мы получили следующие результаты:

Таблица 2.

Показатели уровня социально-перцептивной рефлексии и сформированности личностно-коммуникативной рефлексии у студентов (в процентах)

Группы	Общее кол-во студентов	Социально-перцептивная рефлексия						Личностно-коммуникативная рефлексия			
		Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень		Сформирована		Не сформирована	
		Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
СР-41, 42, 43	68 чел.	26	38	29	43	13	19	25	37	43	63

Полученные показатели свидетельствуют об общем низком уровне сформированности рефлексивных представлений студентов: личностно-коммуникативная рефлексия не сформирована у 63 % студентов и низкий уровень социально-перцептивной рефлексии отмечается у 38 % студентов. Но, вместе с тем показатели развитости рефлексивных представлений студентов (личностно-коммуникативная рефлексия сформирована у 37 % студентов; средний и высокий уровни социально-перцептивной рефлексии отмечаются у 62 %) свидетельствуют о наличии определённых базисных процессов в познавательной деятельности и обучении студентов и будут выступать для нас условием организации их познавательных и поведенческих стратегий.

Вышесказанное дает нам возможность утверждать, что в процессе обучения в вузе необходимо уделять особое внимание формированию рефлексивных способностей студентов как важного аспекта их будущей профессиональной деятельности.

В исследованиях отечественных ученых (В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман) были выделены условия, определяющие формирование рефлексивного анализа. Это необходимость создания системы «со-бытия» как гармоничного единства связей и отношений, как такой позиционной общности, где посредством использования механизмов эмпатии, идентификации и рефлексии достигается оптимизация взаимодействия на субъект-субъектной основе. Событийная общность, в которой студент занимает свое место,

получая опыт позитивного взаимодействия в искусственно созданной среде, помогает перенести впоследствии этот опыт в социум, построить взаимоотношающиеся, сбалансированные отношения с социумом, освоить новые способы общения и действия, обрести картину мира и себя в мире.

В своих исследованиях Е. В. Лушпаева попыталась упорядочить различные техники, приемы и операции, направленные на формирование рефлексии, выделив ряд принципов, которые необходимо учитывать при развитии рефлексивных способностей:

1) принцип полноты проявления рефлексии. Традиционно выделяют три формы ее проявления:

1. рефлексия как целостный акт;
2. рефлексия как определенная последовательность действий, операций;
3. рефлексия как специфическое действие, включенное в процесс осуществления деятельности.

2) принцип существенных условий проявления рефлексии, который фиксирует тот факт, что актуализация рефлексии осуществляется только в определенных ситуациях:

1. ситуация работы с проблемным содержанием (новые, незнакомые, неструктурированные, неопределенные, проблемно-конфликтные ситуации);
2. ситуация взаимодействия в диаде (рефлексия актуализируется при затруднениях в организации взаимодействия, в ситуациях непонимания, позиционного конфликта);
3. ситуация группового взаимодействия (рефлексия возникает при групповом решении проблем, в ситуациях коллективного взаимодействия, групповой дискуссии [6].

На основе этих двух принципов М. В. Демиденко выделил ряд методов формирования рефлексии:

1. Групповая дискуссия. Она реализуется в рамках тренинга в форме анализа конкретных ситуаций и в форме группового самоанализа (анализа процессов межличностного взаимодействия в группе) [1].

Предметом дискуссии при анализе конкретных ситуаций выступают разнообразные ситуации межличностного и делового общения, преимущественно проблемно-конфликтного типа. Анализ ситуаций в группе позволяет каждому участнику тренинга соотнести собственное видение ситуации и способов ее разрешения с мнениями других участников, которые могут противоречить его видению, при этом возникает «рефлексивный анализ не только своей точки зрения при разработке аргументации в ее защиту или осознания ее ошибочности, но и анализ позиций партнеров по обсуждению с целью их правильного понимания» [6]. Эти процессы способствуют обогащению представлений о себе самом, о собеседниках, о ситуации и возможных выходах из нее.

Предметом дискуссии в форме группового самоанализа выступают реальные ситуации, возникающие в процессе взаимодействия участников группы. Это ситуации выполнения различных заданий, обсуждение которых предъявляет высокие требования как к способностям ведущего тренинга «отслеживать» все происходящее, понимать смысл каждого действия ведущего и участников, удерживая в тоже время цели и задачи данного задания, так и к освоенности им специальных приемов, обеспечивающих «межперсональное разворачивание рефлексии». К таким приемам А. П. Зинченко относит, в частности, владение набором специальных вопросов, применение которых способствует инициации рефлексии в групповой дискуссии (например: Что мы сделали? Как мы это сделали? Почему мы это сделали? Как отнеслись к этому другие? Почему мы не можем это сделать? Чего нам не хватает? и т. д.).

Кроме того, предметом обсуждения в рамках группового анализа может быть сам процесс обсуждения – его форма; позиции участников; их коммуникативные и перцептивные умения; ценности, стоящие за высказываниями и т.д.

В этих формах работы происходит, во-первых, формирование адекватных представлений в системе «Я–Другой», то есть актуализация рефлексии ситуации межличностного взаимодействия; во-вторых, формирование представлений в системе «Я–обобщенный другой», то есть актуализация рефлексии социального взаимодействия; в-третьих, актуализация рефлексии социальной сферы, определяющее формирование позиций, отражающих взаимодействие в системе «Я–социум».

Групповая дискуссия по анализу занятия организуется в конце текущего занятия или в начале последующего. Таким образом, все участники группы постоянно включаются в рефлексивный процесс, получают представление о технике и приемах его проведения, накапливают свой собственный опыт рефлексии.

2. Сюжетно-ролевая игра. Разыгрываемые ситуации носят проблемный характер и затрагивают различные ситуации профессионального будущего. Распределение ролей осуществляется таким образом, чтобы вызвать конфликт представлений участников. Это способствует развитию необходимых профессионально значимых качеств у студентов, осознанию будущими специалистами своих возможностей, особенно в профессиональных экстремальных ситуациях. Будущему социальному работнику необходимо уяснить, как строить работу в случае, когда личностные ресурсы исчерпываются, а работа с клиентом должна продолжаться. Студенты должны четко представлять, что от их психического здоровья зависит успех профессиональной деятельности. Поэтому проблемы профессионального выгорания и профессиональной деформации необходимо осоз-

нать и начинать разрешать задолго до того, как они приведут специалиста к невозможности осуществлять свою профессиональную деятельность. В этом ключе мы подчеркиваем большое значение ролевого проигрывания ситуаций будущей профессиональной деятельности. Это даст возможность проверить эффективность взаимодействия с учетом собственных ресурсов и определить задачи личностного развития и пути их решения.

3. Технические приемы психодрамы и социодрамы: «смена ролей», «двойник», «монолог», «зеркало», «диалог с самим собой», «представление самого себя», «представление другого» и т. д.

Таким образом, применение этих методов способствует формированию системы смысложизненных ценностей студента, представлений о мире и о себе в мире; развитию профессионально важных качеств личности, умений распознавать восприятие себя другими людьми, отображать внутренний мир других людей.

Библиографический список

1. Давыдов В. В., Зак А. З. Уровень планирования как условие рефлексии // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд-е, 1987. – С. 31-40.

2. Данилин К. Е. Аутосоциометрическая методика // Социально-психологический климат коллектива. Спецпрактикум по социальной психологии. – М.: изд-во Моск. Ун-та, 1981. – С. 31-40.

3. Данилин К.Е. Формирование внутригрупповых установок и рефлексивной структуры группы // Межличностное восприятие в группе. – М.: изд-во Моск. Ун-та, 1981. – С. 124–152.

4. Данилин К. Е. Восприятие межличностных предпочтений в малой группе // Общение и оптимизация совместной деятельности. – М.: изд-во Моск. Ун-та, 1987. – С. 166-177.

5. Демиденко М. В. Социально-личностная рефлексия как средство социализации в старшем школьном возрасте // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Материалы. (Москва, 12-14 апреля, 2001г.); Под ред. В. И.Панова. – М. – Самара: Изд-во МГПИ, 2001. – С. 36-43.

6. Демиденко М. В. Психология рефлексии. Учебно-методическое пособие. – Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2004. – 102 с.

7. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М.: Педагогика, 1986. 143 с.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – С. 253–410.

9. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии // Исследование проблем психологии творчества. – М.: Наука, 1983. – С. 154–182.

10. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности // Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С.35–42.

11. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – 408 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В. А. Долотов

Отделение ПФР по Пензенской области

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ (ПОДГОТОВКА ОБЩЕСТВА К РЕФОРМЕ)

Проблема информационного обеспечения пенсионной реформы на первый взгляд узка, но на самом деле чрезвычайно объёмна по содержанию и чрезвычайно важна по значению. Рассматривать проблему информированности населения страны о пенсионной реформе в чистом виде без учета трансформации экономических отношений в стране нецелесообразно и неправильно, так как такой подход будет в большей степени чисто теоретическим, чем практическим, не учитывающим реальные условия.

Россия движется по рыночному пути. Фактически уже сейчас преобразования охватили все сферы жизнедеятельности нашего общества: экономическую, политическую, социальную, культурную.

С 2002 года отрабатываются новые формы и механизмы обеспечения социальной стабильности в обществе, одной из основных составляющих которой является реформируемая пенсионная система.

Рыночные отношения ставят перед пенсионной системой принципиальные вопросы: каким должно быть оптимальное соотношение в пенсионном обеспечении государственного и негосударственного, рыночного и нерыночного, распределительного и накопительного, обязательного и добровольного уровней, чтобы обеспечить достойный размер пенсии населению страны. Определённые ответы на эти вопросы содержат новые пенсионные законы (№№ 166-ФЗ, 167-ФЗ, 173-ФЗ).

Успех пенсионной реформы, как и в целом всех рыночных реформ, зависит от того, как глубоко проникло рыночное сознание в общество, насколько рыночным стало государство и социальная сфера, и какие реальные позитивные изменения или ожидания стали следствием проводимых реформ.

В свою очередь показатели рыночного сознания выступают или являются пониманием конкретным человеком своего принципиально нового положения в обществе, которое заключается не в его пассивном ожидании помощи от государства, как это было раньше, хотя в определённых жизненных ситуациях она не только нужна, но и обязательна, а в активном стремлении добиться лучшего, более высокого качества

жизни. С одной стороны, успех реформ, в том числе и пенсионной, зависит от того, как подготовлено общество, какими знаниями о целях, характере и возможностях реформ оно обладает, как эта реформа отражается на личной жизни гражданина.

С другой стороны, успех пенсионной реформы зависит от того, как правильно население страны и каждый гражданин пользуются теми новыми возможностями, которые предоставляет новое пенсионное законодательство.

Другими словами, говоря об успехе реформы, выделяем два обязательных условия, одним из которых является знание и понимание возможностей реформы, а вторым условием является активное использование в жизни этих знаний.

Вполне очевидно, что в случае невыполнения хотя бы одного условия говорить об успехе реформы не приходится.

Но, рассматривая вопросы подготовки общества к реализации пенсионной реформы, эту подготовку нельзя отрывать от решения более широкого и более высокого круга задач, связанных с необходимостью развития в рыночных условиях так называемого «человеческого капитала», потенциал которого является главным богатством и главной движущей силой в развитии общества.

Концепция «человеческого капитала» была обоснована в середине XX столетия в работах Т. Шульца и Г. Беккера, как единство знаний и квалификации, одновременно выполняющее функции «средства производства» и «предмета длительного пользования».

Согласно данному подходу, затраты индивида на поддержание своего здоровья, приобретение профессиональных навыков, образование или другие изменения в статусе и жизни выступают в качестве инвестиций, которые в будущем должны приносить определённый доход, не только компенсирующий вложение средств, но и превышающий их.

По мнению Г. Беккера – одного из авторов концепции, люди, прежде чем выбрать определённую линию поведения, поступить так или иначе, как правило оценивают насколько выгоден или невыгоден будет именно этот вариант поведения. Причем такой подход относится к совершенно разным сферам человеческих поступков и решений, в том числе и в сфере пенсионного обеспечения, где человеку необходимо принимать решение или по выбору управляющей компании (УК) или негосударственного пенсионного фонда (НПФ) для капитализации своей накопительной части пенсии, либо оценивая свой пенсионный капитал, принимать решение о том, соглашаться дальше или нет на выплату части заработной платы в конверте и т. д. То есть речь идёт о том, чтобы предоставить человеку возможность выбора, но при этом учитывать то обстоятельство, что человек прежде должен быть подготовлен и должен стремиться к выбору.

Рассматривая концепцию человеческого капитала применительно к пенсионному обеспечению, важно, с одной стороны, определить «базовый уровень знаний», который должен гарантировать понимание целей и задач реформы, позволять сделать осознанный выбор гражданину в необходимых случаях, а с другой стороны – определить распределение обязательств по подготовке граждан, развитию человеческого капитала между федеральным, региональным, и местным уровнями власти и бизнес-сообществом.

Говоря о базовом уровне знаний, мы должны понимать определённые особенности положения людей как субъектов системы пенсионного обеспечения, причем системы динамичной, в которой субъекты на протяжении всей жизни не остаются неизменными, приобретают новое качество, для которого характерен и новый базовый уровень знаний.

Так, например, для вчерашнего школьника, начавшего свою трудовую жизнь в качестве наемного работника, необходим один уровень знаний, который касается только его статуса, для индивидуального предпринимателя, а это уже другой статус, необходим новый уровень знаний, для работодателей, имеющих наёмных работников, необходимы дополнительные знания, которые имеют отношения уже к их статусу как работодателей.

Как правило, на протяжении своей жизни человек несколько раз меняет свой статус, поэтому и уровень необходимых знаний должен поддерживаться регулярно, системно, учитывая также и то, что пенсионное право постоянно уточняется, актуализируется, а это в свою очередь меняет права, обязанности и возможности субъектов пенсионной системы.

Это необходимо ещё и потому, что именно население является носителем интеллектуального потенциала общества, а именно интеллект нации, интегрирующий интеллекты отдельных личностей, становится реальным источником и определяющим фактором прогрессивных тенденций.

Человеческий капитал применительно к пенсионной системе можно рассматривать с двух сторон: количественной и качественной.

Действительно, для действующей распределительной пенсионной системы имеет принципиально важное значение количественные характеристики как работающих, так и пенсионеров, и этим вопросам в последнее время уделяется значительное внимание. Достаточно упоминания о введении с 1 января 2007 года Федерального Закона о материнском (семейном) капитале для повышения уровня рождаемости и демографического развития России, что для пенсионной системы должно способствовать изменению неблагоприятной тенденции в соотношении работающих и пенсионеров.

На эти же цели, улучшение демографического состояния России, направлены меры по повышению уровня здравоохранения и, в частности, национальный проект «Здравоохранение».

В то же время на вторую сторону «человеческого капитала» – качественную, внимания уделяется явно недостаточно, хотя роль качественных параметров общества в современных условиях неизмеримо возрастает. Об этом свидетельствуют и многочисленные факты нерационального использования человеческим капиталом возможностей действующего пенсионного законодательства, значительные объемы потерянных пенсионных прав, оценивание своих пенсионных прав на основе устаревшего дореформенного пенсионного законодательства.

Эти и многие другие примеры говорят о том, что образование и подготовка населения пока ещё не стала базовым фактором развития рыночных отношений в обществе и, в частности, в сфере пенсионного обеспечения.

Очевидно, что с развитием общества должно происходить и человеческое развитие.

И в этой связи важное значение имеет распределение обязанностей между различными уровнями власти: федеральным, региональным, муниципальным и бизнесом по развитию человеческого капитала, подготовке его к восприятию реформ на основе рыночных отношений.

Представляется обоснованным положение о том, что распределение обязанностей по развитию человеческого потенциала должно устанавливаться на федеральном уровне для обеспечения базового уровня знаний по обязательному пенсионному страхованию в Российской Федерации.

Использование действующей системы образования в Российской Федерации для базовой подготовки в вопросах пенсионного обеспечения учащейся молодежи и студентов вполне возможно путем введения соответствующих федеральных стандартов образования независимо от будущей специальности или профессии. В первую очередь это касается системы высшего образования, так как считать такое образование высшим можно только в том случае, если оно действительно дает те знания, которые обязательно будут нужны молодому человеку. Если же студент окончил ВУЗ, а не знает что и как нужно делать в вопросах своего будущего пенсионного обеспечения, то такое образование высшим считать нельзя. Получается, что в настоящее время российские ВУЗы с точки зрения пенсионной реформы не готовят в этих вопросах студентов, и в какой-то степени дают образование, которое является суммой быстро устаревающих знаний.

В то же время рыночные отношения в обществе, действие пенсионной системы в этих условиях требуют подготовки людей, в первую очередь молодых, ориентированных на восприятие нового, на умение практически доводить и использовать это новое до логического, оптимального завершения.

Если говорить о пенсионном обеспечении, то этим новым является умение пользоваться накопительной частью своей будущей пенсии, оптималь-

ным выбором негосударственных пенсионных фондов (НПФ) для дополнительного пенсионного обеспечения своей старости, умение просчитывать и формировать свой пенсионный капитал и свою будущую трудовую пенсию.

Подготовка и образование являются в любой стране стратегической задачей, поэтому и решаться она должна на федеральном уровне.

Существенным недостатком проводимой пенсионной реформы является то, что её реализация в определяющей мере носит ведомственный характер, и поэтому система образования и подготовки кадров РФ оказалась в стороне от этого процесса. Более того, руководство Агентства по образованию РФ в ответ на обращение Законодательного Собрания Пензенской области о необходимости введения федеральных стандартов по базовому уровню знаний о проводимой пенсионной реформе ответило, что это не является компетенцией Агентства и что это дело субъекта РФ и должно решаться в рамках регионального образовательного компонента.

Такой подход федерального ведомства свидетельствует, во-первых, о непонимании своей роли в развитии человеческого потенциала руководящим образовательным учреждением страны, а во-вторых, свидетельствует о неправильном подходе к организации реформирования одной из важнейших социальных сфер государства – пенсионного обеспечения, а именно разорванности практических действий от разъяснительной и подготовительной работы, которую, по убеждению автора, должны вести не только работники Пенсионного фонда РФ, а вся система обучения и информирования страны.

В то же время своя роль в подготовке населения к реформе принадлежит и региональному уровню.

Во-первых, на региональном уровне осуществляется вся практическая работа и контроль по доведению базового уровня знаний населению регионов.

А во-вторых, кроме базовой пенсионной подготовки на региональном уровне целесообразно доводить региональные особенности, влияющие на уровень пенсионного обеспечения.

Например, для районов Крайнего Севера (КС) и местностей приравненных к ним (МКС), по мнению автора, необходимы более глубокие знания населением особенностей пенсионного законодательства, касающиеся этих регионов, таких как увеличенное предельное соотношение по заработной плате, возможность получения досрочной пенсии и других.

Для регионов, связанных с добычей и переработкой полезных ископаемых, химической переработкой, имеющих значительное количество опасных, тяжелых и вредных производств и рабочих мест, региональный образовательный компонент должен включать изучение оснований, дающих право на получение досрочных пенсий в соответствии со списками 1 и 2.

Представляется, что в региональном образовательном компоненте должны рассматриваться и вопросы дополнительного пенсионного обеспечения через НПФ к обязательному пенсионному страхованию, особенности которых в разных регионах различные. И реальные возможности дополнительного пенсионного обеспечения в регионах население должно знать с целью практической реализации.

Подобным образом должна строиться работа и на муниципальном уровне. Особенностью этого уровня является то, что, как правило, в муниципалитетах нет высших учебных заведений, а преобладают профессиональные и общеобразовательные учебные заведения, и задачей муниципалитетов должна быть подготовка выпускников этих заведений к трудовой жизни с позиций в том числе и пенсионного обеспечения, то есть повышение уровня человеческого потенциала.

Рассматривая распределение обязанностей по подготовке населения к пенсионной реформе, необходимо отметить и роль бизнеса в этом вопросе, которая сформулирована в определении социальной ответственности бизнеса.

Вопрос о социальной ответственности бизнеса впервые вынес на суд общественности руководитель «ЮС стил корпорейшн» Э. Карнеги в своей книге «Евангелие богатства» в 1899 году, позиция которого основывалась на двух принципах: благотворительность и эффективность управления собственностью.

Карнеги считал, что богатые владеют своими деньгами «по доверенности» общества. Следовательно, они должны их использовать в интересах общества, для приумножения общественного богатства путем расчетливого вложения ресурсов. В 1936 году Роберт Вуд, глава крупной торговой компании США «Сирс», в годовом отчете своей компании отметил «широкую социальную ответственность, которая имеет первостепенное значение».

В то же время такой подход разделяют не все. Так, Милтон Фридмен, лидер современной неоклассической доктрины, считает, что существует только одна социальная ответственность бизнеса: «использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли».

По мнению Фридмена, необходимо сокращение государственных и частных социальных программ, люди должны принимать собственные экономические решения без государственного контроля и поддержки.

С этим, конечно же, нельзя согласиться. В России в 90-х годах прошлого века практическая реализация этого направления привела социальную инфраструктуру к краху, но и бизнес, освободившись от социальной инфраструктуры, не стал эффективнее.

Давайте представим себе, как без государственного контроля в РФ возможна работа негосударственных пенсионных структур: НПФ и УК.

Подобное в Российской истории уже также было (Гималаи, Тибеты, Русский дом-Селенга и другие), и это было как раз следствием реализации идей Фридмена в России.

Поэтому автор поддерживает тех представителей бизнеса, которые считают, что и государство и бизнес в одинаковой мере несут ответственность за свои действия перед обществом.

Рассматривая вопросы пенсионного обеспечения, автор выделяет роль бизнеса, основанную на трёх критериях. Первый – это безусловное выполнение действующих норм по пенсионному страхованию наемного персонала, второй – это дополнительное пенсионное обеспечение персонала через негосударственный пенсионный сектор (НПФ). И третий критерий – это развитие человеческого капитала, путем подготовки и переподготовки кадров как в профессиональной сфере, так и в вопросах пенсионного обеспечения.

Рассматривая третий критерий, надо иметь в виду, что прошедшие изменения экономических отношений в стране, направления рыночного развития, разрушили действующую ранее государственную систему профессиональной подготовки и переподготовки кадров (и в первую очередь руководящих кадров). Но необходимость развития человеческого потенциала требует наличия такой системы на новых рыночных условиях, а это уже как раз задача бизнеса, который определяет, сколько людей и каких профессий надо подготовить, но не переменным условием должно являться также пенсионное обучение каждого человека. Говоря о роли бизнеса в информации населения о пенсионной реформе, необходимо выделить отдельно роль негосударственных пенсионных фондов и управляющих компаний, которые до настоящего времени никак не проявили себя.

Между тем от их конкретной работы по информированию граждан РФ зависят решения о направлении пенсионных накоплений либо в государственную управляющую компанию (Внешэкономбанка), либо в частные пенсионные структуры (НПФ и УК).

К сожалению, большинство НПФ и УК не проводят достаточную информационно-разъяснительную работу, надеясь, что её будет осуществлять государство. Так, по мнению некоторых представителей бизнеса, государство должно организовать консультационные пункты, в частности, в отделениях Сбербанка с бесплатной раздачей справочной информации (листочки, книжки, сувениры) и организацией бесплатных консультаций.

Налицо подход, при котором некоторые представители бизнеса, не учитывая реальности рыночных отношений в обществе, пытаются переложить на государство решение собственных задач. Получается, что прибыль от использования накопительной части трудовых пенсий будет получать НПФ или УК, а вот заинтересовывать людей в передаче

средств в НПФ и УК почему-то должно государство, за счет государственных средств.

Такой подход представляется необъективным и нереальным в настоящее время.

По мнению автора, как раз в основном НПФ и УК должны разъяснять людям, что направление накопительных средств или дополнительное страхование граждан в НПФ – это инвестиции в будущее человека, это дополнительные возможности материального улучшения человека в старости и лучше, чем НПФ или УК с конкретными примерами этого никто не сделает.

Кроме рассмотренных выше целей информационного обеспечения есть ещё два аспекта реформы, которые зависят от информирования населения об основах пенсионной реформы. Первый – это обеспечение доверия населения страны к проводимой пенсионной реформе, а второй – это основанное на доверии к власти и бизнесу преодоление социально-экономической инерции в реализации пенсионной реформы и обеспечение необходимой активности в практической реализации реформы, в первую очередь, у наиболее массового субъекта системы – населения.

Вполне очевидно, что для реализации любой реформы, в том числе и пенсионной, усилий только государственных органов недостаточно, а необходимо ещё и активное участие всего взрослого населения страны. Но положительный результат зависит от того, как население поддерживает принимаемые государственные решения, и поэтому одной из главных задач государственного управления является всемерное укрепление доверия к положительной оценке населением принимаемых решений, в частности, по пенсионной реформе.

Тема доверия становится в последнее время всё более актуальной и многие авторы (И. Николаев, С. Ефимов, Е. Марушкина, В. Новосельский) рассматривают доверие как фактор экономического развития и необходимое условие экономического процветания.

Являясь неотъемлемой частью жизни общества, доверие проявляется во всех сферах и играет значительную роль в экономических отношениях. В не меньшей степени доверие необходимо и действующей системе пенсионного обеспечения, причем в последнее время проблема доверия стала еще более актуальной и в большей степени оказывает влияние на продвижение пенсионной реформы и экономическое развитие страны.

По определению, данному в работе И. Николаева и др., «доверие – это количественная динамическая характеристика взаимоотношений различных экономических субъектов, которые основаны на выгоды экономических результатов взаимодействия, на уверенности в добросовестности (лояльности, искренности в отношении друг друга)». В пенсионной системе, как в любой другой экономической системе, доверие

является категорией многоаспектной, зависящей от отношений между всеми субъектами пенсионной системы.

Однако на первом плане важно доверие населения к власти, к государству, которое зависит не только от принимаемых властными структурами решений, но и от того, как государство объяснило эти решения народу, как обосновало выгодность и привлекательность этих, в частности, пенсионных решений, и как довело эти обоснования до большинства населения (взрослой части населения).

Большинство населения в пенсионных вопросах отождествляет государство с Пенсионным фондом РФ, поэтому в определенной мере доверие к Пенсионному фонду РФ можно с некоторой натяжкой считать как доверие к государству.

В не меньшей степени для реализации пенсионной реформы важно доверие населения к бизнесу и доверие бизнеса к власти.

Причем и доверие населения к бизнесу, и доверие бизнеса к власти, как и доверие населения к власти в целом, формируется не только на принятых властью решениях, а и в значительной степени на объективной, достоверной информации о государственных решениях, об их потенциале для бизнеса и населения, уровне проводимой социальной политики бизнеса.

На практике элемент доверия населения, в частности по накопительной части пенсии, к власти, к государству значительно выше, чем к бизнесу, что проявилось в том, что абсолютное большинство застрахованных лиц оставили свои пенсионные накопления в государственной управляющей компании (Внешэкономбанк).

Такое положение противоречит экономическим интересам и застрахованных лиц, и государства, и бизнеса и является следствием низкого доверия к частному сектору пенсионных услуг, к бизнесу из-за недостаточной информированности населения бизнесом, в то время как результаты работы негосударственного пенсионного сектора (большинства НПФ и УК) значительно выше, чем государственного.

Рассматривая второй аспект информирования населения, важно отметить необходимость преодоления стереотипов поведения населения страны в системе пенсионного обеспечения. Как уже отмечалось выше, в действующей системе пенсионного обеспечения, изменилась роль застрахованного лица, который стал активным участником пенсионной системы и получил право выбора на формирование своего пенсионного капитала.

Отсюда и необходимость информирования каждого гражданина и в целом населения страны для изменения психологии поведения гражданина, изменения инерционных процессов, присутствующих в сознании людей и основанных на устаревших пенсионных нормах.

В частности, на практике социально-экономическая инерция проявляется в стремлении увеличить трудовой стаж после 2002 года, в то время как трудовой стаж с этого периода не играет никакой роли для размера пенсий, а основное значение имеет сумма уплаченных страховых взносов в ПФР.

Информационная работа, направленная на изменение мышления в вопросах пенсионного обеспечения чрезвычайно важна и актуальна еще и потому, что высока инерционность в социальных процессах.

По мнению Т. И. Засловской «... механизмы социальных процессов... отличаются высокой инерционностью, так как содержат прошлое и настоящее...».

Подробное утверждение высказывает и К. Павлов: «... действительно в социальной сфере инерционность проявляется более сложно, чем в физическом мире...».

Рассматривая работу по информированию граждан о пенсионном обеспечении в стране как одно из направлений, непрерывно связанное с развитием человеческого капитала, как подсистему развития человеческого капитала, автор считает, что данная работа должна строиться на определенных принципах.

В первую очередь, должна быть системность в подготовке людей, о которой изложено выше. Системная подготовка дает более прочные знания, чем разовые формы доведения информации.

Важное значение имеет периодичность доведения необходимого объема знаний о пенсионном обеспечении, которая позволяет актуализировать объем доведенной информации, поддерживать население в реальном объеме знаний.

Должна быть дифференцированность информирования в зависимости от подготовки каждого человека и от уровня образования.

В обязательном порядке пенсионный всеобуч должен присутствовать на всех уровнях образования, во всех формах образования, независимо от того государственное оно или частное, включая профессиональную подготовку и переподготовку кадров.

Учитывая, что управленческие решения, в том числе и по пенсионному обеспечению, принимают руководители всех уровней и направлений бизнеса, очень важно, чтобы именно первые руководители прошли обучение по пенсионному всеобучу.

Задачей пенсионного всеобуча во всех формах является доведение базового уровня пенсионного образования, позволяющего человеку понимать возможности системы и принимать наиболее выгодные оптимальные решения.

В качестве финансового источника должны выступать средства государства, направленные в государственную систему образования и средства бизнеса на профессиональную подготовку и переподготовку

персонала. Это одно из реальных направлений реализации партнерских отношений государства и бизнеса в решении социальных задач общества, определенных приоритетами Конституции РФ.

Библиографический список

1. Федеральный закон № 166-ФЗ от 15 декабря 2001 года «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».
2. Федеральный закон № 167-ФЗ от 15 декабря 2001 года «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».
3. Федеральный закон № 173-ФЗ от 17 декабря 2001 года «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».
4. Римашевская Н. М. Человеческий потенциал России и проблемы сбережения населения // Российский экономический журнал. – 2004. – № 9–10, С. 22.
5. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29. 12. 2006 г. № 256-ФЗ.
6. Малинин Е. Д. «О социальной ответственности предпринимателей». // ЭКО.-2000.–№ 11. С. 160– 162.
7. Ланина Ю. Как разговорить молчунов // Пенсионные фонды и инвестиции – 2004. – № 3 (15). С. 89–90.
8. Николаев И., Ефимов С., Марушкина Е. Доверие как экономическая категория // Общество и экономика. – 2006. – № 1. – С. 75– 104.
9. Новосельский В. Социальный фактор преобразований // Экономист 2006. – № 10. С. 11–18.
10. Заславская Т. И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 3–16.
11. Павлов К. Инерционность социально-экономических систем // Общество и экономика. – 2001. – № 10. С. 73–83.

М. Н. Полежаева

Всероссийский центр уровня жизни, Москва

ПРОБЛЕМЫ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ

Функционирование системы обязательного пенсионного страхования базируется на реализации страховых принципов, как общих для всех видов социального страхования, так и специфических, применимых только к пенсионному обеспечению. К числу таких принципов относятся:

- устойчивость финансовой системы обязательного пенсионного страхования, достигаемая за счет эквивалентности страхового обеспечения и страховых взносов;
- всеобщий обязательный характер социального страхования, доступность для застрахованных лиц реализации своих социальных гарантий;

- государственная гарантия соблюдения прав застрахованных лиц на защиту от социальных страховых рисков и исполнение договоренностей по обязательному социальному страхованию независимо от финансового положения страховщика;
- государственное регулирование системы обязательного социального страхования;
- паритетность участия представителей субъектов обязательного социального страхования в органах управления системы обязательного социального страхования;
- обязательность уплаты страхователями страховых взносов в бюджеты фондов конкретных видов обязательного социального страхования;
- ответственность за целевое использование средств обязательного социального страхования;
- обеспечение надзора и общественного контроля;
- автономность финансовой системы обязательного социального страхования.

Нарушение либо не выполнение указанных принципов при формировании основ пенсионной системы приводит к финансовой дестабилизации обязательного пенсионного страхования, в результате чего усложняется задача обеспечения сбалансированности доходов и расходов пенсионной системы.

В СССР отчисления на государственное социальное страхование, в том числе на работающих пенсионеров, производились дифференцировано, исходя из отраслевого принципа, в диапазоне от 4,4 до 14 процентов к заработной плате.

В 1991 году тарифная политика изменилась. С образованием 22 декабря 1990 года Пенсионного фонда Российской Федерации создана пенсионная система, обособленная от государственного бюджета с собственными финансовыми ресурсами.

Независимо от формы собственности и отраслевой принадлежности все хозяйствующие субъекты стали уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование по единому тарифу. Одновременно впервые страховой взнос был установлен для каждого работающего физического лица.

Возникшие в связи с этим правоотношения между Пенсионным фондом Российской Федерации и плательщиками страховых взносов до 1 января 2001 года регулировались отдельными нормативными актами. В частности, согласно «Временному положению о Пенсионном фонде РСФСР и порядку уплаты страховых взносов предприятиями, организациями и гражданами в Пенсионный фонд РСФСР», утвержденному Постановлением Верховного Совета РСФСР от 30.01.1991 года № 556-1, предприятия и организации, находящиеся на территории РСФСР, были обязаны вносить

в Пенсионный фонд РСФСР страховые взносы в размере 20,6 процентов по отношению к начисленной оплате труда; граждане, занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью, в том числе фермеры, – в размере пяти процентов их дохода; работающие граждане – в размере одного процента заработка. С суммы авторского гонорара предприятия и организации стали уплачивать страховые взносы в размере 26 процентов.

Произошедшие впоследствии изменения в политической и экономической жизни страны потребовали в 1992 году корректировки тарифной политики. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 2122-1 был утвержден «Порядок уплаты страховых взносов работодателями и гражданами в Пенсионный фонд Российской Федерации (России)», поскольку возникла необходимость увеличения тарифа до 31,6 процента, за исключением организаций, относящихся к сельскому хозяйству, у которых размер страхового взноса не изменился. Для сельхозпроизводителя страховой тариф был сохранен на уровне 20,6 процентов, и, как следствие, остались повышенные пенсионные обязательства государства к сельскому населению. Иначе говоря, в бюджете Фонда происходило внутреннее перераспределение доходов в пользу работающих в аграрном секторе экономики для обеспечения единых норм пенсионного содержания граждан независимо от произведенных отчислений на эти цели. Кроме того, дополнительно был установлен страховой взнос для граждан, использующих труд наемных работников в личном хозяйстве также в размере 31,6 процентов от дохода.

Увеличение тарифа позволило адаптировать обязательное пенсионное страхование под развивающиеся в стране условия рыночной экономики, частично решить задачу по созданию устойчивой финансовой системы обязательного пенсионного страхования и смягчить падение уровня жизни нетрудоспособных членов общества.

Однако уже на следующий, 1993 год, постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 09.07.1993 года № 5357-1 «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации и Государственный фонд занятости населения Российской Федерации на второе полугодие 1993 года» тариф для работодателей – предприятий, учреждений и организаций, а также для граждан, использующих труд наемных работников в личном хозяйстве, был снижен до 28 процентов.

Основной причиной, побудившей законодателей пойти на такие действия, явился поиск дополнительных средств для образования нового страхового института в виде социального страхования, обязательного медицинского страхования и фонда занятости населения. Без детальной проработки и проведения актуарных расчетов страховой тариф:

– 5,4 процента были направлены в Фонд социального страхования Российской Федерации;

– 3,6 процента были направлены в фонд обязательного медицинского страхования;

– 2 процента (в 1996 году этот страховой тариф был снижен до 1,5 процентов) – в Государственный фонд занятости населения Российской Федерации.

Кроме того, общественные организации инвалидов и пенсионеров, а также религиозные объединения, находящиеся в собственности этих организаций предприятия, объединения и учреждения, созданные для осуществления уставных целей, были освобождены от уплаты страховых взносов.

Тем самым расширились повышенные пенсионные обязательства государства: наряду с сельхозпроизводителями, льготы по уплате страховых тарифов были предоставлены организациям инвалидов и религиозных объединений, а с 1996 года освобождение от уплаты страховых взносов было предусмотрено и для ряда министерств и ведомств Российской Федерации по денежному довольствию военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и федеральных органов налоговой полиции.

Начиная с 1999 года была предпринята попытка частичной корректировки тарифной политики. А именно:

– увеличен страховой тариф для индивидуальных предпринимателей, частных детективов и нотариусов, а также для крестьянских (фермерских) хозяйств до 20,6 процентов (ранее 5 %).

– конкретизирован перечень организаций инвалидов (а также отдельных категорий инвалидов) и пенсионеров, которые освобождаются от уплаты страховых взносов;

– введен дополнительный тариф страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации для работодателей – организаций, использующих труд членов летных экипажей воздушных судов гражданской авиации, в размере 14 процентов сверх предусмотренного основного тарифа страховых взносов, что позволило обеспечить более высокий уровень пенсионных прав для лиц, относящихся к членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации.

Однако данный шаг не решил проблемы по обязательному пенсионному страхованию для других категорий пенсионеров

Несмотря на отсутствие в стране финансовой устойчивости и экономической стабильности вплоть до 2001 года тарифная политика пенсионного страхования не проводилась, т. е. до введения единого социального налога в 2001 году страховой тариф был неизменен – 28 процентов.

Наряду с неизменной тарифной политикой в середине 90-х годов проявляется проблема, связанная с неплатежами страховых взносов в

бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации либо несвоевременной их уплатой. Следует отметить, что действующее в то время трудовое законодательство не связывало уплату страховых взносов в систему обязательного пенсионного страхования с правом работающих на государственное пенсионное обеспечение. Отсутствие обязательств страхователя перед страховщиком при выполнении последних своих обязательств при наступлении страхового случая нарушало основной принцип страхования и приводило к разбалансированности финансовой системы Пенсионного фонда Российской Федерации и, в конечном счете, к ее дефициту.

Неуплаченная сумма начисленных страховых взносов, именуемая просроченной задолженностью, начала расти с 1993 года, и к 2001 году достигла 187,7 млрд рублей (рис. 1).

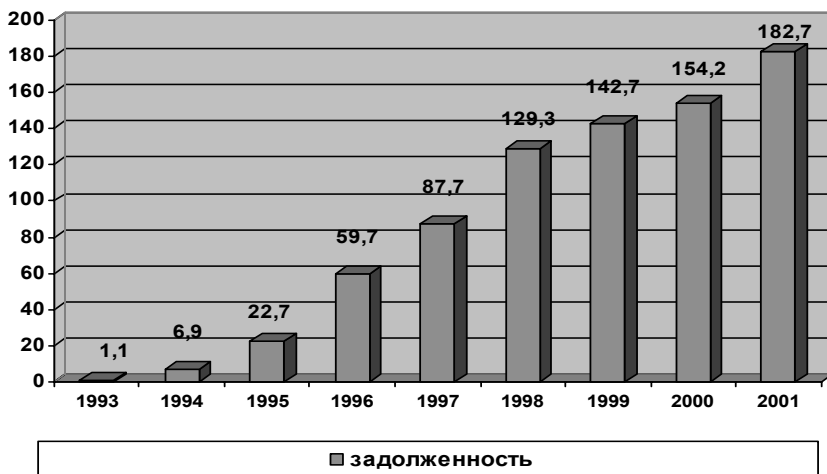


Рис. 1. Рост просроченной задолженности по страховым взносам по Российской Федерации (по данным ПФР)

Как видно из рисунка 1, просроченная задолженность выросла в 166 раз за 8 лет. При этом увеличилась и сумма задолженности в Пенсионный фонд Российской Федерации по пеням и штрафным санкциям, которая по состоянию на 1 января 2001 года достигла суммы 341,2 млрд руб. Таким образом, общая суммы недоимки составила 523,9 млрд руб. Справочно следует отметить, что в соответствии с федеральными законами о бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2001 год расходы его были утверждены в сумме 504,9 млрд руб., т.е. меньше на 19 млрд руб., чем общая задолженность страхователей.

В результате невыполнения страхователями своих обязательств начались сбои по выплате пенсий. В 1998 году задержка выплаты пенсий имела места в 73 из 89 регионах страны и составляла она от 1 до 6 дней.

Для обеспечения своевременной выплаты государственных пенсий принимается ряд Указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации, что позволило незначительно снизить темпы роста просроченной задолженности по Российской Федерации в целом.

Задолженность плательщиков, как юридических, так и физических лиц, возникли по целому комплексу причин. В основном они сводились либо к сознательному уклонению от уплаты страховых взносов (по обоюдному согласию работодателей и наемных работников), либо к финансовой несостоятельности организации, не имеющей возможности выплатить заработную плату своим работникам. Начисленная заработная плата наемному работнику и отчисления по подоходному налогу и страховым взносам не всегда имели реальное подтверждение действиями в виде фактической выплаты заработка и соответствующих произведенных отчислений. В результате нового явления для российской экономики возникла большая разница между начисленной заработной платой и фактически выплаченной заработной платой.

Так, по данным Пенсионного фонда Российской Федерации, размер начисленной заработной платы по стране на конец 1997 года составил 1010 руб., при фактически сложившемся размере 760 руб. (рис. 2).

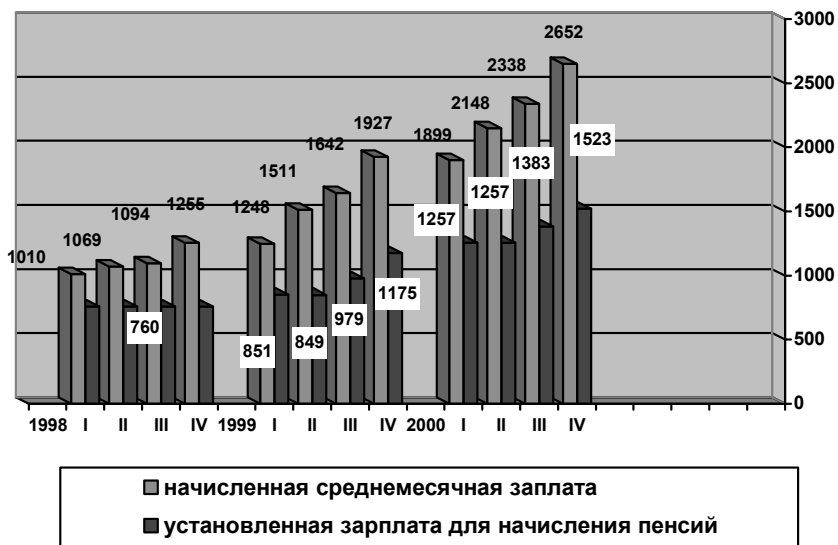


Рис. 2. Динамика начисленной и установленной для начисления пенсий заработной платы, предшествующей началу пенсионной реформы

Рисунок 2 показывает, что в дальнейшем разрыв между начисленной и установленной для начисления пенсий заработной платой увеличи-

вается. Величина выплаченной среднемесячной заработной платы для начисления пенсий рассчитывается исходя из сумм страховых взносов, фактически поступивших в систему обязательного пенсионного страхования. Вместе с тем при планировании доходной части бюджета Фонда в расчет принимается динамика по начисленной зарплате и тем самым завышаются его потенциальные возможности и обязательства (таблица 1).

Таблица 1.
Динамика размеров среднемесячных заработных плат
(на конец года, в рублях)

	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Начисленная зарплата	1010	1255	1899	2652	3520
Фактически выплаченная зарплата	760	851	1257	1523	1671
Соотношение фактически выплаченной зарплаты к начисленной (в %)	75,2	67,8	66,2	57,4	47,5

Одновременно с этим действующая пенсионная система базировалась на многочисленных льготах, не подтвержденных страховыми принципами (учет в общий трудовой стаж «нестраховых» периодов работы, наличие различных повышений и надбавок, зависимость размера пенсии от начисленной заработной платы и т. п.)

Таким образом, проводя анализ тарифной политики 90-х годов можно сделать вывод о том, что игнорирование при формировании основ пенсионной системой ряда базовых принципов обязательного пенсионного страхования привело к углублению финансового кризиса пенсионной системы, который проявлялся в значительном расширении расходной части бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации и резком сокращении доходной его части.

В 2001 году была изменена тарифная политика обязательного пенсионного страхования:

- с 1 января 2001 года была введена в действие глава 24 части второй Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которой вместо страховых взносов в Пенсионный фонд РФ был предусмотрен единый социальный налог (далее ЕСН), уплачиваемый в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации по установленной налоговой ставке. Данный налог был предназначен «для мобилизации средств для реализации права граждан на государственное пенсионное и социальное обеспечение (страхование) и медицинскую помощь»;

- изменились ставки налога и налоговая база на каждого отдельного работника;

– была введена регрессивная шкала ставки налога, устанавливаемая на доход нарастающим итогом с начала года: до 100000 руб. – 28 процентов; от 100001 руб. до 300000 руб. – 15,8 процентов; от 300001 руб. до 600000 руб. – 7,9 процентов; свыше 600000 руб. – 2 процента;

– упразднен взимаемый с физического лица на обязательное пенсионное страхование страховой взнос в размере 1 процента заработка;

– отменена прогрессивная шкала подоходного налога на доходы с физических лиц, вместо нее установлен единый размер 13 процентов.

Все это должно было бы способствовать улучшению экономической ситуации в стране и снижению налогового бремени на юридических и физических налогоплательщиков. Однако данная мера не привела к ожидаемому результату:

– для малообеспеченных налоговая нагрузка осталась неизменной – 13 процентов подоходный налог вместо ранее установленных 12 процентов подоходного налога и 1 процента на обязательное пенсионное страхование;

– для обеспеченных предполагалось, что введение регрессивной шкалы ЕСН и снижение подоходного налога с 35 процентов до 13 процентов позволит увеличить оплату труда, «вывести из тени» высокие заработные платы, погасить различного рода задолженности перед бюджетами. К сожалению, данная практика налоговый уступок дала отрицательный результат.

С 1 января 2002 года в соответствии с Федеральными законами от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и от 17.12.2001 г. №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» устанавливается новая структура трудовых пенсий. Федеральным Законом № 167-ФЗ и новой редакцией главы 24 части второй Налогового Кодекса Российской Федерации вновь вводятся страховые взносы на обязательное пенсионное страхование. При этом тариф страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации установлен Федеральным законом от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» отдельно для финансирования страховой части трудовой пенсии и для финансирования накопительной части трудовой пенсии в зависимости от возрастного ценза.

Объектом обложения страховыми взносами и базой для начисления страховых взносов стали объект налогообложения и база по единому социальному налогу. Льготы, установленные по единому социальному налогу, не распространялись в отношении страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, поскольку это не было предусмотрено Федеральным законом от 15.12.2001г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации». Следовательно, организации, которые освобождались от

уплаты единого социального налога, должны уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование в полном объеме.

Законодатель предусмотрел доступ страхователей к регрессии по страховым взносам аналогично доступу к регрессии по единому социальному налогу, поскольку механизм регрессии обеспечивает понижение ставок страховых платежей, благодаря которому не допускается чрезмерная дифференциация пенсий.

При этом была сохранена зависимость тарифа страховых взносов на обязательное пенсионное страхование от категории страхователя. Так, для страхователей–производителей сельскохозяйственной продукции был сохранен льготный страховой тариф. Если для страхователей (не относящихся к сельхозпроизводителям) тариф страховых взносов установлен в размере 14 процентов, то для работодателей, занятых в производстве сельскохозяйственной продукции, этот тариф составляет 10,3 процента.

Следует отметить, что различный подход к установлению страхового тарифа по уплате страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации существовал еще с 1992 года. Однако, до 1 января 2002 года при существующей распределительной пенсионной системе, этот факт не влиял на пенсионные права граждан, поскольку размер пенсии рассчитывался исходя из начисленной заработной платы независимо от факта уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Начиная с 1 января 2002 года в рамках реформирования пенсионной системы, когда пенсионные права граждан стали напрямую зависеть от суммы уплаченных страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, различие тарифов для начисления страховых взносов ставит в заведомо неравное положение застрахованных лиц, работающих в промышленности и в сельском хозяйстве. Так, при одинаковой заработной плате у застрахованного лица, работающего на промышленном предприятии в городе, размер пенсии будет больше чем у того, кто работает у сельхозпроизводителя. Причем ежегодная индексация расчетного пенсионного капитала еще более увеличивает разрыв в пенсионном обеспечении граждан.

Рассмотрим примеры.

Женщины с одинаковой датой рождения (10.01.1961), имеют одинаковый пенсионный капитал, выраженный в денежном выражении исходя из стажа и заработка, выработанного до 1 января 2002 года, и проиндексированный до даты назначения пенсии – 617336,18 руб.

После 1.01.2002г. продолжают работать до наступления права на трудовую пенсию по старости с одинаковой суммой заработной платы – 7 000 руб. ежемесячно, но при этом:

– трудовая деятельность 1-й женщины протекает в городе, и сумма страховых взносов, уплачиваемая работодателем ежегодно, составляет 11 760 руб. (14 %).

– трудовая деятельность 2-й женщины протекает в сельской местности, и сумма страховых взносов, уплачиваемая работодателем ежегодно, составляет 8652 руб. (10,3 %).

Приведем сравнительный расчет страховых частей будущих пенсий, который будет установлен этим двум женщинам по достижении возраста 55 лет с 10.01.2016г. При этом сумма страховых взносов, уплаченных работодателем до даты назначения пенсии, индексируется в порядке, установленном законодательством, в том числе, с учетом прогнозных индексов: 2007 г. – 1,092; 2008 г. -1,134; 2009 г. – 1,118; 2010 г. – 1,065; 2011 г. – 1,101; 2012г. – 1,07; 2013 г.- 1,057; 2014 г.-1,055; 2015 г. – 1,044 (суммарный прогнозный индекс – 2,022) (таблица 2).

Таблица 2.

Сравнительный расчет размеров страховых частей трудовых пенсий по старости

Расчет размера страховой части при назначении пенсии с 10.01.2016 года для женщины, работающей в городе	Расчет размера страховой части, при назначении пенсии с 10.01.2016 года для женщины, работающей в сельской местности
1. Общая сумма страховых взносов, учтенная на дату назначения с учетом всех индексов увеличения расчетного пенсионного капитала 286125,87 руб.	1. Общая сумма страховых взносов, учтенная на дату назначения с учетом всех индексов увеличения расчетного пенсионного капитала 210503,24 руб.
2. Общий пенсионный капитал на 10.01.2016 г.: 617336,18 руб.+ 286125,87 руб. = 903462,05 руб.	2. Общий пенсионный капитал на 10.01.2016 г.: 617336,18руб. + 210503,24руб. = 827839,42руб
3. Страховая часть на 10.01.2016 г.: СЧ = 903462,05 руб. / 228 мес. = 3962,55 руб.	3. Страховая часть на 10.01.2016 г.: СЧ = 827839,42 руб. / 228 мес. = 3630,87 руб., т.е. на 331,68 руб. меньше, чем у работающих в городе.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют, что пенсионное обеспечение работников сельскохозяйственной отрасли с введением нормативной базы пенсионного обеспечения, основанной на страховых принципах, осуществляется на более низком уровне.

Принятые ранее и действующие в настоящее время льготы для сельхозпроизводителей по тарифу уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации приводят к дискриминации в пенсионном обеспечении граждан, работавших в сельскохозяйственной сфере. Фактически действующая льгота превратилась в норму, препятствующую достижению приемлемого уровня пенсионного обеспечения.

Размер страховой части для указанной категории граждан Российской Федерации может быть почти до 40 процентов ниже при всех равных условиях, чем у работников других отраслей. Учитывая важность данного вопроса, требуется принятие законодательных мер, способных исправить ситуацию.

Не менее принципиальным нововведением тарифной политики являлось установление особого механизма обязательного пенсионного страхования для «самозанятой» части населения (индивидуальные предприниматели и приравненные к ним физические лица и адвокаты), которая должна осуществлять уплату страховых взносов на пенсионное страхование в виде фиксированного платежа. Размер его в расчете на месяц устанавливается исходя из стоимости страхового года, ежегодно утверждаемой Правительством РФ. При этом 2/3 размера фиксированного платежа уплачиваются на страховую часть трудовой пенсии, а 1/3 – на накопительную часть пенсии. До утверждения стоимости страхового года эта категория страхователей уплачивает страховые взносы в минимальном размере фиксированного платежа. Минимальный размер фиксированного платежа установлен в сумме 150 рублей из расчета на месяц. При этом 100 рублей направляется на финансирование страховой части трудовой пенсии, а 50 рублей – накопительной части трудовой пенсии, независимо от пола и возраста физического лица.

Сформировать достойные пенсионные права индивидуальным предпринимателям и приравненным к ним физическим лицам и адвокатам при таком размере фиксированного платежа не представляется возможным. Это наглядно демонстрирует приведенный ниже пример расчета размеров страховых частей трудовых пенсий по старости.

Женщина, 10.01.1961 г.р. с 01.01.2002 г. является индивидуальным предпринимателем, уплачивающим фиксированный платеж в размере 150 руб. (100 руб. – на страховую часть, 50 руб. – на накопительную часть). Ежегодная сумма страховых взносов на страховую часть трудовой пенсии по старости, поступающая на ее лицевой счет, составляет 1200 руб.

Кроме того, продолжительность ее общего трудового стажа до 01.01.2002 года составила 20 лет. Отношение ее среднемесячного заработка за 2000 – 2001 г. к заработной плате по стране за тот же период 1,2. С учетом этого ее начальный пенсионный капитал на дату назначения пенсии составляет 229790,73 руб.

Право на трудовую пенсию по старости возникает 10.01.2016 г.

Приведем расчет страховой части будущей трудовой пенсии по старости (см. таблицу 3.), которая будет установлена ей по достижении воз-

раста 55 лет с 10.01.2016 г. При этом сумма страховых взносов, поступившая на ее лицевой счет до даты назначения пенсии, индексируется в порядке, установленном законодательством, в том числе, с учетом прогнозных индексов (таблица 3).

Таблица 3.

Расчет размера страховой части трудовой пенсии по старости

Расчет размера страховой части при назначении пенсии с 10.01.2016 года для женщины, уплачивающей фиксированный платеж в размере 150 руб.
1. Общая сумма страховых взносов, учтенная на дату назначения с учетом всех индексов увеличения расчетного пенсионного капитала 29196,91 руб.
2. Общий пенсионный капитал на 10.01.2016 г.: 229790,73руб.+ 29196,91руб. = 258987,64 руб.
3. Страховая часть на 10.01.2016 г.: СЧ = 258987,64руб. / 228 мес. = 1135,91 руб., причем размер страховой части, собственно исходя из размера фиксированного платежа, составил 128.05 руб. (11,3% от всего размера страховой части)

Учитывая данное обстоятельство, постановлением Правительства РФ от 11 марта 2003 г. № 148 утверждены «Правила исчисления и уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в виде фиксированного платежа в размере, превышающем минимальный размер фиксированного платежа». Иначе говоря, «самозанятая» часть населения (индивидуальные предприниматели и приравненные к ним физические лица и адвокаты) вправе осуществлять уплату страховых взносов в размере, превышающим размер фиксированного платежа.

Несмотря на новые правила уплаты страховых взносов и имеющейся доход от осуществления индивидуальной деятельности эта категория населения в большинстве своем уклоняется от уплаты страховых взносов в размере, превышающем фиксированный платеж. Индивидуальные предприниматели и приравненные к ним лица, предпочитают получить прибыль сегодня, нежели через определенное время при достижении пенсионного возраста.

Кроме того, проведенный анализ расчетов размеров трудовых пенсий в зависимости от размера фиксированного платежа, указывает на незначительную прибавку к пенсии.

В таблице 4 показана динамика увеличения страховой части трудовой пенсии по старости в зависимости от размера уплаты фиксированного платежа «самозанятым» населением страны.

Таблица 4.

Динамика увеличения размера страховой части трудовой пенсии по старости

Сумма ежемесячного фиксированного платежа индивидуального предпринимателя	Сумма увеличения страховой части трудовой пенсии по старости, полученная за счет уплаты фиксированного платежа
150 руб.	70,07 руб.
300 руб.	140,16 руб.
600 руб.	280,32 руб.
1000 руб.	560,65 руб.
2000 руб.	1121,30 руб.

Анализируя приведенные расчеты, можно предположить, что индивидуальные предприниматели и приравненные к ним физические лица и адвокаты добровольно не будут производить уплату фиксированного платежа в размере большем, чем 150 руб. Поэтому необходимо законодательно закрепить норму, обязывающую самозанятое население производить оплату страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации по тарифам страховых взносов, установленным статьей 22 Федерального закона Российской Федерации от 15.12.01г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» для соответствующих категорий плательщиков, в зависимости от возрастного ценза исходя из среднемесячной заработной платы, установленной в субъекте Российской Федерации.

Так, например, в Пензенской области среднемесячная заработная плата в ноябре 2006 года составляет 7022,80 руб., следовательно, минимальный страховой взнос в Пенсионный фонд Российской Федерации для самозанятого населения не должен быть менее, чем 983,19 руб. (14% от 7022,80 руб.)

Можно приводить множество таких примеров. Это касается, прежде всего, досрочных трудовых пенсий, когда в результате более раннего выхода на пенсию (максимальный срок снижения пенсионного возраста 10 лет) граждан, работавших в особых условиях труда либо суровых климатических условиях, происходит скрытое перераспределение средств, что уменьшает размеры пенсий обычным пенсионерам. При этом до настоящего времени окончательно не принято решение о создании профессиональных пенсионных систем.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации лишь в первом чтении 26 июня 2002 года приняла проекты федеральных законов – № 183353-3 «Об обязательных профессиональных пенсионных системах в Российской Федерации» и № 183365-3 «О страховом взносе на финансирование обязательных профессиональных пенси-

онных систем», направив их с соответствующими рекомендациями для изучения Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации Федерального собрания и соответствующие законодательные органы Российской Федерации для внесения необходимых поправок. Рассмотрев внесенные (по состоянию на декабрь 2006 года) в Государственную Думу поправки в части установления страхового тарифа в размере 7 процентов для работающих на подземных работах, работах с вредными условиями труда и в горячих цехах и 3 процентов для всех остальных категорий «досрочников», можно сделать вывод о том, что размер их профессиональных пенсионных прав не достигнет прожиточного минимума, установленного в Российской Федерации для пенсионеров.

Так, например, ежемесячные дополнительные пенсионные взносы застрахованного лица, работающего в особых условиях труда по Списку № 1 и получающего среднемесячный заработок 10000 руб., составят 700 руб. Если учесть, что мужчина по Списку № 1 отработал 10 лет (2007–2016 г.), то общая сумма дополнительных отчислений к дате установления профессиональной пенсии (к 2017 году) с учетом прогнозных индексов составит: 108127,64 руб.

При этом размер профессиональной пенсии с учетом времени ее получения с момента установления профессиональной пенсии в 50 лет до достижения общеустановленного возраста 60 лет, т. е. 10 лет (120 мес.) будет равен 901,06 руб.

Нельзя не сказать также об отсутствии возможности у женщин по сравнению с мужчинами заработать равные пенсионные права ввиду различного общеустановленного пенсионного возраста выхода на трудовую пенсию по старости.

Рассмотрим пример: женщина и мужчина с одинаковой датой рождения (10.01.1958), имеют одинаковый стажевой коэффициент 0,60 (исходя из трудового стажа, выработанного до 1.01.2002 г.), и максимальное соотношение заработков 1,2. Начальный пенсионный капитал с учетом индексов к дате назначения пенсии составляет 311919,22 руб.

После 1.01.2002г. продолжают работать до наступления права на трудовую пенсию по старости с одинаковой суммой заработной платы – 5000 руб. ежемесячно (при этом сумма страховых взносов, уплачиваемая работодателем ежегодно, составляет 8400 руб.).

Приведем сравнительный расчет страховых частей будущих пенсий, который будет установлен женщине по достижении возраста 55 лет с 10.01.2013 г. и мужчине по достижению возраста 60 лет с 10.1.2018 г.

При этом сумма страховых взносов, уплаченных работодателем до даты назначения пенсии, индексируется в порядке, установленном законодательством, в том числе, с учетом прогнозных индексов (см. таблицу 5).

Таблица 5.
Сравнительный расчет размера трудовой пенсии по старости
для мужчины и женщины с одинаковыми условиями

Расчет размера страховой части при назначении пенсии с 10.01.2013 года для женщины	Расчет размера страховой части при назначении пенсии с 10.01.2018 года для мужчины
<p>1. Общая сумма страховых взносов, учтенная на дату назначения с учетом всех индексов увеличения расчетного пенсионного капитала 152867,85 руб.</p> <p>2. Общий пенсионный капитал на 10.01.2012г.: 311919,22 руб.(ПК_{на1.01.02г.}) + 152867,85 руб. = 464787,07руб.</p> <p>3. Страховая часть на 10.01.2013 г.: СЧ = 464787,07руб. / 228 мес. = 2038,54 руб.</p>	<p>1. Общая сумма страховых взносов, учтенная на дату назначения с учетом всех индексов увеличения расчетного пенсионного капитала 221190,25 руб.</p> <p>2. Общий пенсионный капитал на 10.01.2012г.: 311919,22 руб.(ПК_{на1.01.02г.}) + 221190,25 руб. = 533109,47 руб.</p> <p>3. Страховая часть на 10.01.2018г.: СЧ = 533109,47 руб. / 228 мес. = 2338,19 руб., что на 299,65 руб. больше, чем у женщины</p>

Приведенные примеры по расчетам пенсионных обязательств в зависимости от установленных тарифов страховых взносов для различных отраслей и категорий населения России свидетельствуют о недостаточно проработанности тарифной политики в сегодняшних рыночных условиях и требуют глубокого и всестороннего анализа финансовой устойчивости системы обязательного пенсионного страхования в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

И. А. Павлова

Всероссийский центр уровня жизни, Москва

АКТУАРНАЯ ОЦЕНКА СИСТЕМЫ ДОСРОЧНОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

С принятием пакета новых пенсионных законов с 2002 года назначение пенсий производится по принципиально новой пенсионной формуле, исходя из сумм расчетного пенсионного капитала и пенсионных накоплений, сформированных в течение всей трудовой деятельности застрахованных лиц, с учетом продолжительности периода выплаты трудовой пенсии. В связи с этим сложилась объективная необходимость разработки специализированной актуарной технологии, которая обеспечивает оценку сбалансированности бюджета ПФР в долгосрочной перспективе для оперативного отслеживания каждого фактора, оказывающего влияние на финансовую устойчивость пенсионной системы.

На сбалансированность пенсионной системы влияют такие показатели, как уровень пенсионного обеспечения, соотношение количества плательщиков страховых взносов и получателей трудовых пенсий, размер тарифа страховых взносов в пенсионную систему.

В этой связи можно отметить, что для распределительной системы количественное соотношение плательщиков страховых взносов и получателей трудовых пенсий имеет первичный характер, от которого зависят остальные условия. Поэтому очень важно оценивать с этой точки зрения состояние демографии в стране и тенденции в изменении демографии в будущем.

Приведённые актуарные расчеты по Пензенской области показывают, что к 2030 году, если сохранятся действующие сейчас в области тенденции, численность населения снизится на 22 процента и составит 1149708 человек (табл. 1).

Таблица 1.

Демографический прогноз по Пензенской области								
								(чел.)
Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2015	2020	2030
Численность постоянного населения	1405716	1394472	1383143	1371675	1360017	1299067	1249472	1149708
Численность наемных работников	42697	426000	422000	420000	419003	415001	386962	349 97
в том числе:								
численность наемных работников, занятых в с/х	38166	31862	31568	31418	31 341	31 043	29 363	27 172
Численность индивидуальных предпринимателей	28997	28995	28995	28998	29 002	26 002	25 164	22 402
Численность адвокатов	349	350	350	349	352	333	311	285
Численность получателей трудовой пенсии - всего	399545	399281	399117	399050	398 894	395 486	388 291	360 594

в том числе:								
по старости	324702	322726	320957	319495	318 128	310 597	301 789	273 740
в т.ч. досрочные пенсии (ст.27,28)	77974	79245	79213	79199	79 168	78 492	77 064	71 567
по случаю потери кормильца	34202	35757	37114	38242	39 218	42 653	44 743	46 588
по инвалидности	40641	40798	41046	41313	41 548	42 236	41 759	40266

Численность наёмных работников также сокращается на 22 процента, в то время как численность получателей трудовых пенсий уменьшается лишь на 10 процентов, то есть в два раза увеличивается нагрузка на активную часть населения области.

Изменяется структурный состав населения области. Если в 2006 году трудовых пенсионеров в области было 28,4 процента, то в 2030 году их количество составит уже 31,4 процента.

Общее количество пенсионеров снижается, однако количество получателей пенсии по случаю потери кормильца возрастёт на 36 процентов, а количество пенсионеров–инвалидов останется на сегодняшнем уровне.

Проведённые расчеты показывают, что резкое изменение в численности, как жителей области, так и численности наёмных работников и получателей трудовых пенсий наступает после 2015 года (рис. 1)



Рис. 1. Прогноз численности населения Пензенской области, наемных работников и получателей трудовой пенсии до 2030 года.

Несколько улучшится в области обеспеченность выплаты страховой части трудовой пенсии собственными страховыми взносами. Процент обеспеченности возрастет с 48,63 процентов в 2005 году до 58,43 процентов в 2015 году (рис. 2).



Рис. 2. Прогноз обеспеченности выплаты страховой части трудовой пенсии в Пензенской области до 2015 года.

Вырастет и процент обеспеченности выплат базовой части трудовых пенсий. Однако в целом дефицит средств в области на выплату пенсионных обязательств государства возрастет почти в 2 раза (с 6612,3 млн.руб. в 2005 году до 12738 млн руб. в 2015 году) (табл. 2).

Таблица 2.

Прогноз потребности ОПФР по Пензенской области в финансовых ресурсах на обеспечение государственных пенсионных обязательств (на период до 2015 г.)

ПОКАЗАТЕЛИ	БЮДЖЕТНЫЕ ПРОЕКТИРОВКИ				АКТУАРНЫЙ ПРОГНОЗ						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Распределительная составляющая финансовых потребностей											
Финансовые ресурсы, млн. руб.	4181,5	5214,5	5723,8	6650,0	7423,0	8290,4	9244,6	10275,2	11369,3	12581,8	13877,5
в том числе:											
единый социальный налог	1304,9	1669,2	1805,0	2371,5	2695,3	3065,3	3480,9	3940,4	4440,9	5006,2	5625,2

страховые взносы на страховую часть пенсии	2876,6	3545,3	3918,8	4278,5	4727,7	5225,1	5763,7	6334,8	6928,4	7575,6	8252,3
Государственные пенсионные обязательства, млн. руб.	10793,8	12036,4	13838,1	16827,5	19405,9	20529,5	22032,1	23295,7	24429,8	25580,1	26615,4
в том числе:											
на выплату базовой части трудовой пенсии	4644	5214	5911,3	7775,5	9274,1	9743,3	10175,4	10616,8	11052,9	11494,8	11934,7
на выплату страховой части трудовой пенсии	5915,6	6563,2	7625,6	8708	9746,8	10376,3	11406,2	12197,1	12868,6	13550,1	14122,8
административные расходы по системе	234,2	259,2	301,2	344,0	385,0	409,9	450,5	481,8	508,3	535,2	557,9
Текущий финансовый результат дефицит (-), профицит (+) распределительной составляющей, млн.руб.	-6612,3	-6822,0	-8114,3	-10178	-11983	-12239	-12788	-13021	-13061	-12998	-12738
в том числе:											
на базовую часть трудовой пенсии	-3339,1	-3544,8	-4106,3	-5404	-6578,8	-6678	-6694,5	-6676,4	-6612	-6488,6	-6309,5
на страховую часть трудовой пенсии	-3039	-3017,9	-3706,8	-4429,5	-5019,1	-5151,2	-5642,5	-5862,3	-5940,2	-5974,5	-5870,5
Формирование накопительной части трудовой пенсии, млн. руб.	350,7	416,4	523,8	991,9	1204,2	1454,9	1747	2082,4	2462,2	2902,4	3400,2
Обеспеченность расходов на выплату страховой части пенсии, %	48,6	54,0	51,4	49,1	48,5	50,4	50,5	51,9	53,8	55,9	58,4
Обеспеченность расходов на выплату базовой части пенсии, %	28,1	32,1	30,5	30,5	29,1	31,5	34,2	37,1	40,2	43,6	47,1

Негативные демографические тенденции в области повлияют на уровень пенсионного обеспечения. Средний размер трудовой пенсии в области возрастёт с 2224,5 руб. в 2005 году до 5490,6 руб. в 2015 году, в то время как средняя заработная плата в 2015 году прогнозируется на уровне 20900 руб., что по темпам роста значительно выше.

Коэффициент замещения средней заработной платы трудовой пенсией снизится с 42,72 процентов в 2005 году до 26,27 процента в 2015 году, что нельзя признать удовлетворительным.

В то же время несколько улучшится по данным актуарных расчетов соотношение среднего размера трудовой пенсии с прожиточным уровнем пенсионера.

Этот показатель в 2005 году составлял 1,16, а в 2015 году он увеличится и достигнет уровня 1,35 (табл. 3).

Таблица 3.

Прогноз уровня пенсионного обеспечения в Пензенской области до 2015 года

Показатели	2005	2006	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Среднемесячная заработная плата	5207	6530	11280	12840	14570	16460	18600	20900
Темп роста среднемесячной заработной платы к предыдущему году	1,269	1,254	1,140	1,138	1,135	1,130	1,130	1,124
Прожиточный минимум пенсионера на конец отчетного периода	1922,0	2395,0	3123,8	3301,9	3483,2	3667,8	3859,2	4056,1
Среднегодовой размер трудовой пенсии	2224,5	2438,9	4203,2	4515,8	4781,0	5022,4	5268,5	5490,6
базовой части трудовой пенсии	1001,5	1055,0	2035,5	2129,1	2224,9	2320,6	2418,1	2514,8
страховой части трудовой пенсии	1223,0	1383,9	2167,7	2386,7	2556,1	2701,8	2850,4	2975,8
базовой части трудовой пенсии	1,445	1,085	1,051	1,046	1,045	1,043	1,042	1,040
страховой части трудовой пенсии	1,110	1,132	1,065	1,101	1,071	1,057	1,055	1,044
Коэффициент замещения среднего размера трудовой пенсии	42,72	37,35	37,26	35,17	32,81	30,51	28,33	26,27
Соотношение среднего размера труд. пенсии с прожиточным минимумом пенс.	1,16	1,02	1,35	1,37	1,37	1,37	1,37	1,35
Соотношение численности наемных работ. с численностью получателей пенсии	1,02	1,01	0,99	0,99	0,98	0,98	0,98	0,98
Соотношение численности наемных раб. с численностью получателей труд. пенсии	1,08	1,07	1,05	1,05	1,05	1,05	1,05	1,05

Прогнозные расчеты показывают, что в области уже в 2008 году сравняется численность наёмных работников с численностью пенсио-

Таблица 4.
Прогноз рождаемости и потребности в материнском капитале в Пензенской области

Показатели	отчет		оцен- ка	прогноз										
	2004 г.	2005 г.		2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	
Число родившихся всего, чел.	12246	11827	11982	12139	12298	12459	12622	12788	12955	13125				
в том числе:														
Число родившихся вторыми и последующими родами, чел.	4175	4062	4134	4188	4243	4298	4355	4412	4470	4528				
Удельный вес родившихся вторыми и последующими родами	34,1	34,3	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	34,5	
Индексация базовой части пенсии, %					1,350	1,036	1,051	1,046	1,045	1,043	1,042	1,040		
Размер материнского (се- мейного) капитала родив- шимся вторыми и последу- ющими родами, т. руб.				250,0	337,50	349,65	367,48	384,39	401,68	418,96	436,55	454,01		
Сумма средств материнс- кого (семейного) капитала родившимся вторыми и последующими родами, млрд. руб.							1,54	1,63	1,73	1,82	1,93	2,03		

неров области, а к 2015 году это соотношение будет составлять 0,98. В то же время соотношение наёмных работников с численностью получателей трудовой пенсии будет снижаться до 2008 года, а далее будет стабильным до 2015 года на уровне 1,05.

Такое соотношение не позволит в ближайшие 10-20 лет значительно улучшить уровень пенсионного обеспечения в рамках действующей распределительной системы. Поэтому задача по улучшению демографической ситуации в стране становится одной из первоочередных по своей актуальности и для пенсионного обеспечения.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть демографические последствия вводимого с 2007 года материнского (семейного) капитала, призванного повысить рождаемость в России.

В Пензенской области число родившихся вторых и последующих детей составляет 34 процента от всех родившихся детей.

В 2007 году число новорожденных детей по данным лечебных учреждений области составит 12139 человек.

В последующие годы ожидается рост рождаемости (табл. 4)

Однако резкого изменения в рождаемости за счет введения материнского капитала пока не прогнозируется.

И в этой связи важно отметить два момента. Первый: в Пензенской области компенсационный прирост численности наемных работников от введения материнского (семейного) капитала не произойдет даже в случае резкого увеличения рождаемости, так как родившиеся в ближайшие годы не успеют войти в активную часть населения области к 2015-2020 годам, а значит, снижения населения области не избежать.

Второй: количество назначаемых ежегодно трудовых пенсий в области почти в 2 раза превышает рождаемость в области, что не позволит стабилизировать пенсионную систему, и она будет оставаться дотационной.

Поэтому для стабилизации пенсионной системы кроме действий, направленных на улучшение демографической ситуации, необходим и ещё целый ряд мер, среди которых должны быть:

- введение подлинно страховых принципов в пенсионное обеспечение;
- установление равного тарифа страховых взносов для всех категорий застрахованных;
- распределение страховой нагрузки между работодателями и застрахованными лицами;
- перевод нестраховых периодов на страховые принципы.
- перевод досрочных и льготных пенсий на финансирование от отдельных страховых источников;
- введение обязательной актуарной оценки последствий принимаемых решений по вопросам пенсионного обеспечения.

Одним из факторов, негативно влияющим на эффективность функционирования современной пенсионной системы и существенно ограничивающим перспективы ее развития, является сохранение до настоящего времени системы досрочных (льготных) пенсий. Причем для лиц, профессиональный стаж которых на 01.01.2003 г. не достигал половины требуемого стажа, пенсия назначается в соответствии с Федеральным Законом № 173. Для остальных льготников предусматривался переход в обязательные профессиональные пенсионные системы, Закон о которых до сих пор не принят.

Нерешенность вопроса с финансированием (отсутствие конкретного источника финансирования) льготных пенсий отрицательно влияет на стабильность пенсионной системы.

Начиная с 2002 года, ежегодно из бюджета ПФР по Пензенской области расходуются 20-25% средств на выплату досрочных пенсий (ст.27,28 Федерального Закона №173 от 17.12.2001г.), не подкрепленных дополнительным источником финансирования, что ущемляет пенсионные права основной части получателей трудовых пенсий.

Приведенные актуарные расчеты по Пензенской области показывают, что при сохранении действующего законодательства данная тенденция сохраняется.

При общем снижении количества жителей области на 22%, наемных работников на 22%, получателей трудовых пенсий на 0,99%, численность получателей досрочных пенсий возрастет к 2010 году на 1,5%, а к 2015 году - на 0,6% (рис. 3).

**ПРОГНОЗ ЧИСЛЕННОСТИ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ
(СТ. 27, СТ. 28) ПО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПЕРИОД ДО 2015Г.)**

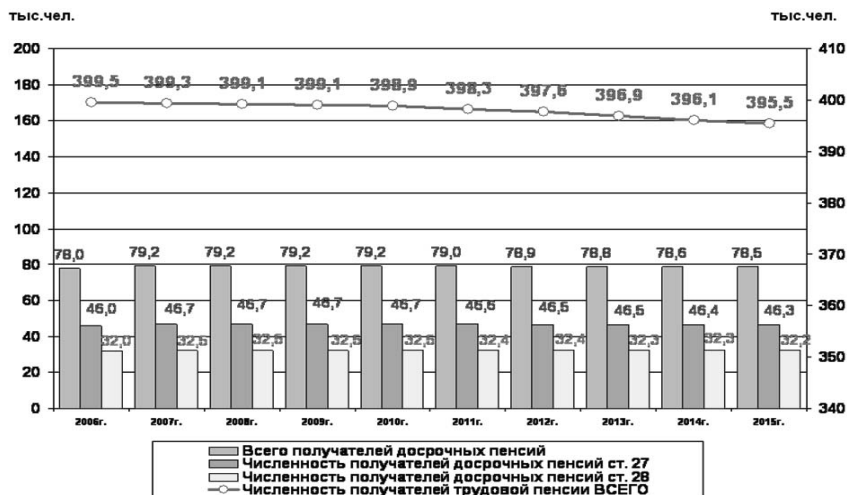
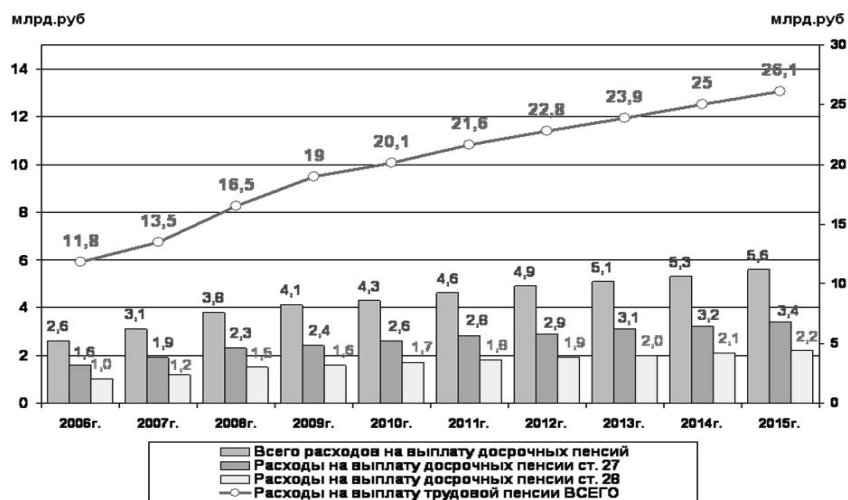


Рис. 3. Прогноз численности получателей досрочных пенсий (ст.27,28) по Пензенской области

Причем, с ростом получателей льготных пенсий на 0,6%, расходы на их финансирование возрастут в 2,15 раза (рис.4).

**ПРОГНОЗ РАСХОДОВ НА ВЫПЛАТУ ДОСРОЧНЫХ ПЕНСИЙ
(СТ. 27, СТ. 28) ПО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПЕРИОД ДО 2015Г.)**



**Рис. 4. Прогноз расходов на выплату досрочных пенсий
(ст.27,28) по Пензенской области**

Кроме того, средний размер досрочных пенсий превышает средний размер других видов трудовых пенсий (табл. 5).

**Таблица 5.
Средний размер пенсий по Российской Федерации**

Наименование показателей	Данные по годам (в рублях)						
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Средний размер пенсий	402,9	521,1	823,35	1144,35	1462,35	1747,35	2026,25
Средний размер трудовых пенсий	408,1	526	841,96	1165,93	1481,67	1773,84	2060,62
Средний размер досрочных пенсий	474,5	594,7	943,2	1356	1665,05	2024,67	2381,3

В тоже время количество новых назначений трудовых пенсий по старости уменьшается на 12,3 %, по случаю потери кормильца – на 19,8 %, по инвалидности – на 18,55 %, а число новых досрочных пенсионеров – на 7,4 % (табл.7).

Таблица 6.**Прогноз количества новых назначений трудовых пенсий в Пензенской области**

Наименование показателей	2006	2007	2008	2009	2010	2015	2020	2030
Численность новых назначений трудовых пенсий - всего	21066	22132	22249	22466	22431	21593	19672	17953
в том числе:								
по старости	13482	14647	14901	15260	15383	15020	13384	11820
в т.ч. досрочные пенсии (ст.27,28)	2934	3007	3006	3005	3004	2978	2924	2715
по случаю потери кормильца	3498	3406	3297	3184	3079	2855	2835	2805
по инвалидности	4086	4079	4051	4022	3969	3718	3453	3328

Исходя из приведенных актуарных расчетов по Пензенской области, можно сделать вывод, что отсутствие дополнительного источника финансирования системы досрочного пенсионного страхования (ст. 27, 28) приводит к нестабильности пенсионной системы в целом и ухудшению уровня пенсионного обеспечения остальных пенсионеров.

Поэтому принятие закона о профессиональных пенсионных системах и выделение льготных пенсий из общей пенсионной системы послужит одному из основополагающих принципов социального страхования – соответствию страховых взносов страховым выплатам, а система получит законодательно установленные ресурсы.

В. А. Долотов

Отделение ПФР по Пензенской области

СОСТОЯНИЕ ИНФОРМИРОВАННОСТИ ОБЩЕСТВА О ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЕ

Введенные в 2002 году новые пенсионные правила сохранили преемственность многих положений старого пенсионного законодательства, но в то же время внесли много новых принципиальных изменений в пенсионное обеспечение.

Одним из важнейших принципиальных изменений явилось то, что объем пенсионных прав граждан, а соответственно и объем государственных пенсионных обязательств, стал базироваться на сумме уплаченных страховых взносов в ПФР, а не определяться, как раньше, размером начисленной заработной платы за произвольные 60 месяцев работы или за 2000–2001 годы.

Пенсионные риски (старость, инвалидность, потеря кормильца) были разделены между гражданами, работодателями и государством. Другими слова-

ми, государство осуществило перераспределение пенсионных обязательств. И если раньше только само государство несло пенсионные обязательства, то с 2002 года социальные обязательства возложены на работодателя, а практически на самого наемного работника, если учитывать, что сумма уплаченных страховых взносов за работника фактически является частью оплаты его труда, которая состоит как в виде суммы заработной платы, так и страховых взносов на различные виды его страхования (социальное, пенсионное, медицинское).

Поэтому собственником пенсионных страховых взносов должны являться не государство, не работодатели, а граждане – наемные работники за кого уплачены страховые взносы.

Кроме того, впервые в пенсионную систему России были введены возможности капитализации накопительной части трудовой пенсии, а также дополнительное пенсионное обеспечение через негосударственный сектор пенсионного обеспечения (негосударственные пенсионные фонды и управляющие компании).

Эти нормы предоставили дополнительные возможности гражданам РФ по удовлетворению своих жизненных потребностей в старости, путем принятия определенных мер в период своей активной деятельности.

Это изменило систему социальных отношений в системе пенсионного обеспечения по поводу возможностей удовлетворения жизненных потребностей людей и способов их жизнедеятельности.

С введением института негосударственных пенсионных фондов возможности пенсионного обеспечения граждан расширились. По смыслу федерального законодательства НПФ призваны стать основой формирования второго уровня системы пенсионного обеспечения, дополняющего первый – государственный уровень.

Говоря о возможности капитализации накопительной части пенсий, надо иметь в виду, что это очень крупный и постоянно растущий объем потенциальных инвестиций, который на 1 января 2004 года составил 95,6 млрд руб., в 2006 году превысил 250 млрд руб., а к 2012 году, по некоторым оценкам, объем этих средств составит порядка 12-14 процентов ВВП страны и превзойдет по величине все иные инвестиционные ресурсы страны.

Особенностью данного инвестиционного ресурса является также то, что он выступает в качестве «длинных денег», которыми можно распоряжаться в течение продолжительных периодов (до 40 лет), что делает их чрезвычайно привлекательными.

Однако эти и другие возможности улучшения своих жизненных потребностей, заложенные в новом пенсионном законодательстве, возможны только при осознании и понимании этих возможностей и оптимальной их реализацией всеми субъектами пенсионной системы, что предполагает наличие и использование соответствующей информации.

Между тем итоги пенсионной реформы, количество и характер обращений граждан как в органы ПФР, так и в другие органы свидетельствуют

о том, что в сознании граждан отсутствуют достаточные представления о том, как в целом устроена и функционирует новая пенсионная система, как работают ее перераспределительные и накопительные механизмы (табл. 1).

Таблица 1.
Количество обращений граждан в органы ПФР по Пензенской области за 2003-2006 годы

	2003	2004	2005	2006
Всего обращений	90363	125760	104953	93774
В ОПФР, в том числе:	4192	4290	3780	3837
письменно	1481	1326	1261	1142
устно	2711	2964	2519	2695
В УПФР, в том числе;	86171	121470	101173	89937
письменно	738	748	792	808
устно	85433	120722	100381	89129
На выездных приемах ОПФР	209	196	197	394

Источник: ОПФР по Пензенской области.

Высказывания граждан в обращениях и на приемах свидетельствуют о том, что пенсионная система представляется им непрозрачной, «черным ящиком», что в значительной степени связано с недостатком информации о системе пенсионного обеспечения в России, роли и значении каждого субъекта этой системы.

Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что имеется тенденция к росту неопределенности в пенсионных вопросах у молодежи, которые не получают системных знаний по этим вопросам в рамках действующей системы образования России, а другие источники, как правило, игнорируют. Это приводит к тому, что именно у молодежи в большей степени деформированы жизненные цели (в частности – пенсионные), и именно молодежь в большей степени соглашается на получение заработной платы «в конверте», без уплаты страховых платежей в Пенсионный фонд РФ, обрекая себя на потерю части пенсионных прав и на невысокую пенсию. Нет достаточной информации среди молодежи и о новых формах негосударственного пенсионного обеспечения – как обязательного, так и дополнительного, в результате чего возможности НПФ не используются.

В определенной мере это является так же и следствием того, что созданная в советское время система подготовки и переподготовки кадров, готовившая высококвалифицированных специалистов, которая высоко оценивалась в мире, оказалась разрушенной, а взамен никакой новой системы не создано.

Можно предположить, что в условиях рынка освободившуюся нишу займет негосударственный сектор образования. Однако наш бизнес не проявляет активности в просвещении молодежи основам пенсионного страхования.

В результате такого положения молодежь практически не имеет представления о пенсионной системе. Подтверждением может служить в частности и вывод, сделанный студентами Уральского государственного технического университета, обследовавшими группу молодых лиц – солдат срочной службы. 95 процентов опрошенных военнослужащих не имеют никакого понятия о пенсионной системе России.

Необходимо отметить, что значительная доля ответственности за незнание и неактивное поведение молодежи лежит и на негосударственных пенсионных фондах, и на управляющих компаниях.

По мнению автора, именно они обязаны предоставлять необходимую информацию о деятельности негосударственного сектора пенсионного обеспечения – НПФ и УК, являющихся субъектами рынка пенсионных услуг.

Раскрытие информации – важнейшее условие функционирования пенсионного рынка. Не обладая достаточной информацией нельзя принять грамотное решение об инвестировании средств пенсионных накоплений.

Действующая пенсионная система, в отличие от старой, основана на индивидуальном (персонифицированном) учете пенсионных прав каждого гражданина, застрахованного в ПФР. Это принципиальное отличие подразумевает наличие необходимого объема информации по каждому гражданину. Практическая реализация новой системы выявила и новый феномен, которого раньше не было. Речь идет о том, что в Пенсионном фонде появились уплаченные страховые взносы, которые не идентифицированы по их владельцам из-за отсутствия необходимой информации от работодателей. Причем сумма таких средств ежегодно возрастает. По итогам 2005 года, по данным ПФР, эти средства превысили объем 6,5 млрд рублей. То есть на эту сумму потеряны пенсионные права (часть будущих пенсий) у конкретных граждан России, которые как раз из-за своей неинформированности в абсолютном большинстве случаев даже не проявляют никакого беспокойства по этому поводу.

В этом случае можно констатировать, что в результате отсутствия информации проявляется недостаточная ответственность и непонимание последствий для будущей пенсии как со стороны работодателей, так и со стороны наемных работников.

Разные источники по-разному оценивают информированность граждан. Так, по данным Фонда общественного мнения, в начале октября 2003 года 70 процентов знали о пенсионной реформе, но лишь всего 15 процентов были информированы о том, что именно предполагается изменить, а 29 процентов были знакомы с новой системой начисления пенсии лишь в общих чертах. По мнению автора, приведенные цифры об информированности граждан являются завышенными, так как не подтверждаются количеством принятых, в частности решений о выборе НПФ или УК. Автор согласен с другой оценкой, по которой количество знающих людей варьируется от 1 до 7 процентов населения.

Это подтверждается также и тем обстоятельством, что разобраться с полученными из ПФР извещениями о состоянии своего лицевого счета

не смогло подавляющее большинство граждан, которые вследствие этого были вынуждены обратиться за разъяснениями в органы ПФР области.

Пенсионная реформа реализуется уже более 5 лет (с 2002 года). Поэтому важно подвести первые объективные итоги информированности людей о реформе, и конечно, лучше, чтобы эти оценки были сделаны независимыми источниками.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2006 году провел общенациональный опрос и социологические исследования по целому ряду вопросов пенсионной реформы, в том числе и по информированности граждан о сути, целях, задачах пенсионной реформы, конкретных изменениях в порядке начисления пенсий, выбору управляющих компаний и знанию критериев отбора УК и НПФ.

Основные выводы, сделанные специалистами Центра свидетельствуют о том, что и в 2006 году реформа пенсионной системы, проводимая с 2002 г., не получила ясного отражения в массовом сознании. Подавляющее большинство россиян имеют о пенсионной реформе только самое общее представление («что-то слышали» – 60 %) и испытывают трудности в понимании её смысла (56 %).

Неясными для большинства россиян (50–55 %) остаются цели и задачи реформы, а также её возможные последствия – как для ситуации в сфере пенсионного обеспечения в целом, так и для них лично.

С содержанием реформы и основными принципами к настоящему времени хорошо знакомы лишь 15 % россиян. Подавляющее большинство опрошенных (60 %) имеют о реформе только самое общее представление.

Долю населения, которое не информировано о том, что в стране идет реформа пенсионной системы, ВЦИОМ оценивает сегодня как четверть – в ходе опроса 22% заявили, что услышали об этой реформе впервые от интервьюера, еще 3 % затруднились ответить на вопрос.

Более половины опрошенных (56 %) заявили, что испытывают трудности в понимании смысла пенсионной реформы, при этом каждый четвертый опрошенный не понимает его совсем.

Заметно меньше оказалось тех, кому суть пенсионной реформы более-менее ясна – таких оказалось 38 % респондентов. Из них лишь 11 % с уверенностью заявили, что им в реформе в целом все понятно, тогда как остальные 27 % высказались более сдержанно («скорее понятно»).

Тяжелее всего смысл преобразований понимается людьми, уже вышедшими на пенсию, непонятным смысл реформы остался для подавляющего большинства (65 %) пенсионеров.

Наоборот, работающие люди, чье «пенсионное будущее» во многом определено идущей реформой, осознают смысл преобразований сравнительно в большей степени (в 41 % случаев среди работающих по найму, в 39 % среди самозанятых и предпринимателей). Однако достаточно велик процент людей, не знающих, в чем заключается смысл реформирования системы пенсионного

обеспечения, и среди работающего населения – реформа непонятна 52 % наемных работников и 46 % samozанятых респондентов и предпринимателей.

Как показал общенациональный опрос, половина россиян (50 %) до сих пор не имеют ясного представления о том, на какие цели ориентирована пенсионная реформа, и какие задачи она призвана решить. Понятны цели и задачи реформы только 43 % опрошенных.

Ещё ниже уровень понимания возможных последствий реформы – более половины (55 %) населения не понимают, как реформа может повлиять на ситуацию в сфере пенсионного обеспечения в целом, а также на них лично. Представляют себе последствия ее реализации лишь 34–35% россиян.

В ходе опроса большинство (61 %) россиян заявили, что им недостаточно информации об изменениях, происходящих в ходе пенсионной реформы. Причем каждый четвертый респондент (24 %) выразил крайнюю степень неудовлетворенности своей информированностью по этому вопросу.

Удовлетворены тем объемом сведений о реформе, который они получают на данный момент, менее трети (31 %) опрошенных. Из них лишь 8 % смогли уверенно заявить, что информации о реформе им «безусловно, достаточно».

Чаще остальных заявляют о недостатке информации о пенсионной реформе люди среднего возраста: среди 25–34-летних таковых оказалось 64 %, среди 35–44 летних – 63 %. В меньшей степени озабочены этим вопросом молодые люди, тем не менее, проблема нехватки информации остро стоит и для данной возрастной группы (об этом заявили 56 % её представителей).

Важнее всего для россиян четко понимать систему и порядок начисления пенсии: именно по этому вопросу хотели бы получить разъяснения 74 % опрошенных, нуждающихся в дополнительной информации о пенсионной реформе.

Каждый второй из респондентов, желающих иметь больше информации о реформе, хотели бы знать, на что следует обращать внимание при выборе между частной и государственной управляющей компаниями (49 %). Ещё 42 % нуждаются в разъяснениях по поводу самой процедуры выбора управляющей компании. Активный интерес вызывает порядок деятельности государственных и частных управляющих компаний, причем в большей степени в информационно-разъяснительном освещении нуждается деятельность именно государственной управляющей компании (49 %).

Во многом непонимание сути реформы является следствием отсутствия к ней интереса со стороны граждан, их скептического отношения ко всяким реформам и нововведениям, неверием в то, что пенсионная реформа сможет существенно улучшить материальное положение пенсионеров. В то же время, большинство сограждан сегодня испытывают дефицит информации о том, что происходит в пенсионной сфере (61%) и нуждаются в дополнительном информировании и разъяснении о содержании и ходе реализации пенсионной реформы (55%). «Узкие места», нуждающиеся в разъяснениях – система и порядок начисления пенсий, параметры, на которые следует

обращать внимание при выборе управляющей компании, сама процедура выбора управляющей компании. Активный интерес вызывает также специфика работы государственных и частных управляющих компаний.

В Пензенской области наибольшее число вопросов граждан связано с назначением пенсии и возможным её увеличением, вопросам по досрочным пенсиям, индексациям и корректировкам пенсий (табл. 2).

Таблица 2.
Основные вопросы, изложенные в обращениях граждан в органы ПФР Пензенской области за 2004–2006 гг.

		2004	2005	2006
1	Общее количество обращений за год	125760	104953 (снижение на 11,9 %)	93774 (снижение на 10,6 %)
2	Право на досрочные пенсии	10,54 %	8,12 %	7,30 %
3	О перерасчете, корректировке и индексации пенсий	10,42 %	9,05 %	10,13 %
4	Исчисление страхового стажа	8,23 %	8,01 %	6,51 %
5	О возможности оказания материальной помощи	2,70 %	3,93 %	4,85 %
6	Правильность исчисления размера пенсии и возможность её увеличения	38,40 %	39,15 %	38,23 %
7	О праве на различные дополнительные виды материального обеспечения, в том числе ЕДВ	1,02 %	20,73 %	18,62 %

Один из «больших» вопросов в формировании отношения граждан к пенсионной системе и ходу ее реформирования связан с низким уровнем информационной включенности людей в эту проблему. Сегодня большинство россиян (52 %) не довольны тем, как СМИ отражают ситуацию в пенсионной сфере. Такие источники, как встречи граждан со специалистами Пенсионного фонда и его отделений, информирование через сотрудников органов социальной защиты, с помощью специальных информационных листовок, бюллетеней, пока задействованы в незначительной степени (ими пользуются лишь 2–3 %).

Потребность же в таких способах информирования существует, например, пообщаться со специалистами Пенсионного фонда хотели бы 18 % опрошенных.

По мнению специалистов ВЦИОМа канал взаимодействия пенсионной системы и будущих пенсионеров – это пенсионные извещения, которые в целом решают свою задачу. Большинство тех, кто их получил (63%) поняли их содержание.

Однако многим смысл и содержание посланий остается непонятен. Так, 30 % получателей извещений так и не смогли понять, каким образом фор-

мируется их будущая пенсия. При этом использовать «письма счастья» как инструмент контроля за своими пенсионными накоплениями научились немногие – относительно большинство получателей извещений (45 %) просто их прочитывают и больше к ним уже не возвращаются. Гораздо меньше (23%) тех, кто внимательно следит за судьбой своих пенсионных накоплений, хранит все полученные извещения, сверяет их, отслеживая динамику.

Всероссийским центром выполнен подробный анализ реализации пенсионной реформы, информированности о ней населения, причем не только в среднем, общенациональном разрезе, но и в разрезе двух крайних групп регионов: доноров и дотационных регионов. Сделанные специалистами центра выводы о недостаточной информированности населения о реформе пенсионной системы подтверждаются на практике и являются одной из причин негативных проявлений в ходе реформы – таких, как рост просроченной задолженности по уплате страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, наличие в ПФР неразмещенных по индивидуальным личным счетам уплаченных страховых взносов, пассивность молодежи в выборе способа капитализации своих пенсионных накоплений и использовании возможностей НПФ для своего дополнительного пенсионного обеспечения.

Рассматривая уровень информации населения по вопросам пенсионной реформы, необходимо отметить два критерия, которым должна соответствовать предлагаемая информация. Это достоверность и полнота информации. Оценивая достоверность информации, автор согласен с оценками, даваемыми населением большинству органов СМИ, которые во многих случаях связаны с некомпетентными в пенсионных вопросах работниками СМИ и, следовательно, некачественными материалами, что характерно в основном для региональных СМИ.

Отсюда возникает потребность в необходимой подготовке специалистов СМИ для освещения пенсионной тематики, что будет гарантией более объективной информации.

С другой стороны, бизнес-структуры, освещающая пенсионную тематику, уделяют внимание только тем узким вопросам, которые экономически им выгодны. Например, постоянной темой является обсуждение вопросов о необходимости снижения единого социального налога (ЕСН), претензии, высказываемые Правительству за то, что очень мало людей доверяют свои средства НПФ и УК (хотя убедить людей в экономической выгоде их сотрудничества с НПФ и УК как раз и должно бизнес-сообщество на конкретных своих примерах).

В результате такого раздробленного информационного подхода у большинства людей нет полного понимания о пенсионной реформе, о всех её особенностях, а если имеются знания, то отрывочные, зачастую необъективные, которые не стимулируют к практическим шагам по стремлению увеличить свой пенсионный капитал.

Имеющая место неорганизованность в информировании и слабая организующая роль государственных структур в этом вопросе (а пенсион-

ная реформа – это государственная программа) не способствует развитию человеческого потенциала, развитию активности населения страны.

Более глубокое понимание, чем сейчас, должно быть в вопросе о природе единого социального налога, который в настоящее время является основным финансовым источником пенсионной системы. Соединив в одном налоге налоговую и страховую составляющую, федеральный законодатель усложнил процесс пенсионного страхования, что привело к многочисленным нарушениям и потерям пенсионных прав граждан.

Непонимание в этом вопросе является характерным для значительной части населения страны.

Информирование о пенсионном обеспечении, которое проводилось в эти годы, велось с расчетом на уже подготовленные деловые, информированные круги, а не на простых граждан, которые, в частности, не имеют представления ни об управляющих компаниях, ни о фондовом рынке, ни о том, что уже несколько лет некоторые граждане получают негосударственную пенсию через негосударственные пенсионные фонды. Слабая информированность как работодателей, так и граждан являющихся наемными работниками – одна из причин того, что частные интересы отдельных работодателей преобладают над общественными, социальными, что в свою очередь приводит к экономическим потерям в будущем у наемного персонала.

Рассматривая вопросы информированности граждан, важно отметить одну особенность. Наибольшие потери от недостатка информации несут наемные работники. Это, как правило, проявляется в том случае, когда работодатель является недобросовестным, а персонал не знает о своих правах и не принимает мер по их защите.

Успешная реализация пенсионной реформы зависит в немалой степени от дифференциации в информационной и разъяснительной работе.

Дифференциация важна для целенаправленной информированности различных социальных групп, разных субъектов пенсионной системы и должна распределяться между государством и бизнесом – негосударственным сектором пенсионного обеспечения.

В качестве конечной цели обучения и информирования граждан страны должно быть воспитание новой философии пенсионного мышления, воспитание понимания того, что в значительной степени материальный уровень в старости зависит от действий или бездействия самого гражданина.

Обучение и информирование должны раскрыть гражданину суть его новых рыночных отношений с государством и другими субъектами системы, как с партнерами по пенсионной системе, в которой у каждого субъекта свои задачи, от решения которых зависит благополучие человека.

Суммируя изложенное, автор считает, что для успешной реализации этой цели система обучения и информирования должна строиться по нескольким направлениям:

1. Традиционные формы и методы информирования, которые включают в себя телевидение, радио, печатные СМИ, различного рода круглые столы, пресс-конференции, семинары, встречи и т. д., которые рассчитаны на все категории населения.

2. Обязательный пенсионный всеобуч для учащейся молодежи и студентов, руководителей всех уровней и частных предпринимателей. Это более глубокая форма обучения, чем простое, разовое информирование, которое имеет целью предоставить этим категориям базовый уровень знаний о правах и обязанностях каждой из указанных категорий в системе обязательного пенсионного обеспечения.

3. Организация работы консультационных пунктов на предприятиях и в организациях для информационной и разъяснительной работы среди персонала предприятий и организаций.

4. Организация работы клиентских служб в Управлениях ПФР в городах и районах, где гражданин может и должен получать исчерпывающую информацию по любому вопросу пенсионного обеспечения.

5. Для успешной реализации программы пенсионного всеобуча необходима систематическая подготовка силами органов ПФР педагогических кадров ВУЗов, ССУЗов, школ, являющихся преподавателями пенсионных курсов.

6. Для обеспечения объективности и достоверности в информации СМИ по пенсионной тематике необходимо проведение регулярных семинаров и обучение журналистов в системе ПФР, освещающих данную тематику.

7. С целью полноценной работы консультационных пунктов на предприятиях и в организациях необходимо регулярное обучение работников кадров и профсоюзного актива предприятий и организаций.

Реализация указанных направлений по информированности и обучению граждан России по сути являются инвестициями в человеческий капитал страны, способствуют его развитию и лучшему, с большей пользой его употреблению, в интересах каждого гражданина страны.

Библиографический список

1. Куликов В., Роик В.. Социальная политика как приоритет и приоритет социальной политики // Российский экономический журнал. 2005. — № 1. — С. 12.

2. Студенты – активные участники пенсионной реформы. // Пенсионные деньги. – 2006. – № 1–2 (19–20). С. 10.

3. В пенсионном фонде появились «ничейные» деньги. // Российская газета. – 6 октября 2006 г. – № 224 (4190).

4. Лапина Ю. Как разговорить молчунов. // Пенсионные фонды и инвестиции. 2004. – № 3 (13). С. 89.

5. Отношение населения к системе пенсионного обеспечения и ходу её модернизации. Аналитический отчет. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Москва, 2006 год.

Федеральное агентство по образованию
Пензенский государственный педагогический университет
имени В. Г. Белинского

**IX Социологические чтения
преподавателей,
аспирантов и студентов**

Межвузовский сборник научных трудов

Главный редактор –
доктор философских наук, профессор А. Б. Тугаров

Редактор – Л. И. Дорошина
Корректор – Л. И. Дорошина
Набор – А. С. Дудкин, Т. Г. Скороходова
Верстка — О. В. Сиротин

План ПГПУ 2007 г. (Поз. 132)

Подписано к печати 2.07.2007. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Уч.-изд. л. 16,75. Усл. печ. л. 15,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 98/07. Цена С. 97.



Издательство ПГПУ им. В. Г. Белинского:
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 5. Комн. 466

Типография ПГПУ им. В. Г. Белинского
440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37. Корп. 8. Комн. 311